

Сергей Цветков

АЛЕКСАНДР II

16+

Сергей Цветков

Александр I

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Цветков С. Э.

Александр I / С. Э. Цветков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Русский сфинкс, коронованный Гамлет, двуликий Янус - как только ни называли императора Александра I, одну из самых загадочных фигур русской истории XIX в. Книга насыщена живыми картинами нравов конца XVIII - начала XIX в., на ее страницах фигурируют крупнейшие политические деятели эпохи. Издание дополненное и переработанное.

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	50
Часть третья	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сфинкс, не разгаданный до гроба,—
О нем и ныне спорят вновь.
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.
Дитя осмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.
П.А. Вяземский

Часть первая БАБУШКИН ПАРАДИЗ

Вдали от трона взрос, еще не знаешь ты
Сей чести пагубной, заманчивой мечты.
Ты самовластия не испытал отравы,
И голос не прельщал тебя льстецов лукавый.
Афалия, трагедия, взятая из Св. Писания, г. Расина.
Пер. с фр. иждивением Н. Новикова и компании. Москва, 1784.

I

Дай Бог, кому детей родить, тому б их и взрастить!
Русская пословица

Глина влажна и мягка: нужно поспешить и, не теряя мгновения, обработать ее на гончарном круге.

Персий Флакк, III, 23–24

1777 год открыл самую веселую и счастливую пору екатерининского царствования. Победоносно закончились польская и турецкая войны, влияние России на европейские дела неуклонно возрастало, Вольтер и Гримм превозносили до небес государственную мудрость «святой Катерины Петербургской». Дворянство, стряхнув оцепенение, вызванное ужасами пугачевщины, бурно наслаждалось приятностями жизни.

Вот красно-розово вино:
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
(Г.Р. Державин)

Двор и столица задавали тон. Сменялись фавориты и фавориты фаворитов. Потемкин уступил на время свое место блестящему Завадовскому и вновь вернул расположение императрицы. Вельможи обменивались церемонными поклонами и обескураживающими оплеухами. Камер-пажи и фрейлины, получив свою порцию розог, шли разыгрывать чувствительные пасторали на эрмитажных собраниях. Вист, фараон и макао, словно смерч, уносили деревеньки и мужичков. Оглушительно хлопали пробки и пистолеты. На российском Парнасе, после кончины Сумарокова, гремели действительный статский советник Херасков и кабинетный секретарь государыни Василий Петров, гордившийся званием «карманного ее величества стихотворца». С успехом шла «Дидона» Княжнина. Богданович, написав «Душеньку», пребывал «на розах». Никому не известного Державина выпустили из гвардии в статскую службу, признав *неспособным* к военной. Фонвизин путешествовал по Франции и в письмах к своему другу генералу П.И. Панину клял парижскую нечистоту, «какую людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно».

Этот год, казалось, подал надежду и на восстановление мира в семье императрицы.

Сильное душевное потрясение, которое испытал великий князь Павел Петрович после смерти первой супруги¹, вновь сблизило его с матерью². Екатерина поспешила прописать сыну лучшее средство от меланхолии – женитьбу.

«Я начала с того, – рассказывает она в своих «Записках», – что предложила путешествия, перемену мест, а потом сказала: мертвых не воскресить, надо думать о живых. Разве оттого, что воображали себя счастливым, но потеряли эту уверенность, следует отчаиваться в возможности снова возвратить ее? Итак, станем искать эту другую...»

– Кто она, какова она? – стал расспрашивать заинтересованный Павел. – Брюнетка, блондинка, маленькая, большая?

– Кроткая, хорошенькая, прелестная, – отвечала императрица, – она именно такая, какую можно было желать: стройна, как нимфа, цвет лица – смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете, высокий рост, с соразмерной полнотой, и легкость поступи, одним словом, сокровище: сокровище приносит с собою радость...»

Сокровищем, о котором говорила Екатерина, была вюртембергская принцесса София-Доротея. Павел отправился на встречу с ней в Берлин. Поездка не разочаровала его. Вскоре императрица получила от него письмо:

«Я нашел невесту свою такову, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, не застенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если она сделала действие в сердце моем, то не без чувства и она с своей стороны осталась... Вы желали мне жену, которая бы доставила нам и утвердила домашнее спокойствие и жить благополучно. Мой выбор сделан...»

14 августа 1776 года Павел вернулся в Царское Село, а спустя две недели туда же приехала и София-Доротея, которая, приняв православие, получила имя Марии Федоровны. 26 сентября состоялось ее бракосочетание с великим князем, и в марте следующего года она почувствовала себя беременной.

Императрица не скрывала своей радости и с нетерпением ожидала декабря – времени, когда она должна была стать бабушкой. Она говорила только о воспитании детей, и ее педагогические познания настолько изумили шведского короля Густава III, побывавшего летом в Петербурге, что он пожелал, по возвращении в Стокгольм, непременно получить ее письменные наставления по этому предмету.

Екатерину весьма занимал вопрос о поле ребенка, которого носила невестка. Она вообще предпочитала мальчиков девочкам, но на этот раз ее интерес был гораздо серьезней, чем простое любопытство. Мало кто догадывался об истинных намерениях императрицы, и меньше всех – счастливая великокняжеская чета. Екатерина уже вынашивала мысль о *наследнике*, настоящем наследнике своего дела. Павел, не скрывавший своего недовольства существующим порядком правления, раздражал честолюбивую императрицу, считавшую себя продолжательницей петровских преобразований. Рождение внука, которого она могла бы выпестовать, вылепить по своему образу и подобию, с тем чтобы впоследствии передать ему трон, минуя сына, казалось ей подходящим выходом из сложившегося положения. Отсутствие в то время ясного закона о престолонаследии, который обеспечивал бы твердый порядок передачи власти, облегчал ей исполнение задуманного.

Лишь одно событие в этом году нарушило спокойное течение петербургской жизни. 10 сентября в десять часов утра Нева ринулась на столицу. Весь Петербург, кроме Литейной и

¹ Натальи Алексеевны (гессен-дармштадской принцессы Вильгельмины), скончавшейся 15 апреля 1776 года при неблагоприятных родах.

² Охлаждение отношений между Екатериной и Павлом началось с 1772 года, когда императрица намеренно не отпраздновала совершеннолетия сына и фактически вторично (после убийства Петра III) узурпировала престол.

Выборгской сторон, скрылся под водой, поднявшейся почти на четыре метра. По улицам плавали на шлюпках, и обер-полицмейстер Н.И. Чичерин приплыл в ялике от своего дома у Полицейского моста прямо в Зимний дворец. Небольшой купеческий корабль проплыл мимо Зимнего дворца через каменную набережную; другое судно было отнесено ветром от берега в лес. В Коломне и Мещанской волнами и ветром разнесло больше ста домов, одна изба переплыла на противоположный берег Невы. Пострадали знаменитые сады и рощи Петербурга. В «Академических Ведомостях» после наводнения было напечатано объявление о продаже с одной дачи на Петергофской дороге двух тысяч мачтовых сосен, вырванных с корнем бурей. Число человеческих жертв не поддавалось учету. На взморье смыло острог, в котором было до трехсот человек. К вечеру, когда вода схлынула, кругом города на одиннадцать верст находили в полях трупы людей и животных.

Екатерине утром этого дня доложили, что вода стоит у крыльца Зимнего дворца. Она приказала выбить стекло в одном из окон Эрмитажа и оттуда наблюдала за бедствием и действиями городских властей по спасению жизни и имущества обывателей. Затем она велела священнику служить молебен и сама молилась на коленях. После обедни государыня села за начатое утром письмо Гримму и, подробно описав наводнение, приписала: «Обедаю дома. Вода сбыла и, как вам известно, я не потонула. Но еще немногие показываются из своих берлог. Я видела, как один из моих лакеев подъехал на английской коляске; вода была выше задней оси, и лакей, стоявший на запятках, замочил себе ноги. Но довольно о воде, подбавим о вине. Погреба мои залиты водою, и Бог весть, что с ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводнения, которое с каждым часом уменьшается».

В заботах о восстановлении разрушенной столицы прошла вся осень. Наконец, радость вновь вернулась в Зимний. 12 декабря, за час с небольшим до полудня, великая княгиня Мария Федоровна разрешилась от бремени сыном.

Мальчик сразу очутился под попечением деятельной бабушки, которая продумала каждую мелочь в уходе за ним.

«Только что он появился на свет,— писала Екатерина чуть позже Густаву III,— я взяла его на руки и, когда он был выкупан, перенесла его в другую комнату, где положила его на большую подушку; его завернули в ночное покрывало, и я позволила не иначе запеленать его, как по способу, который можно видеть на прилагаемой кукле³. Потом его положили в корзину, где теперь лежит кукла, чтобы приставленным к нему женщинам не вздумалось качать его; эту корзину поставили на диване за ширмами».

Сейчас же о сем радостном событии жителям столицы было возведено 201 пушечным выстрелом с Петропавловской крепости и Адмиралтейства, а в придворной большой церкви отправлен с коленопреклонением благодарственный молебен. В шесть часов вечера придворные принесли императрице поздравления.

На следующий день состоялся большой выход в Зимнем дворце, во время которого счастливую бабушку поздравляли члены Синода и иностранные послы. Вечером того же дня в своих покоях поздравления принимал Павел Петрович.

Екатерина сияла. 14 декабря она написала веселое письмо Гримму, своему *souffredouleur*⁴, с которым привыкла делиться своими впечатлениями.

³ Екатерина, верная данному летом шведскому королю обещанию, прислала при этом письме куклу, на которой продемонстрировала особый способ пеленать детей, и корзину, куда был положен новорожденный Александр.

⁴ Козлу отпущения (фр.). Так Екатерина II часто называла Гримма в своих письмах к нему, как бы извиняясь за свою многоречивость.

«Я бьюсь об заклад, что вы вовсе не знаете того господина Александра, о котором я буду вам говорить. Это вовсе не Александр Великий, а очень маленький Александр, который родился 12-го этого месяца в десять и три четверти часа утра. Все это, конечно, значит, что у великой княгини только что родился сын, который в честь святого Александра Невского получил торжественное имя Александра и которого я зову господином Александром... Но, Боже мой, что выйдет из этого мальчугана? Я утешаю себя тем, что имя оказывает влияние на того, кто его носит; а это имя знаменито. Его носили иногда матадоры... Жаль, что волшебницы вышли из моды; они одаряли ребенка, чем хотели; я бы поднесла им богатые подарки и шепнула бы им на ухо: сударыни, естественности, немножко естественности, а уж опытность доделает все остальное».

Так, с самого рождения судьба определила Александру самую неблагоприятную роль – роль человека, на которого другие возлагают свои надежды. Ему не суждено было их оправдать.

20 декабря состоялось крещение великого князя. В большую церковь Зимнего дворца новорожденного на глазетовой подушке внесла герцогиня Курляндская (урожденная княжна Евдокия Борисовна Юсупова). Крестной матерью Александра была сама императрица, а заочными восприемниками – император Священной Римской империи Иосиф II и прусский король Фридрих II Великий. Таким образом будущий творец Священного союза уже с самой колыбели оказался связан духовными узами с монархами Австрии и Пруссии.

Торжества по случаю рождения Александра продолжались всю зиму. В феврале 1778 года Екатерина писала Гримму: «До поста осталось каких-нибудь две недели, и между тем у нас будет одиннадцать маскарадов, не считая обедов и ужинов, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию». А виновник веселья был совершенно спокоен: спал, просыпаясь, брал грудь, и снова засыпал.

Екатерина II – Гримму, из Зимнего дворца, в марте:

«Что касается господина Александра, то о нем и речи нет; как будто бы его не было. Ни малейшего беспокойства с тех пор как он явился на свет... Это принц, который здоров, вот и все... Боюсь за него только в одном отношении, но об этом когда-нибудь скажу вам на словах: domeкайте».

Гримму, посвященному в личные дела императрицы, было легко догадаться о чем идет речь. Екатерина опасалась тех, кого она именовала «m-r et m-me de Secondat»⁵ или «die schwere Bagage»⁶, а проще говоря, родителей Александра, великого князя Павла Петровича и великую княгиню Марию Федоровну, которые могли затруднить ей выполнение плана по воспитанию *своего наследника*, «будущего венценосца», как она откровенничала в своей заграничной корреспонденции.

Чтобы устранить это препятствие, она признала Павла Петровича и Марию Федоровну неспособными дать воспитание сыну и взяла все родительские заботы на себя. Александр был изъят из родительских покоев и помещен в одной из комнат на половине императрицы.

Екатерина приступила к делу воспитания внука во всеоружии просветительной философии и передовых педагогических теорий того времени. Руссо и Локк были заново проштудированы ею, чтобы получить из их идей квинтэссенцию педагогической мудрости. Разум и природа были призваны в главные воспитатели Александра с целью воспитать его в принципах естественной добродетели.

⁵ Господина и госпожу Вторых (фр.).

⁶ Тяжелая поклажа (нем.).

Можно без преувеличения сказать, что она впервые переживала материнское счастье. Некогда Елизавета I так же грубо и властно лишила его ее, тогда еще молодую великую княгиню, забрав к себе новорожденного Павла, как теперь она отнимала Александра у его родителей. Екатерина всю жизнь не могла без ужаса вспомнить русское царское воспитание, обрушившееся жаркой лавиной любви на ее сына. Физическую хилость Павла Петровича она приписывала расслабляющему воздействию нежного, тепличного ухода за ним нянек под руководством Елизаветы I. Позже Екатерина говорила, что ее свекровь буквально душила Павла своими ухаживаниями. «Он помещен был, – вспоминала она, – в чрезвычайно жаркую комнату, спеленутый фланелью, в колыбели, обитой лисьим чернобурым мехом, покрывали его стеганным на вате атласным одеялом, сверх которого еще настилали розового цвета бархатное одеяло, подбитое лисьим мехом... Пот тек у него с лица и по всему телу, вследствие чего, когда он вырос, то простужался и заболел от малейшего ветра». Последствия Елизаветиных забот она пыталась исправить, пригласив в воспитатели Павлу Даламбера⁷, но осторожный философ отказался ехать в страну медведей и царей, за что Екатерина потом долго и сильно пеняла ему в письмах.

Наученная горьким опытом, Екатерина основное внимание сосредоточила на укреплении здоровья внука и приучении его с малолетства к перенесению всяческих физических невзгод, как того требовали Локк и Руссо. Сразу после крестин Александра поместили в большой прохладной комнате, где температура не превышала 15 градусов; помещение ежедневно проветривали. Ребенок лежал на кожаном матрасе в железной кроватке на ножках, во избежание поползновений нянек покачать его. Взрослые не должны были понижать голоса, находясь в комнате, которая к тому же была обращена окнами к Адмиралтейству, чтобы заранее приучить ухо младенца к пушечным выстрелам. Императрица заставляла Александра спать не в определенные часы, а по обстоятельствам, брать грудь не только постоянной кормилицы⁸, но и других женщин. Купали его ежедневно – сначала в тепловатой, потом и в холодной воде; летом, в жару, – так по два-три раза. Александру так полюбились купания, что он не мог равнодушно смотреть на воду: сразу просился в нее. Весной его стали выносить на воздух, без чепчика, сажали на траву, укладывали спать в тени на подушке. Строго-настрого было запрещено пеленать ребенка и надевать на него чулки; одежду Александра составляли рубашечка и жилетка, не стеснявшие движений.

«Он не знает простуды, он полон, велик, здоров и очень весел, не имеет еще ни одного зуба и не кричит почти никогда», – с удовлетворением делилась императрица результатами воспитания Александра со своим *souffre-douleur* ом.

В начале 1779 года она подробнее изложила Гримму свою систему воспитания:

«Я намерена держаться неизменно одного плана и вести это дело по возможности проще; теперь ухаживают за его телом, не стесняя этого тела ни швами, ни теплом, ни холодом и отстраняя всякое принуждение. Он делает, что хочет, но у него отнимают куклу, если он с ней дурно обращается. Зато так как он всегда весел, то исполняет все, что от него требуют; он вполне здоров, силен, и крепок и гол; он начинает ходить и говорить. После семи лет мы пойдем дальше, но я буду очень заботиться, чтобы из него не сделали хорошенькой куклы, потому что не люблю их».

Что касается нянек, то в первые годы воспитание Александра было вверено Софье Ивановне Бенкендорф (вдове ревельского коменданта генерала Ивана Ивановича Бенкендорфа) и

⁷ Даламбер Жан Лерон (1717–1783), французский философ-просветитель, один из редакторов "Энциклопедии".

⁸ Кормилицу Александра звали Авдотья Петрова. В благодарность за ее услуги Екатерина выдала ей тысячу рублей на приданое дочери.

Прасковье Ивановне Гесслер, родом англичанке. Обе эти женщины проявили себя как нельзя лучше, особенно г-жа Гесслер, привившая своему воспитаннику любовь к порядку, простоте и опрятности в быту. Александр навсегда сохранил благоговейное чувство к ней, а Екатерина, признавая ее заслуги, говорила, что если она воспитает и сына Александра, то «наследие престола российского утверждено на сто лет».

Между тем в великокняжеской семье ожидалось прибавление. Императрица смотрела на этот факт педагогически – с точки зрения пользы для любимого внука: «Мне все равно, будут ли у Александра сестры, но ему нужен младший брат».

Она снова угадала. 27 апреля 1779 года Мария Федоровна родила мальчика.

Екатерина II – Гримму, из Зимнего дворца:

«Этот чудак заставил ожидать его с половины марта и, двинувшись наконец в путь, упал на нас, как град, в полтора часа... Но этот послабее старшего брата, и чуть коснется его холодный воздух, он прячет нос в пеленки, он ищет тепла...»

В то время Екатерина уже задумала свой греческий проект (завоевание Константинополя и раздел Турецкой империи), в ознаменование чего новорожденный получил имя Константин. Памятная медаль, выбитая в честь его рождения, недвусмысленно давала понять, какие надежды возлагала императрица на младшего брата Александра: государыня изображена на ней в лавровом венке; рядом с ней фигуры Веры, Надежды и Любви – последняя с младенцем на руках. Вдали – собор св. Софии и дата рождения Константина. Объясняя аллегория, Екатерина говорила: «Константин мальчик хорош; он через тридцать лет из Севастополя поедет в Царьград. Мы теперь рога ломаем⁹, а тогда уже будут сломаны и для него лучше». Она думала поделить Турецкую империю с Англией, Францией и Испанией, «а остатка довольно для великого князя Константина Павловича, pour un cadet la maison¹⁰».

Впрочем первое время она была разочарована: «Это слабое существо: криклив, угрюм, никуда не смотрит, избегает света. Я за него не дам десяти копеек; я сильно ошибусь, если он останется жив». К счастью, императрица ошиблась, Константин, в отличие от греческого проекта, не только остался жив, но вскоре резвостью и толщиной превзошел старшего брата. Когда они оба чуть подросли и смогли играть друг с другом, Константин, по желанию императрицы, перекочевал в комнату брата и стал с ним неразлучен. Но Александр все равно остался для Екатерины любимцем¹¹.

Императрица считала, что «господин Александр» – чрезвычайно понятливый для своего возраста ребенок. Действительно, он рано уловил характер взаимоотношений между отцом и бабкой и инстинктивно принял сторону сильнейшего. Проводя в кабинете Екатерины по три-четыре часа ежедневно, мальчик был весел и послушен, даже когда у него резались зубки, но в присутствии родителей закусывал удила и становился так своенравен, что Павел Петрович и Мария Федоровна поневоле обращались к помощи бабушки, к вящему удовольствию последней. «Все кричат, что бабушка делает чудеса, – с гордостью писала она Гримму, – все требуют,

⁹ Имеются в виду рога исламского полумесяца, "сломанные" в результате двух русско-турецких войн.

¹⁰ Для маленького хозяйства (фр.).

¹¹ От этого брака, кроме Александра и Константина, родились император Николай I, великий князь Михаил и великие княжны: Александра, которая затем вышла замуж за эрцгерцога наместника Венгрии, Елена, впоследствии герцогиня Мекленбург-Шверинская, Мария, впоследствии великая герцогиня Саксен-Веймарская, Екатерина, впоследствии королева Вюртембергская, и Анна, в руке которой было отказано Наполеону и которая стала королевой Нидерландов.

чтобы мы продолжали вместе играть»; «этот ребенок всех приводит в восторг, особенно меня. Я все могу из него сделать...»

И она продолжала настойчиво проводить в жизнь свой план воспитания, невзирая на то, что это вызывало нарастающую раздражительность в Павле. Она как могла старалась привязать Александра к себе: мастерила с ним разные игрушки, принимала участие в его забавах или просто оставляла его рядом с собой во время занятий государственными делами, предоставляя ему заниматься, чем вздумается.

В феврале 1779 года императрица уехала в Могилев на встречу с Иосифом II. Там, скучая по внуку, она принялась составлять для него небольшую «азбуку изречений».

Екатерина II – Гримму, 14 мая:

«Все видевшие ее отзываются о ней очень хорошо и прибавляют, что это полезно не для одних детей, но и для взрослых. Сначала ему говорится без обиняков, что он, малютка, родился на свет голый, как ладонь, что все так рождаются, что по рождению все люди равны, и только познания производят между ними бесконечное различие, и потом, нанизывая одно изречение за другим, как бисер, мы переходим от предмета к предмету. У меня только две цели в виду: одна – раскрыть ум для внешних впечатлений, другая – возвысить душу, образуя сердце».

Так появилась на свет «Бабушкина азбука». Она состояла из нескольких сотен изречений, затрагивающих разные стороны жизни, но в основном нравоучительных, вроде следующих: «Всякое дитя родится неученым. Долг родителей дать детям учение. Дитя родителям оказывает благодеяние покорностью и почтением. Кто не обучился в юности, того старость бывает скучна. Праздность есть мать скуки и многих пороков. Честность есть неоцененное сокровище. Законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе, и без которых бы общество разрушилось. Платон Афинский советовал рассерженному человеку смотреться в зеркало. Римский император Тит плакал, в который день не учинил какого ни на есть добра. Спросили у Солона: как Афины могут добро управляемы быть? Солон ответил: не иначе, как тогда, когда начальствующие законы исполняют». К изречениям были добавлены «Выборные российские пословицы»: «Всёе законы писать, когда их не исполнять»; «красна пава перьем, а человек ученьем»; «милость хранитель государства» и т. п.

«Бабушкина азбука» стала настольной книгой не только Александра, но и множества других русских детей. В 1781 году она была издана в Петербурге: тираж в 20 тысяч экземпляров разошелся за две недели!

Результаты бабушкиного воспитания сказались очень скоро. С малолетства введенный в круг основных жизненных понятий, Александр рано начал думать о смысле жизни вообще и своей в частности. Его детский ум тревожили недетские вопросы. Уже в три с половиной года он настойчиво требовал ответить ему, «отчего люди на свете и зачем он сам явился на свет». Сердце его начало формироваться так же рано, как и ум. Он был начисто лишен свойственной детям неосознанной жестокости. «У него слезы на глазах, – умилялась императрица, – когда он думает или видит, что у него ближний в беде».

Между тем, Павел, видя, что бабушкина педагогика все больше отдаляет от него сыновей, стал выказывать ей свое неудовольствие. Семейная ссора на этот раз была улажена тем, что императрица отправила великокняжескую чету в путешествие за границу. 14 сентября 1781 года Павел Петрович и Мария Федоровна выехали из Царского Села. Под именем графа и графини Северных они посетили Австрию и Италию и на месяц остановились в Париже, где были на приемах у Людовика XVI и Марии-Антуанетты, встречались с Даламбером и Мармонтелем и просили Бомарше прочесть для них «Женитьбу Фигаро», о которой говорила вся Европа. Путешествие укрепило в Павле дух рыцарственного монархизма и усилило отвращение к идеям Просвещения, которые он и ранее недолюбливал.

Благодаря этой поездке Александр на целых два года оказался отторгнут от родителей и именно в таком возрасте, когда в нем формировались задатки характера и личности. Его развитие шло очень быстро. Юный великий князь проявлял редкую любознательность и неподдельный интерес к жизни дворцовой прислуги. Он бродил по людской, кухне, подсобным помещениям и просил научить его готовить, красить, обивать стены обоями, рубить дрова, столярничать, ухаживать за лошадьми. Едва выучившись читать, поглощал книги запоем. Вскочив поутру с постели, он говорил своим няням:

– Я теперь хочу тотчас почитать, а то после мне больше захочется гулять, чем читать, и если я теперь не почитаю, то день у меня пропадет.

На столе у него стоял подаренный Екатериной глобус и, встретив в книге название города или страны, он сразу искал его на нем.

Екатерина II – Гримму, 11 ноября 1782 года, из Зимнего дворца:

«На днях он узнал про Александра Великого; он попросил лично с ним познакомиться, и совсем огорчился, узнав, что его уже нет в живых. Он очень о нем сожалеет».

Ему же, 17 ноября:

«Слушайте, не думайте воображать, что я хочу сделать из Александра разрубателя Гордиевых узлов. Ничего подобного... Александр будет превосходным человеком, а вовсе не завоевателем: ему нет надобности быть им».

Пользуясь страстью Александра к чтению, императрица продолжила пополнение его детской библиотеки книжками собственного сочинения. В 1783 году она написала для обоих внуков сказки о царевичах Хлоре и Февее – аллегорическое изложение своей педагогической системы.

Царевич Хлор красив, умен, не по летам добр, благонравен, смел, весел нравом, учтив и благопристоен (портрет, быть может, чересчур отвлеченно-идеальный, но Александр мальчик понятливый). Один киргизский хан похищает его в свое кочевье и, убедившись в его великом разуме, заставляет искать розу без шипов (сиречь добродетель, доставляющую человеку полное, ничем не оравляемое наслаждение). Жена хана, Фелица, очарованная Хлором, дает ему в спутники своего сына – Рассудок. Из множества дорог, ведущих к цели, они выбирают прямую, хотя и самую трудную, и достигают горы, к вершине которой ведет крутая и каменистая тропинка. Честность и Правда помогают путникам преодолеть все трудности на пути, и на вершине Хлор находит розу без шипов.

Февея-Красное Солнышко в детстве не пеленали, не качали, не кутали; игрушки сообщали ему познания обо всем окружающем; в болезнях он был терпелив, летом и зимой много гулял, ездил верхом. Царевич вырос добрым, жалостливым, щедрым, учтивым и приветливым, говорил только правду. В отрочестве он жил в полном послушании у своих родителей, потом женился, вступил на трон и мудрым правлением заслужил славу и любовь народа.

Шестилетний Александр, как губка, впитывал в себя наставления, содержащиеся в бабушкиных сказках. Он уже мыслил самостоятельно и умел делать выводы из услышанного, недаром Екатерина однажды обмолвилась, что он «сам себя воспитывает». Не зная, что такое принуждение, он тем не менее умел подчиняться и делал это не только по долгу, но и с охотой. Императрица рассказывала Гримму, что раз, у Константина был насморк и ему запретили подходить к окну, от которого очень дуло, а чтобы он не забыл, на полу перед окном провели мелом черту. Но, несмотря на запрещение, малютка беспрестанно забегал за эту границу. Тогда Александр подошел к нему и сказал:

– Брат, когда мне говорят не ходить далее как до сих пор, то я, чтобы не забыть этого, в уме провожу себе черту позади той, которая мне назначена, и коль скоро, по забывчивости,

я переступаю за ту, которую сам себе назначил, то вспоминаю, что не надо переходить следующую.

II

Будь на троне человек.

Г.Р. Державин «На рождение на Севере порфирородного отрока»

В сентябре 1783 года умерла Софья Ивановна Бенкендорф. Императрица решила не подыскивать новую няню, а перейти к следующему этапу воспитания великих князей: «Время пришло, чтобы от них отнять женский присмотр».

Она сама подобрала штат наставников. Законоучителем и духовником Александра и Константина был назначен протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский. Это был выпускник Киевской духовной академии, получивший помимо того сельскохозяйственное образование за границей. Вскоре после своего вступления на престол Екатерина возымела намерение привлечь православное духовенство к задуманной ей цивилизаторской работе. С этой целью она велела отправить лучших учеников Киевской духовной академии в Англию, чтобы они, изучив рациональное земледелие, распространили его затем на родине. Самборский провел в Англии четырнадцать лет, женился там на Елизавете Петровне Фильдинг, принявшей православие, и по принятии священного сана был назначен настоятелем русской посольской церкви в Лондоне. Императрица высоко ценила образованность и изящные светские манеры о. Андрея и в 1782 году поручила ему сопровождать Павла Петровича и Марию Федоровну в их путешествии в качестве духовника. По возвращении в Россию, Самборский многих шокировал своим европеизмом: он брил бороду и носил светский костюм. Но государыня из внимания к долгому пребыванию протоиерея за границей простила ему это извинительное в ее глазах отступление от православных канонов.

Самборский отнесся к своим новым обязанностям чрезвычайно серьезно: говорил жене, что готовится к своему педагогическому поприщу, как к духовному подвигу – ведь его деятельность отразится на всем человечестве! Тем не менее, будучи сам лишен духа православия, он не сумел привить его и своему воспитаннику (Александр позднее вспоминал: «Я был, как и все мои современники, не набожен.») Христианство он понимал в духе просвещенных прелатов того времени – как либеральный гуманизм, и только; учил великих князей «находить во всяком человеческом состоянии своего ближнего. Тогда никого не обидите, и тогда исполнится закон Божий». Его наставления имели оттенок довольно плоского морализаторства и совершенно не затрагивали глубинных потребностей духа.

Генерал-майор Александр Яковлевич Протасов состоял при великом князе Александре в звании придворного кавалера, то есть воспитателя. Он осуществлял постоянный надзор за поведением воспитанника и жил в соседней со спальней Александра комнате. Екатерина благоволила к Протасову с 1783 года, когда он обратил на себя ее внимание бескровным усмирением бунта крестьян в Новгородской губернии (он занимал должность губернатора). Александр Яковлевич был верным сыном православной церкви и хранителем дворянских преданий и русских традиций; к западным модным влияниям он относился скептически. Будучи человеком строгих правил, порядочным, но недалеким, он имел значительное влияние на Александра до тех пор, пока тот не вышел из отроческого возраста.

Учить великих князей русской словесности, истории и нравственной философии был приглашен Михаил Никитич Муравьев, весьма образованный человек и известный писатель либерально-политического и сентиментально-дидактического направления. Он был одним из немногих учителей, кто старался превратить учение в целенаправленный труд. По его требованию великие князья конспектировали прочитанное, Александр, кроме того, вел журнал заня-

тий: судя по этим записям, его первым упражнением в русском языке был отрывок из сочинения самого Муравьева «Обитатель предместия»; затем идет статья «О славянах и начале Руси», потом «Письмо Плиния к Тациту». В конце тетради заметен некоторый успех семилетнего ученика в правописании и слоге.

Естественнонаучный цикл преподавали выдающиеся ученые того времени: Паллас – «натуральную историю», Крафт – экспериментальную физику; изучением математики руководил полковник Массон.

Наконец, общий надзор за поведением и здоровьем великих князей был поручен генерал-аншефу графу Николаю Ивановичу Салтыкову. Это был типичный царедворец екатерининского времени, угодливая посредственность и добряк, который твердо знал одно: как жить при дворе, – делал, что говорила жена, подписывал, что подавал секретарь. Саксонский посланник при петербургском дворе признавал его самым неподходящим воспитателем царственных детей в Европе. Его выбор для такой ответственной роли объясняется тем, что Салтыков, будучи гофмаршалом двора Павла Петровича и Марии Федоровны, сумел взять на себя роль посредника между Екатериной и сыном, деликатно сглаживая острые углы в их отношениях. Впрочем, его настоящей партитурой в этом педагогическом оркестре, по выражению Массона, было предохранять великих князей от сквозняка и засорения желудка.

Екатерина II – Гримму, зима 1784 года:

«Господа Александр и Константин между тем перешли в мужские руки, и в их воспитании установлены неизменные правила; но они все-таки приходят прыгать вокруг меня: мы сохраняем прежний тон».

Правилами, о которых говорила императрица, были наставления о воспитании великих князей, написанные ею для Салтыкова и врученные ему 13 марта 1784 года при особом рескрипте. Этот новый педагогический документ состоял из семи разделов: 1) здоровье и его сохранение; 2) подкрепление умонаклонения к добру; 3) добродетель и то, что от детей требуется; 4) учтивость; 5) поведение; 6) знание, 7) обхождение наставников с воспитанниками. (Обучение музыке и «виршам» не входило в этот курс. «Музыке и виршам учить не для чего, – написано в наставлении, – тем и другим много времени теряется, дабы достигнуть искусства.)

Как видно из этого перечня, роль собственно научного знания в воспитании Александра была невелика, оно рассматривалось Екатериной в духе того времени лишь как средство для познания природных способностей учащихся, приучения их к труду и отвращения от праздности. На первое место выдвигалось знание людей и жизни, благоволение к роду человеческому, снисхождение к ближним, познание вещей, каковы они должны быть и каковы они есть на самом деле. Стародум в «Недоросле» говорит об этом так: цель всех знаний человеческих – благонравие, просвещение возвышает одну добродетельную душу; наука же в развращенном сердце есть лютое оружие делать зло.

Особо предписывалось уделять по несколько часов в день на «спознание России во всех ее частях». Для этого использовались карты российских губерний с описанием земли, растений, животных, торговли и промыслов, населяющих их народов, их одежды, нравов, обычаев, веры, законов и языка; к картам прилагались рисунки природных и архитектурных достопримечательностей, схемы дорог и т. д.

«Историю русскую им знать нужно, и для них сочиняется», – говорилось в наставлении. Этим Екатерина занялась сама, написав на досуге «Записки касательно Российской истории» (популярных исторических книг тогда еще не было). Из-под ее пера вышел вполне добросовестное сочинение. Императрица ко всякому делу подходила серьезно. Она изучила летописи, составила их свод, старалась отыскать в исторических событиях нравственный

смысл, в котором тогдашние западноевропейские историки и философы отказывали России¹², внушить внукам любовь к родной истории. Даже темным явлениям русской жизни она умела придать какой-то светлый, отрадный колорит – свойство порочное в историке, но полезное и, более того, необходимое в педагоге.

В целом получился весьма замечательный документ, Екатерина по праву гордилась им: «Я написала прекрасное наставление для господ Александра и Константина». В ее кабинете всегда лежало несколько экземпляров этого сочинения, которые государыня охотно дарила своим приближенным и иностранным послам.

Итак, учителя и программа обучения были налицо. Не хватало главного – Учителя.

6 апреля 1754 года в швейцарском городе Ролле (Ваадтский кантон) в семье местных дворян Деларпазов (De l'Arpaz) родился мальчик. Г-н Деларпаз, старый служака, дал ему два имени – Фредерик-Сезар, в честь двух своих любимых героев – прусского короля Фридриха II и Юлия Цезаря. Фамилию мальчик выбрал себе сам, когда вырос: он называл себя на французский манер Деларп, Делгарп или Лагарп (De l'Harpe, De la Harpe, Laharpe), – возможно, из желания быть созвучным фамилии известного писателя и критика того времени Лагарпа; частица «де» тщательно отбрасывалась им в период революции и была снова присоединена к фамилии после окончания террора. В России его называли Петром Ивановичем Делгарпом, когда он был в милости, и просто Лагарпом, когда он подвергся опале и лишился орден.

Фредерик-Сезар с детства пристрастился к чтению. Он рос восторженным почитателем античности. Его любимыми авторами были Полибий, Плутарх и Тацит. (В шестьдесят лет он возьмется за изучение древнегреческого языка, чтобы читать их в оригинале.) Гальденштейнская семинария, куда он поступил четырнадцати лет, укрепила в нем любовь к древности. Слава этого привилегированного учебного заведения гремела по всей Швейцарии. Его преподаватели стремились сочетать истины откровения и законы разума. Внутренняя организация семинарии была слепком римской республики: здесь были свой форум, сенат, свои квесторы, трибуны, консулы; воспитанники составляли *народ*, который объединялся в *республику* и *избирал* должностных лиц.

Немудрено, что Лагарп покинул семинарию убежденным республиканцем и крайним радикалом. «Невозможно и определить, – писал французский историк Ленотр, – какая доля ответственности падает на тогдашнее легкомысленное преклонение перед античным миром в создании психики людей революции! Эти господа судили не Людовика XVI, а древнего «тирана». Они подражали диким добродетелям Брута и Катона. Человеческая жизнь не в праве была рассчитывать на милость этих классиков, привыкших к языческим гекатомбам». Доморощенные «сенаторы» Гальденштейнской семинарии воспитали будущего диктатора Гельветической республики.

¹² Вот как, например, Руссо оценивал в "Общественном договоре" деятельность Петра Великого: "Русские никогда не будут слишком цивилизованы, потому что они были цивилизованы слишком рано. У Петра был гений подражательный, он не имел истинного гения, который творит и создает все из ничего. Кое-что из того, что он сделал, было хорошо, но большинство его деяний было неуместно. Он видел, что его народ был варварским, но не видел, что народ еще не созрел для цивилизации и захотел цивилизовать его, тогда как следовало только воспитать его для войн". Вольтер, написавший историю Петра, отвечал на этот выпад Руссо: "За те 85 лет, в течение которых воззрения Петра продолжали развиваться, русские совершили больше культурных успехов, чем мы смогли сделать это за четыре столетия; разве это не свидетельствует о том, что эти воззрения не были воззрениями рядового человека?" И далее, по поводу цивилизованности русских: "Тем не менее, эти же самые русские сделались победителями турок и татар, завоевателями и законодателями Крыма и двадцати различных народов; их государыня дала законы народам, даже имена которых не известны в Европе... В общем, я бы хотел, чтобы те, кто судят о нациях с высоты своего чердака, были бы более честными и более осмотрительными".

Лагарп довершил свое образование на философском и юридическом факультетах в Женевском и Тюбингенском университетах. Здесь он усвоил скрупулезную методику работы с источниками, которую затем внедрил в свою педагогическую систему. «Я убедился, – писал он, – что всего полезнее знакомить юношей с самими источниками и отнюдь не держать их долго на одних пособиях и учебниках. Не имея в руках источников, молодые люди будут ходить ощупью, ум их может измельчать, и тот из них, кто при свете источников достиг бы высшего развития, тот, будучи лишен их спасительного света, может навсегда остаться посредственностью, жалким отголоском чужого образа мыслей и воззрений».

Получив в двадцать лет степень доктора прав, Лагарп устроился адвокатом при высшей апелляционной камере в Лозанне. В городе существовало литературное общество, проповедовавшее идеи энциклопедистов; среди его членов были двое русских – князья Михаил и Борис Голицыны. Целью общества было изыскание совместными силами истины в области теоретической и нравственной философии, литературы и изящных искусств. Чтобы вступить в общество, кандидат должен был заполнить следующую анкету:

1. Любите ли вы всех людей без различия их верований, их религии, их образа мыслей, и искренне ли желаете всему человечеству добра и нравственного самоусовершенствования?

2. Признаете ли, что никто не должен подвергаться за свои мысли и верования бесславию, преследованиям и наказаниям?

3. Обещаете ли искренне трудиться над отысканием истины, и любите ли ее ради ее самой? Готовы ли, найдя истину, с радостью воспринять ее и с полным беспристрастием сообщить ее другим? и т. д.

Вступление в подобного рода общества обычно означает, что человек превратился в ходячую либеральную книжку; в случае с Лагарпом можно добавить – чрезвычайно говорливую либеральную книжку.

Фигуры профессиональных диссидентов кажутся рельефными только на фоне косности и тупости власть предержащих. В то время Ваадтский кантон находился под властью двухсот Бернских правителей, о которых лозаннский судья говорил Вольтеру, в последние годы жизни обосновавшемуся в окрестностях города:

– Г-н Вольтер, я слышал, что вы писали против Бога и религии. Это дурно, но я уверен, что Бог вас простит в избытке своего милосердия. Но берегитесь написать что-нибудь против Бернских господ: они не простят вам этого никогда.

Столкновение пламенного идеалиста, горевшего любовью к истине и человечеству, с этими господами было неизбежно. Вскоре судья апелляционной камеры счел нужным предупредить Лагарпа и все литературное общество:

– Мы не потерпим новаторского духа, и вы должны помнить, что вы – наши подданные.

Лагарп, не дрогнув, отвечал:

– А мы не признаем другой власти, кроме республики и законов.

Все это, конечно, означало, что он более не адвокат апелляционной камеры.

Лагарп подумывал об эмиграции в только что освободившиеся из-под власти Англии Соединенные Штаты Америки, когда судьба направила его шаги прямо в противоположную сторону. Grimm от имени Екатерины II попросил его сопровождать одного молодого русского офицера в поездке в Италию. Этот офицер был брат генерала Александра Дмитриевича Ланского, тогдашнего фаворита императрицы. На Лагарпа возлагалась обязанность излечить молодого человека от губительной любовной страсти к некоей даме. Лагарп справился с этим поручением блестяще – от пагубной страсти не осталось и следа. Ланской в восторге пригласил его в Петербург, чтобы лично выразить свою признательность. В то же время императрица написала Гримму: «Я желаю, чтобы Лагарп сопровождал своего спутника до Петербурга, где, без сомнения, получит приличное назначение».

В начале 1783 года Лагарп был уже в Петербурге. Ланской прочил его в воспитатели великих князей. Однако обещанного назначения ему пришлось ждать довольно долго. Лишь 28 марта 1784 года Екатерина сообщила Гримму, что швейцарец будет состоять при великом князе Александре «с особым приказанием говорить с ним по-французски; другому поручено говорить по-немецки; по-английски он уже говорит»¹³. Но еще в мае она писала: «Мы держим г. Лагарпа про запас, а покамест он гуляет».

Фактически Лагарпу предлагали место гувернера – пусть и гувернера всея Руси, но все же только гувернера. Честолюбие молодого республиканца было уязвлено. 10 июня он сделал решительный шаг и отослал записку на имя государыни с просьбой назначить его наставником великих князей и изложением предметов, которые он мог бы преподавать: географию, астрономию, хронологию, математику, историю, нравоучение, гражданское законодательство, философию. Прочитав этот доклад, ученый и длинный, со ссылками на источники, – как и все, что писал Лагарп, – Екатерина заметила:

– Действительно, кто составил подобный мемуар, тот способен преподавать не один французский язык.

Это было полуофициальным назначением на должность наставника. Но тут случилось непредвиденное: 25 июня скоропостижно скончался Ланской – главный покровитель Лагарпа. Поговаривали, что дело не обошлось без участия Потемкина. Екатерина в отчаянии слегла; огромный бюрократический механизм империи остановился.

В томительном ожидании проходили неделя за неделей, ответа на мемуар Лагарпа не было. Он уже начал подыскивать себе место воспитателя детей одного ирландского лорда. Но императрица наконец превозмогла себя. В сентябре она написала Гримму: «Я полагаю, вы знаете, что Лагарпа определили к Александру. Он находит своего воспитанника даровитым».

К моменту, когда Лагарп приступил к занятиям с Александром, великий князь не знал почти ни слова по-французски, а швейцарец весьма плохо понимал по-русски и совсем не говорил по-немецки. С этой первой вставшей перед ним педагогической задачей Лагарп справился блестяще. Он рисовал различные предметы, Александр писал их русские названия, а наставник подписывал внизу их французский перевод. Мало-помалу они начали разговаривать друг с другом; их встречи становились все чаще – сначала раз в неделю, потом раз в день, затем два раза в день.

Лагарп, по его собственному признанию, был преисполнен ответственности перед великим народом, которому готовил властителя. Он начал читать и в духе своих республиканских убеждений объяснять великим князьям греческих и латинских писателей, английских и французских историков и философов. Сохранилось двенадцать томов его лекций – обширнейший курс во славу разума, блага человечества и природного равенства людей и в посрамление деспотизма и рабства во всех их видах. Верный себе, подробнее всего он остановился на римской истории. Лагарп исходил из того, что будущий правитель не должен быть ни физиком, ни математиком, ни юристом, ни вообще каким-нибудь узким специалистом; он должен быть прежде всего честным человеком и просвещенным гражданином. История лучше всего развивает гражданское чувство и политическую нравственность. Поэтому исторические явления и события он рассматривал не как факты, а с точки зрения их соответствия требованиям разума. Он не разъяснял воспитанникам ход и строй человеческой жизни, а на примере тщательно ото-

¹³ Немецкому языку Александра обучал сын пастора лютеранской Екатерининской церкви Грот, который обратил на себя внимание императрицы проповедями в защиту оспопрививания. Как известно, Екатерина была сторонницей прививок и многое сделала для преодоления предубеждения против них, в частности, привила оспу себе и обоим своим внукам. Английскому языку Александр научился от П.И. Гесслер.

бренных явлений полемизировал с исторической действительностью, которую учил не понимать, а презирать.

Так, писал он в лекциях, надо постоянно помнить, что Александр Македонский, одаренный самыми благими и блестящими качествами, опустошил и наполнил ужасами чуть ли не всю Азию единственно потому, что желал подражать героям Гомера, подобно тому как Цезарь, подражая Александру Македонскому, уничтожил свободу своего отечества. Поэтому педагогу следует проходить мимо тех героев, чьи подвиги привели к гибели и несчастьям людей, и останавливать внимание учеников на тех, кто родились вдали от трона, но прославились гражданскими, умственными и нравственными добродетелями.

С негодованием говорил Лагарп о римских цезарях, противопоставляя им людей республиканского закала – Попликолу, Аристида, Катона, братьев Гракхов, Мария. Последний¹⁴, подчеркивал он, был сын крестьянина; крестьянское сословие – самое неиспорченное и приносящее наибольшую пользу; из него вышло много великих людей. К сожалению, никто не дает себе труда позаботиться о его просвещении, и оно обречено на невежество со всеми его грубыми и необузданными порывами.

Очень подробно Лагарп останавливался на восстании Спартака. Гладиаторы, замечал он, то есть рабы, осужденные служить дикой забаве кровожадной толпы, потребовали с оружием в руках восстановления своих человеческих прав. Рим восторжествовал в этой борьбе, но это была победа злого и неправого дела. Сам инстинкт, общий всем животным, заставляет защищаться от нападений. Пчела жалит угрожающую ей руку и муравей язвит попирающую его пята. По какому же праву человек может безнаказанно угнетать себе подобных и требовать от них безропотного перенесения жесточайших страданий?

– Вы видите, – с воодушевлением восклицал учитель, – что необузданный произвол не огражден от мщения со стороны угнетаемых, какими бы не казались они слабыми и ничтожными! Таковы права законного сопротивления, принадлежащие всем и каждому, и напрасно тираны стараются уверить человечество, что восставать против их гнета будто бы есть преступление.

Вместе с тем он противоречил сам себе как только речь заходила о христианах и общественных движениях, родившихся в их среде. Бездумное увлечение идеями Вольтера и Гиббона¹⁵ заставляло его относиться чрезвычайно враждебно к христианству, которое он смешивал с папством. Поэтому, оправдывая народные восстания вообще, Лагарп обвинял христиан в непокорности римским властям, называя их бунтовщиками против официальной законной власти. Религиозные несогласия христиан между собой, внушал он ученикам, обошлись человечеству дороже, чем все предыдущие войны вместе взятые¹⁶.

Таким образом в рамках исторического курса Лагарп развивал перед Александром свои философско-нравственные воззрения, для которых собственно исторические события служили лишь иллюстрациями или поводом для нравоучительных рассуждений. Он стремился внушить великому князю мысль, что и самодержавный правитель может использовать свою неограниченную власть во благо подданных, если будет прислушиваться к голосу разума и гражданского чувства. Чтобы не превратиться в тирана, подобно Людовику XIV, соблазненному картинами суетной славы, представленной ему злыми советниками, государь должен полагаться только на себя, на свою рассудительность.

– Берегитесь же людей своекорыстных, – предостерегал он Александра, – которые ради собственной выгоды станут уверять вас, что властители не одинакового происхождения со

¹⁴ Марий Гай (ок. 157 – 86 гг. до н. э.), римский полководец, победитель германских племен кимвров и тевтонов, участник гражданских войн в Италии, диктатор Рима.

¹⁵ Гиббон Эдуард (1737–1794), английский историк, критик христианства.

¹⁶ Вольтер исчислял жертвы христианских междоусобиц в 11–13 млн человек.

всеми смертными и потому свободны от всяких обязанностей в отношении как родины, так и человечества.

Императрица, застав однажды Лагарпа за преподаванием этих истин, внимательно выслушала его и сказала:

– Итак, вы утверждаете, что мы, государи, лишены приятностей и наслаждений дружбы?

– Не спорю, ваше величество,– ответил Лагарп,– что многие из государей не были достойны иметь друзей, но положение ваше таково, что все ваши приближенные имеют во власти, вам данной, слишком большую необходимость и потому будут большей частью говорить вам то, чего не чувствуют¹⁷.

Екатерина более не возражала: она и сама думала примерно также.

Лекции Лагарпа, написанные и переданные простым и вместе с тем изящным слогом, были для юного Александра не только эстетическим лакомством, политическими и моральными сказками, наполнявшими детское воображение волнующими картинками и образами. Лагарпу нельзя отказать в благородной искренности его убеждений. Когда великие князья подросли настолько, чтобы не только чувствовать, но и понимать идеи швейцарца, они со всей пылкостью юного сердца привязались к своему учителю. Молодость никогда не забывает тех, кто дает ей первые уроки любви и ненависти. «Я всем ему обязан»,– всякий раз повторял Александр позднее, когда речь заходила о Лагарпе. Последний в свою очередь отзывался о своем воспитатнике в самых восторженных словах, находя в нем драгоценные задатки высоких доблестей и необыкновенных дарований. «Ни для одного смертного природа не была столь щедрой,– писал Лагарп. – С самого младенчества замечал я в нем ясность и справедливость в понятиях». До последнего дня своей жизни он считал, что Александр – исключительная личность, которая является раз в тысячу лет.

Их отношения вскоре приобрели характер искренней и нежной дружбы. Александр запросто навещал своего учителя. Однажды новый лакей Лагарпа не узнал великого князя и оставил ждать в приемной, сказав, что его барин занят. Александр терпеливо просидел больше часа. Когда сконфуженный Лагарп стал перед ним извиняться, он протестующе прервал его:

– Один час ваших занятий стоит целого дня моего,– и наградил лакея.

С юношеской наивностью он думал, что все окружающие разделяют его преклонение перед душевными качествами его учителя. Как-то раз при встрече с Лагарпом Александр бросился ему на шею и был осыпан пудрой с его парика.

– Посмотрите, любезный князь, на что вы похожи,– ласково-укорительно заметил швейцарец.

– Все равно,– воскликнул Александр в порыве любви,– никто меня не осудит за то, что я займу от вас.

Он ошибался: очень многие при дворе относились к Лагарпу и его системе воспитания великих князей с большим недоверием, считая, что читать идиллии о любви к человечеству и свободе мысли десятилетнему политику немножко преждевременно. Настроение наиболее умных противников западного либерализма выразил Иван Андреевич Крылов в басне «Воспитание льва». В ней поэт как раз метил в Лагарпа и его преподавание, которое, по мысли Крылова, своим объемом и характером не соответствовало ни летам, ни призванию питомца. Орел, герой басни, вызывается воспитывать львенка и приступает к делу с наивной уверенностью, что «годовалый львенок давно уж вышел из пеленок»; в результате подросший лев, научившийся до тонкости вникать в птичьи нужды, обещает по восшествии на престол тотчас начать учить зверей вить гнезда.

¹⁷ "Этими правилами,– вспоминал Лагарп позднее,– довел я Александра до того, что он полагается на себя, а не на окружающих его людей".

Впрочем вслух преподавание Лагарпа пока что в основном хвалили, а в нем самом признавали умного, достойного, благородно мыслящего человека, истинного и честного друга свободы (подобная терминология была в большом ходу при дворе Екатерины). Даже те, кто жалели, что он внушает будущему государю ложные идеи о равенстве и народном правлении, признавали во всяком случае чистоту его побуждений и называли Лагарпа Аристотелем новейшего Александра.

Конечно, многое в принятом двором тоне по отношению к наставнику великих князей зависело от императрицы, а она не скупилась на похвалы. Каждая страница лекций Лагарпа внимательно просматривалась ей, и многие из них удостоивались ее одобрения.

– Начала, которые вы проводите, укрепляют душу ваших питомцев, – говорила Екатерина швейцарцу. – Я читаю ваши записки с величайшим удовольствием, и чрезвычайно довольна вашим преподаванием.

Вскоре, однако, обвинения против него получили более основательную почву.

14 июля 1789 года восемьсот-девятьсот парижан и двое русских взяли Бастилию. Русскими были давние знакомые Лагарпа по лозаннскому литературному обществу, братья Голицыны, участвовавшие в штурме с фузеями в руках. Как известно, в крепости оказалось всего семь узников – двое сумасшедших, один распутник и четверо поддельвателей векселей. Еще один заключенный – маркиз де Сад – был переведен из Бастилии в дом для умалишенных за несколько дней до падения знаменитой тюрьмы, – иначе бы и он был освобожден как «жертва королевского произвола»¹⁸.

В Версале узнали о взятии Бастилии только в полночь (король в этот день отметил в дневнике: «Ничего»). Лишь один придворный – герцог де Лианкур – понял смысл случившегося.

– Но ведь это бунт! – удивленно воскликнул Людовик XVI, услышав новость.

– Нет, ваше величество, это не бунт, это революция, – поправил его Лианкур.

А когда королю доложили о смерти коменданта Бастилии де Лоне, буквально растерзанного толпой, он равнодушно отозвался: «Ну, что ж! Он вполне заслужил свою участь!» Людовик XVI в тот же день надел трехцветную кокарду, увидев которую Мария-Антуанетта брезгливо поморщилась: «Я не думала, что выхожу замуж за мещанина».

Так отреагировал двор на событие, возвестившее будущую гибель монархии.

Зато в обоих полушариях взятие Бастилии произвело огромное впечатление. Всюду, особенно в Европе, люди поздравляли друг друга с падением знаменитой государственной тюрьмы и с торжеством свободы. Генерал Лафайет¹⁹ послал своему американскому другу, Вашингтону, ключи от ворот Бастилии. Из Сан-Доминго, Англии, Испании, Германии слали пожертвования в пользу семейств погибших при штурме. Кембриджский университет учредил премию за лучшую поэму на взятие Бастилии. Архитектор Палуа, один из участников штурма, из камней крепости изготовил копии павшей тюрьмы и разослал их в научные учреждения многих европейских стран. Камни из стен Бастилии шли нарасхват: оправленные в золото, они появились в ушах и на пальцах европейских дам.

В Петербурге и Зимнем дворце падению грозной крепости радовались особенно бурно. Братья Голицыны сделались героями дня. При дворе свободно распевали «Карманьолу», за которую в Италии вскоре стали сажать в тюрьму (в Англии правительство предписало истреблять даже говорящих птиц, которых шутники обучали двум–трем словам из крамольной

¹⁸ Де Сада арестовали "за бесчеловечные опыты, производимые им в Провансе и других местах над живыми людьми" и содержали в Венсен, откуда 29 февраля 1789 года перевезли в Бастилию.

¹⁹ Лафайет Мари Жозеф (1757–1834), участник войны за независимость в Северной Америке и командующий Национальной гвардии в первый период революции.

песни). В Вене, Неаполе, Лондоне власти преследовали французов просто за их национальность, а в северной столице спокойно жили родственники коноводов революции, которые являлись даже ко двору (например, Будри, брат Марата; его видел еще Пушкин в Царскосельском лицее, где тот преподавал французскую словесность).

Представители держав антифранцузской коалиции, собравшиеся в Кобленце, высказывали русскому представителю графу Николаю Петровичу Румянцеву свое удивление тем, что императрица, поддерживающая коалицию (правда, только дипломатическими средствами), терпит при дворе якобинца. Когда Екатерине передали эту жалобу, она при следующей встрече с Лагарпом в шутку назвала его *monsieur le jacobin*²⁰. Тот запротестовал:

– Я швейцарец и, следовательно, республиканец. Я уважаю ваше право и употребляю все усилия, чтобы оправдать высокое доверие, которое вы мне оказали, поручив мне воспитание ваших внуков. Я стараюсь поселить в них чувства, сообразные с их происхождением и призыванием, и приготовить их к тому, чтобы они являлись достойными последователями вашему великому примеру.

Императрица, улыбаясь, прервала его:

– Будьте якобинцем, республиканцем, чем вам угодно. Я вижу, что вы честный человек, и этого мне довольно. Оставайтесь при моих внуках и ведите свое дело так же хорошо, как вели его до сих пор.

Александр пока оставили его учителя.

Лагарп начал терять высочайшее доверие с разгаром революции, когда французские дворяне-эмигранты стали находить все более радушный прием в Петербурге. На первый случай императрица распорядилась вынести из своей галереи бюсты Вольтера и Фокса²¹ – последнего за то, что он противился войне с Францией. Цесаревич Павел Петрович перестал здороваться и вообще разговаривать с Лагарпом и демонстративно отворачивался при встрече с ним.

Лагарп должен был изменить систему преподавания и вместо собственных записок воспользовался дореволюционными сочинениями писателей, имевших доверие у императрицы. Так, чтобы вызвать у Александра и Константина сочувствие к революции, он давал читать им мемуары Дюкло, где по-французски сочно была обсмакована вся грязь старого режима. Дюкло писал, что французское правительство было так развращено, что ни один человек не имел к нему ни малейшего доверия. Религией Людовика XIV была его королевская власть; невежда и суевер в собственно религиозных вопросах, он преследовал протестантов за неповиновение своей неограниченной власти. Между тем сам «христианнейший король Франции» публично вывозил в карете вместе с женой двух любовниц, и народ сбегался глазеть на «трех королей». Регент герцог Орлеанский вел еще более разгульную и распутную жизнь, при этом уже не заботясь хотя бы о внешней благопристойности. Народ при нем страдал от налогов и насильно выселялся в колонии. Общественные должности продавались или передавались в потомственное владение фаворитам. В Бастилии и других тюрьмах годами держали ни в чем неповинных людей и т. д.

Эти возмутительные картины живо врезались в память юношей. Когда эмиссар французских принцев князь Эстергази однажды рассыпался в их присутствии в похвалах прежнему французскому правительству, великий князь Константин заявил с уверенностью, что он ошибается. Екатерина, приятно удивленная познаниями внука, потребовала у него доказательств. Тот со знанием дела принялся перечислять злоупотребления старого режима.

– Откуда же ты все это знаешь? – осведомилась императрица.

– Я читал это с Лагарпом у самого достоверного историка, – с важностью отвечал Константин.

²⁰ Господин якобинец (фр.).

²¹ Фокс Чарлз Джеймс (1749–1806), лидер радикального крыла вигов. Славился, как непревзойденный оратор.

Бабушка пришла в восторг от начитанности внука.

В другой раз Александр выступил с публичной речью в защиту равенства.

– Требование равенства между людьми – справедливо, – заметил он, – и напрасно французские дворяне беспокоятся лишением сего достоинства, поскольку оно состоит в одном названии.

Однако чем дальше, тем подобные речи встречали все более холодный прием если не со стороны самой императрицы, то со стороны придворных. Казнь Людовика XVI и приезд в Петербург графа д'Артуа (брата графа Прованского – будущего Людовика XVIII) оказали решительное влияние на образ мыслей императрицы. Получив известие о казни короля, Екатерина пришла в сильнейшее волнение. Дворцовые республиканцы притихли, «Карманьолы» и «Марсельезы» больше не было слышно. Прием графа д'Артуа был обставлен с подчеркнуто царским великолепием. Екатерина подарила ему осыпанный бриллиантами меч, освященный в Александро-Невской лавре, с надписью: *Dieu et le roi* (Бог и король, фр.).

8 февраля 1793 года Россия прервала всякие сношения с Францией. Высочайшим указом предписывалось не терпеть в империи тех французов (разумея под ними *учителей* и учителей), которые признают революционное правительство; французских эмигрантов впускать не иначе, как по рекомендации французских принцев, графа Прованского, графа д'Артуа и принца Конде. Французы, которые остаются в России, должны дать клятву в том, что они «быв не причастны ни делом, ни мыслью правилам безбожным и возмутительным, во Франции ныне введенным и исповедуемым, признают настоящее правление тамошнее незаконным и похищенным; умерщвление короля христианнейшего, Людовика XVI, почитают сущим злодейством и изменой законному государю, ощущая все то омерзение к произведшим оное, какое они от всякого благомыслящего праведно заслуживают».

Для Лагарпа наступили последние дни его пребывания в России. Но его опала, как будет видно дальше, была все-таки связана не с его республиканскими убеждениями. Позднее Лагарп отдал должное двору Екатерины: «Вспоминая, что я был преисполнен республиканскими правилами, воспитан в одиночестве, совершенно чуждый большому свету, жил более с книгами и созданиями фантазии, чем с людьми, и должен был провести двенадцать лет при дворе без руководителей и советников, я не могу не удивляться, что я не сделался предметом еще больших гонений. Всюду, кроме России, я подвергся бы им, и из этого я прихожу к заключению, что особы, принадлежащие ко двору, здесь несравненно менее недоброжелательны, чем в других странах... Я приобрел много друзей в этой чужой стране, которая с тех пор стала для меня вторым отечеством...»

Преподавание Лагарпа и Муравьева не давало Александру ни точного научного знания, ни даже привычки к умственной работе – то были скорее художественные сеансы артистов от педагогики. Несмотря на все хлопоты царственной бабки (а может быть, именно благодаря ему), в его воспитании и образовании был допущен заметный пробел. Было сделано все, чтобы затруднить его знакомство с действительностью. Великого князя учили чувствовать, но не учили думать и действовать. Ему не приходилось ничего решать самому – на все вопросы (большой частью весьма далекие от жизни) ему давали готовые ответы – политические и нравственные догматы, которые не было нужды проверять, а оставалось только затвердить и почувствовать. Он не знал борьбы школьника с учебником, не испытал побед и поражений на полях учебной тетради, его не познакомили со школьным трудом, с его миниатюрными радостями и горестями, с тем трудом, который только, может быть, и дает школе воспитательное значение. Образование Александра было более блестящим, чем основательным. Его даже не научили как следует родному языку, великий князь говорил по-французски, как дофин, но не

умел без ошибок написать русскую фразу и впоследствии говорил полушутя, что сожалеет о невозможности запретить указом употребление буквы *ять*.

Эта резко обозначенная в нем еще в юности граница между мечтательной склонностью к добру и неумением (а зачастую и нежеланием) придать своим мечтаньям практическое направление, какая-то старческая дряблость воли не укрылась от взгляда другого воспитателя, Александра Яковлевича Протасова. С удовлетворением наблюдая, как «честность, справедливость, кротость в нем утверждаются»²², слыша отовсюду похвалы «об учтивости, приветливости и снисхождении» великого князя, он в то же время с удивлением и горечью отмечал в своем питомце «совершенную лень и нерадение узнавать о вещах, и не только чтоб желать ведать о внутреннем положении дел, но даже удаление читать публичные ведомости и знать о происходящем в Европе. То есть действует в нем одно желание веселиться и быть в покое и праздности». Начинали сказываться уроки Лагарпа и Муравьева. Действительность, признанная его учителями явлением низшего порядка, была изгнана из юношеского ума Александра; он не желал ни знать ее, ни даже признавать ее существование.

Екатерина II – Гримму:

«Эти мальчуганы прелестны. Но пора кончить эти бабушкины сказки».

III

Первая любовь – самая трогательная. Почему? Потому, что она почти одинакова во всех общественных положениях, во всех странах, при всяких характерах. Поэтому первая любовь не является самой страстной из всех.

Стендаль «О любви»

В 1790 году, посылая Гримму портрет тринадцатилетнего Александра при письме, полном комплиментов красоте и смысленности оригинала, императрица прибавила: «Предвижу для него одну опасность: это женщины, потому что за ним будут гоняться и нельзя ожидать, чтоб было иначе, так как у него наружность, которая все расшевеливает».

Многоопытная Фелица знала, как легко добродетель, даже подмороженная философией, тает под палящими лучами страстей. Поэтому, узнав в мае 1791 года от Протасова, что «от некоторого времени замечается в Александре Павловиче сильные физические желания, как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошими женщинами», она поспешила застраховать сердце внука своевременной, если можно так выразиться, говоря о пятнадцатилетнем юноше, женитьбой.

Вообще предусмотрительная бабка подыскивала Александру невесту уже давно. Еще в 1783 году баденский поверенный в делах Кох представил по ее требованию записку с характеристикой пяти маленьких дочерей наследного принца Баден-Дурлахского; наибольшие похвалы достались на долю четырехлетней принцессы Луизы. Никаких дальнейших указаний со стороны императрицы тогда не последовало, но Екатерина не забыла о маленькой Луизе.

Через семь лет она начала подыскивать доверенное лицо для ведения переговоров о браке. Ее выбор остановился на графе Николае Петровиче Румянцеве (старшем сыне фельдмаршала Румянцева-Задунайского), состоявшем в должности чрезвычайного посланника и полномочного министра на сейме германских княжеств во Франкфурте-на-Майне.

²² Так, услышав от Протасова о том, что один престарелый иностранец, находившийся прежде при Академии Наук, ныне бедствует, Александр "крайне тронулся" и, поспешно выхватив из бюро 25 рублей, просил наставника передать их старику. В другой раз, при выполнении штукатурных работ в Царскосельском дворце, один из работников упал и сломал себе ногу или руку. Великий князь, бывший в это время рядом, отослал его в больницу, приставил к нему лейб-медика, выдал денег на лекарства и ежедневно справлялся о его здоровье.

Императрица получила ему под предлогом обычного визита посетить Карлсруэ и там постараться увидеть дочерей наследного принца Баден-Дурлахского; предписывалось особо обратить внимание на двух принцесс: одиннадцатилетнюю Луизу-Августу и девятилетнюю Фредерику-Доротею. «Сверх красоты лица и прочих телесных свойств их, нужно, чтобы вы весьма верным образом наведались о воспитании, нравах и вообще душевных дарованиях сих принцесс, о чем в подробностях мне донести». Государыня подчеркивала, что вести дело надлежит «с крайней осторожностью и самым неприметным для других образом».

Следуя инструкции, Румянцев поехал в Карлсруэ частным образом, взяв с собой только секретаря Комаровского и камердинера. На другой день после приезда он был приглашен наследным принцем на обед. Столы были накрыты в саду, мужчины могли сидеть, не снимая шляп. За обедом собралась вся семья принца, были здесь и Луиза с Фредерикой. Луиза произвела на русских чарующее впечатление. «Я ничего не видывал прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в обращении», – вспоминал Комаровский.

Румянцев справился с поручением превосходно. 2 марта 1791 года он отослал в Петербург подробный отчет:

«Принцесса Луиза несколько полнее и развитее, чем обыкновенно бывают в ее лета. Хотя ее нельзя признать вполне красавицей, тем не менее она очень миловидна. По-видимому, она кротка, вежлива и приветлива; сама природа наделила ее необыкновенной грацией, которая придает особенную прелесть всем ее речам и движениям. Общий голос отдает ей предпочтение перед всеми ее сестрами; хвалят ее характер, а лучшей гарантией ее здоровья служат ее телосложение и свежесть. Единственно, что умаляет благоприятное впечатление, производимое ее особой, это некоторая полнота, которая грозит в будущем сильно увеличиться. – Если принцесса Луиза слишком развита для своих лет, принцесса Фредерика-Доротея развита гораздо менее, чем бы ей следовало; она до сих пор еще очень скромный и молчаливый ребенок, но который обещает сделаться очень красивым. . . Принцесса Фредерика, с своими большими прекрасными глазами, имеет вид более важный и серьезный, между тем как в принцессе Луизе заметно более резвости и довольства, что указывает на веселость, но веселость скорее тихую, чем шумную».

Екатерина осталась довольна отчетом и поручила Румянцеву узнать «никого не компрометируя и колько можно менее гласно», нет ли у наследного принца возражений против брака одной из его дочерей с великим князем Александром Павловичем и не возникнет ли препятствий с переменою веры у невесты.

Никаких препятствий со стороны родителей принцесс не возникло. Принц был в восторге от предложенной блестящей партии. (Что касается религиозного вопроса, то нашелся богослов, который доказал наследному принцу превосходство православия с таким успехом, что принц воскликнул: «Черт возьми! В таком случае мне остается ожидать той минуты, когда мне тоже посоветуют его принять!»²³)

Уладив формальности, Екатерина начала торопить принца с отправкой обеих принцесс в Петербург.

Екатерина II – Н.П. Румянцеву, 4 июня 1792 года:

«Хотя, конечно, ввиду возраста принцесс, можно было бы еще отложить года на два приезд их в Россию, но я думаю, что, прибыв сюда ныне же, в самом этом возрасте, та или другая

²³ Немецкие принцессы, которые имели шансы выйти за русского князя, не получали благодаря осторожности своих родителей основательного религиозного воспитания, или, по крайней мере, не изучали глубоко тех догматов, в которых состоит различие между православием и другими христианскими вероучениями. Из-за этого, попадая в Россию, они легко и безболезненно меняли свою веру.

скорее привыкнет к стране, в которой ей предназначено провести остальную свою жизнь... Вы скажете, что я охотно принимаю на себя окончание их воспитания и устройство участи обеих. Склонность моего внука Александра будет руководить его выбором; ту, которая за выбором останется, я своевременно пристрою».

Принц не возражал и против этого. В Карлсруэ была послана статс-дама императрицы графиня Екатерина Петровна Шувалова (урожденная графиня Салтыкова), чтобы привезти в Россию принцесс. Осенью 1792 года сестры инкогнито отправились в путешествие. Дорогой им пришлось вынести то, что, по выражению Екатерины II, называется у нас «совершенная распутица и непогода», и в воскресенье 31 октября принцессы прибыли в Петербург.

У дома Шепелева, отведенного принцессам, их карета остановилась. При выходе из экипажа они были встречены гофмаршалом императорского двора князем Федором Сергеевичем Барятинским и придворными кавалерами, камердинером графом Василием Петровичем Салтыковым и двумя камер-юнкерами, которые провели Луизу и Фредерику в их апартаменты. Здесь гостей ожидали сама государыня, графиня Браницкая и граф Платон Зубов – новый и последний фаворит императрицы. При встрече произошла небольшая заминка. Луиза сразу угадала в пожилой, располневшей даме императрицу, но, боясь ошибиться, медлила с приветствием. Зубов начал беззвучно шевелить губами, подсказывая, что перед ней находится русская государыня, но тут Екатерина сама с улыбкой подошла к Луизе и сказала:

– Я в восторге оттого, что вижу вас.

Луиза с поклоном поцеловала ей руку; Фредерика последовала ее примеру.

Императрица поделилась своими впечатлениями от первой встречи в письме Румянцеву: «Эта старшая показалась всем, видевшим ее, очаровательным ребенком или, скорее, очаровательной молодой девушкой: я знаю, что дорогой она всех пленила... Из этого я вывожу заключение, что наш молодой человек будет очень разборчив, если она не победит его...» Вечером, после двух посещений принцесс, она приписала: «Чем больше видишь старшую, тем больше она нравится».

На следующее утро она навестила принцесс за туалетом и возложила на них знаки ордена великомученицы Екатерины.

Императрица не спешила показать их обществу и самому жениху: после путешествия по российскому бездорожью Луиза кашляла, а у Фредерики текло из носа. Их первый выход состоялся 2 ноября, во время *petit diner fin*²⁴ у цесаревича Павла Петровича, приехавшего с женой в Зимний из Гатчины. На обеде присутствовали все великие князья и княжны. Здесь состоялось первое свидание Луизы с Александром. Оба догадывались о цели этих смотрин, поэтому были неловки и застенчивы. Луиза, увидев Александра, побледнела и задрожала, а смущенный великий князь не сказал ей ни слова и только от времени до времени бросал на нее быстрые взгляды, казавшиеся ему самому преступными.

Впрочем девушка очень скоро преодолела свою стыдливость. 4 ноября Екатерина написала своему секретарю Храповицкому: «Жених застенчив и к ней не подходит. Она очень ловка и развязна, *elle est nubile a 13 ans!*»²⁵

Чтобы молодые люди могли привыкнуть друг к другу, императрица ежедневно сводила их вместе на придворных собраниях. 5 ноября на концерте в Эрмитаже Протасов заметил в Александре большое внутреннее волнение. «С этого дня, полагаю я, – записал Александр Яковлевич в своем педагогическом дневнике, – начались первые его к ней чувства». На следующий день в Эрмитаже играли в веревочку, фанты и т. д. Возбужденный игрой, Александр общался с Луизой повольнее и, возвратясь к себе, долго не отпускал Протасова, беседа с ним о

²⁴ Небольшого изысканного обеда (фр.).

²⁵ Она созрела в 13 лет! (фр.)

старшей принцессе; он даже с юношеской неуклюжестью пошутил, что боится найти в своем наставнике соперника. Протасов отвечал ему «по пристойности».

Через месяц Александр уже публично выражал свои чувства.

Екатерина II – Гримму, 7 декабря, из Зимнего дворца:

«Прошедшую неделю господин Александр смотрел комедию «Новичок в любви» и неистово аплодировал во всех местах, которые ему нравились, так что никто не сомневался, что он покажет больше ловкости, чем тот, кого представляли».

У молодого человека, охваченного первым чувством, нет более властной потребности, чем потребность в друге, с которым он мог бы делиться своими ежеминутными радостями и сомнениями. Таким наперсником Александра невольно оказался пожилой и педантичный Протасов – единственный человек, остававшийся рядом с великим князем в долгие зимние ночи. «Он мне откровенно говорил, – вспоминал Александр Яковлевич свои беседы с Александром, – сколько принцесса для него приятна; что он уже бывал в наших женщин влюблен, но чувства его к ним наполнены были огнем и некоторым неизвестным желанием – великая нетерпеливость видеться и крайнее беспокойство без всякого точного намерения, как только единственно утешаться зрением и разговорами; а напротив, он ощущает к принцессе нечто особое, преисполненное почтения, нежной дружбы и несказанного удовольствия общаться с нею, нечто удовольственнее, спокойнее, но гораздо или несравненно приятнее прежних его движений; наконец, что она в глазах его любви достойнее всех здешних девиц».

Действительно, принцесса Луиза сразу покоряла всех, кто ее видел. Императрица писала Румянцеву, что «публика... твердо остановилась на старшей». Луиза имела, по словам Протасова, «пресчастливую физиономию», она была не то чтобы безупречно красива, но необыкновенно миловидна. Саксонский посланник при петербургском дворе Карл Розенцвейг находил, что «черты лица ее чрезвычайно тонки и правильны: греческий профиль, большие голубые глаза, правильное, овальное очертание лица, и волосы прелестнейшего белокурого цвета. Фигура ее изящна и величественна, а походка чисто воздушная... При внимательном наблюдении, в выражении ее лица заметна некоторая меланхолия...» Она обладала каким-то особенным, чарующим голосом. Екатерина называла ее *сиреной* – ее голос, говорила она, так и проникает вам в душу.

Казалось, Луиза и Александр, умевший пленять окружающих, не хуже записных кокеток, созданы друг для друга. Екатерина не льстила внуку, когда называла его красавцем; в свои пятнадцать лет он действительно был прекрасен. Высокий, стройный, с длинными белокурыми волосами, он отличался изяществом манер и ловкостью движений. Голубые глаза сияли небесной чистотой в минуты веселого настроения, или глубоко темнели, если на него напала задумчивость; частые вспышки нежного румянца оживляли мраморную белизну женственного лица, особую прелесть которому придавала улыбка. Александр знал свою красоту и любил пощеголять в бабушкином салоне в прекрасно сидевшем на нем костюме. Один не в меру усердный придворный даже высказал Екатерине, что от этого брака двух ангелов должны родиться ангелы. Ему, как и императрице, следовало знать, что ангелы не созданы для браков, во всяком случае, для счастливых.

12 декабря Александру исполнилось шестнадцать лет. В этот день государыня позволила ему носить взрослый галстук. Ободренный этим признанием своего возмужания, он сделался смелее с Луизой, начав обходиться с ней, как с невестой. Он уже вел себя как опытный придворный: чтобы вызвать милостивое отношение императрицы к своей избраннице, он незаметно (как ему казалось) подталкивал ее поближе к «доброй бабушке», которая, видя эти маневры, благосклонно улыбалась. Екатерина, уверенная в успехе сватовства, писала Румянцеву: «Мы примем меры к приведению в православие принцессы, которое может состояться публично

после Пасхи, после чего последует и обручение. Что же касается свадьбы, то ввиду крайней юности их обоих, я отложу ее, если будет возможно, еще на некоторое время, но эта отсрочка, судя по ходу дела, не будет продолжительна».

В январе 1793 года было получено официальное согласие родителей Луизы на брак с великим князем Александром. Ее немедленно начали учить русскому языку и православным догматам (уроки Закона Божьего ей преподавал архимандрит новгородского Антониева монастыря Иннокентий). В этих занятиях прошла весна. 9 мая, в день празднования памяти святого Николая-чудотворца, в большой церкви Зимнего дворца, совершилось миропомазание Луизы, которая была наречена Елизаветой Алексеевной. На следующий день состоялось ее обручение с Александром. Обряд совершил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил, кольца молодым меняла сама императрица. Александр, записал Протасов, в течение всего обряда «сохранил всю должную к сему происшествию благопристойность, при особливом душевном удовольствии, сопровождаемом кротостию и смиренномудрием». После обручения был дан парадный обед, во время которого Екатерина, Павел Петрович, Мария Федоровна, Александр и Елизавета Алексеевна восседали за одним столом под большим балдахинном. Вечером во дворце был бал, город иллюминировали, колокола не смолкали весь день.

По случаю радостного события Протасову было пожаловано десять тысяч рублей; Лагарп не получил ничего.

Настала пора приступить к исполнению того пункта наставления императрицы 1784 года, который гласил: «Приближаясь к юношеству, показать им надлежит помалу, исподволь, свет, каков есть, ограждая сердца их, колико возможно, от порочного».

С этой целью в Царском Селе, куда вслед за императрицей в середине мая приехали новобрачные, для них был создан особый двор; гофмаршалом его стал полковник граф Николай Головин, гофмейстериней – графиня Е.П. Шувалова. При Александре состояло три камергера и три камер-юнкера, такое же число статс-дам имела Елизавета Алексеевна. Подобным почетом никогда не пользовался цесаревич Павел Петрович, и это обстоятельство ясно свидетельствовало о намерениях государыни относительно будущности Александра и его отца.

Оградить Александра от «порочного» не получилось. Двор, по словам фонвизинского Стародума, это такая просторная дорога, на которое «двое, встретясь, разойтись не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимет уже никогда того, кто на земли». Две дюжины человек, окружившие Александра и Елизавету Алексеевну, сразу вступили в грызню друг с другом, стремясь приобрести единоличное влияние на великокняжескую чету. Наиболее жгучим ядом брызгали гофмейстерина и ее дочь, графиня Голицына. Екатерина Петровна Шувалова была европейски образованной женщиной, то есть выучившейся в Париже самому отчаянному кокетству и твердо усвоившей уроки салонной проституции. «После брака первое ее старание было развратить молодых супругов, – возмущался добрый Протасов, вынужденный безучастно наблюдать за ее интригами. – Нравоучение ее в том состояло, чтобы великой княгине делать всякие угождения, замечать перед женою все мужнины ошибки, за всякое слово с ним спорить, а в больших сборищах показать его ревнивым и охуждать данное ему воспитание». Дочь Шуваловой, «лукавейшая тварь, сплетница, кокетка и беззастенчивая в речах», по отзыву современника, не отставала от матери. Причина их нападков на Александра была довольно банальна: графиня Голицына, по наущению гофмейстерины, предлагала себя в любовницы великому князю, но встретила пугливый отказ. Как известно, месть отвергнутой женщины трудно насытить.

Граф Головин и его приверженцы составили партию противников назойливых дам. Что касается камер-пажей, то они единственную свою обязанность при великом князе полагали в

том, чтобы смешить его. Пошлость этой обстановки немедленно отразилась на Александре, сказавшись в забавах, мало приличных наследнику престола и в каламбурах сомнительного качества. Впрочем, он уже привык быть тем, кем его желали видеть те, кто с ним общался.

Летом великий князь и княгиня часто гостили в Павловске, среди немногочисленных друзей Павла Петровича. Душой этого маленького общества была Мария Федоровна. Она была неистощима на затеи, ареной которых были преимущественно сад и парк. Кавалькады и прогулки пешком, завтраки в Молочном домике, вечерний чай в Шале, музыкальные семейные вечера – составляли программу пребывания молодых у родителей.

5 августа младшая сестра Елизаветы Алексеевны уехала в Баден. При расставании обе сестры плакали, слезы разлуки – обязательный признак чувствительного сердца – стояли в глазах Александра и всех присутствующих. Фредерику-Доротею провожали всем двором через сад до кареты.

В середине августа императрица возвратилась из Царского Села в Таврический дворец. Следом за ней в столицу приехали Павел Петрович, Мария Федоровна, великие князья и княжны и Елизавета Алексеевна. При дворе началась лихорадочная подготовка к ряду торжеств. Они открылись 2 сентября празднованием мира с Турцией и продолжались две недели. 28 сентября состоялось бракосочетание Александра и Елизаветы Алексеевны.

В этот день в восемь часов утра по сигналу – пяти пушечным выстрелам с Петропавловской крепости – все гвардейские полки под началом генерал-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова выстроились на площади перед Зимним дворцом и на прилегающих к ней улицам. Без четверти час двадцать один выстрел с бастионов Адмиралтейской крепости открыл торжественное шествие из внутренних апартаментов императрицы в большую церковь Зимнего дворца. Молодые шли впереди. На Александре был кафтан из серебряного глазета с бриллиантовыми пуговицами и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного; Елизавета Алексеевна была облачена в платье того же цвета и материи, украшенное жемчугами и бриллиантами. Екатерина и Павел Петрович с супругой шли следом. По хмурому виду цесаревича было заметно, что отношения матери с сыном окончательно расстроились – вплоть до того, что Павел намеревался даже вовсе не присутствовать на бракосочетании, однако стараниями Марии Федоровны семейный разрыв был предотвращен.

Обряд бракосочетания совершил член Синода и протопресвитер Спасо-Преображенской церкви Лукьян Протопопов. Венец над головой жениха держал великий князь Константин, над невестой – канцлер граф Безбородко. При пении «Тебе Бога хвалим» войска произвели пальбу троекратным беглым огнем, на который отвечал гром пушечных выстрелов с Петропавловской и Адмиралтейской крепостей и яхт на Неве. Звон колоколов не смолкал над столицей три дня; двухнедельные празднества завершились блистательным фейерверком на Царицыном лугу.

На сей раз вспомнили и о Лагарпе – он был награжден десятью тысячами рублей.

Ближайшей обязанностью шестнадцатилетнего мужа по-прежнему оставалось ученье. Между тем весь пыл Александра уходил совсем на другие занятия. «Весьма боюсь, – говорил приближенный цесаревича Ф.Ф. Ростопчин, – не повредила бы женитьба великому князю: он так молод, а жена его так хороша собою». А Протасов со вздохом отмечал, что после свадьбы великий князь «отстал нечувствительно от всякого рода упражнений... от всякого прочного умствования».

Придворное окружение внушило Александру, что теперь, после женитьбы, он вполне может располагать собой, и великий князь самозабвенно упивался своей независимостью и самостоятельностью: сверх меры шалил с братом и парикмахером Романом, ездил на вахтпарады к отцу в Гатчину, молодецки пил вино и с удовольствием отбросил прежнюю учтивость в обращении с женой. Вид Протасова нагонял на него скуку, и Александр убежал от него в уборную Елизаветы Алексеевны, куда наставник не мог за ним следовать. Единственный учитель,

который еще кое-как продолжал с ним занятия, был Лагарп. Но и он со дня на день ожидал своего увольнения.

IV

Алкивиад... мог подражать в равной мере как хорошим, так и плохим обычаям. Так, в Спарте он занимался гимнастикой, был прост и серьезен, в Ионии – изнежен, предан удовольствиям и легкомыслию...

Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

Когда-то, в пору своей молодости, Екатерина II писала: «На этом свете препятствия созданы для того, чтобы достойные люди их уничтожали и тем умножали свою репутацию». Этому правилу она с неутомимой энергией следовала всю свою жизнь, и теперь, в конце 1793 года, намеревалась уничтожить последнее препятствие – отстранить цесаревича Павла Петровича от престола.

Обстоятельства благоприятствовали этому намерению: закон Петра I 1722 года о престолонаследии разрешал государю самому назначать себе преемников и отрешать от трона наследников. Закон этот, явившийся следствием семейной драмы великого преобразователя, как нельзя более соответствовал обстановке, сложившейся в семье самой императрицы. Екатерина, ничего не делавшая на пустом месте, после возвращения из путешествия в Крым приступила к историческому изучению вопроса о престолонаследии: читала петровскую «Правду воли монаршьей» и указы о наследниках престола со времен Екатерины I. Результатом этих занятий стала собственноручная заметка императрицы, из которой видно, что она прямо соотносила дело царевича Алексея со своими отношениями с Павлом.

«Признаться должно, что *несчастлив тот родитель, который себя видит принужденным для спасения общего дела отрешить своего отродия*. Тут уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. Итак, я почитаю, что премудрый государь Петр I, несомненно, величайшие имел причины отрешить своего неблагодарного, непослушного и неспособного сына. Сей наполнен был против него ненавистью, злобой, ехидной завистью; изыскивал в отцовских делах и поступках в корзине добра пылинку худого, слушал ласкателей, отдавая от ушей своих истину, и ничем ему не можно было так угодить, как понося и говоря худо о преславном его родителе. Он же сам был лентяй, малодушен, двояк, нетверд, суров, робок, пьян, горяч, упрям, ханжа, невежда, весьма посредственного ума и слабого здоровья».

Мотивируя свое решение государственной необходимостью, она тем самым подчеркивала, что действует не как бессердечная мать, а как государыня, хорошо изучившая нравы своего наследника. Так, после одной беседы с Павлом, она в сердцах воскликнула:

– Вижу, в какие руки попадет империя после моей смерти! Из нас сделают провинцию, зависящую от воли Пруссии. Мне больно было бы, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елизаветы, послужила знаком изменения всей системы русской политики.

Это замечание не было случайным, ибо Павел действительно боготворил отца в пику матери и, подобно Петру III, не скрывал своего восторга перед Фридрихом II.

С 1791 года императрица не считала нужным скрывать от ближайшего окружения свои намерения и откровенничала с Гриммом: «Послушайте, к чему торопиться с коронацией? Всему есть время, по словам Соломона. Сперва мы женим Александра, а там со временем и коронуем его со всевозможными церемониями, торжествами и народными празднествами. Все будет блестяще, величественно и великолепно. О, как он сам будет счастлив, и как с ним будут счастливы другие!»

Однако в глубине души она осознавала, что самая трудная часть дела состоит не в том, чтобы официально оформить передачу престола внуку, а в том, чтобы заручиться согласием на это самого Александра. Эту задачу она попыталась возложить на Лагарпа, чье огромное влияние на великого князя было неоспоримо. Екатерина полагала, что швейцарский республиканец возьмется посодействовать «избавлению России от нового Тиберия²⁶».

Крайние радикалы в теории обыкновенно легко мирятся с самым консервативным порядком вещей в действительности. Лагарп пришел в ужас, догадавшись для каких целей его пытаются сделать орудием. Сохранился его рассказ о событиях осени 1793 года. 18 октября императрица неожиданно потребовала его к себе. Их разговор продолжался два часа. Говорили о разном, но Екатерина несколько раз, словно мимоходом, возвращалась к теме будущего России, давая понять собеседнику настоящую цель аудиенции. Лагарп, как мог, старался не дать посвятить себя в ее планы. Ему это удалось, «но два часа, проведенные в этой нравственной пытке, – вспоминал он, – принадлежат к числу самых тяжелых в моей жизни, и воспоминание о них отравляло все остальное пребывание мое в России».

Опасаясь дальнейших разговоров в том же направлении, Лагарп обрек себя на строгое уединение и являлся ко двору только для занятий с великими князьями. Но поняв вскоре, что как бы не обернулись дела с удалением от престола «Тиберия», ему все равно не удержаться при дворе, он решился на самый благородный и бескорыстный шаг за все время своего пребывания в Петербурге – он постарался напоследок примирить детей с отцом.

С неимоверным трудом он добился аудиенции у Павла Петровича, который не разговаривал с ним уже три года. Любившего военный порядок цесаревича больше всего подкупила та быстрота, с которой Лагарп явился на свидание: получив вечером 26 апреля 1794 года вызов в Гатчину, швейцарец в семь утра уже сидел в дворцовой приемной. В долгой беседе он убедил подозрительного Павла, что Александр и Константин любят и уважают его и что старший великий князь и в мыслях не имеет в угоду Екатерине посягнуть на его права на престол. Цесаревич, так же легко и быстро привязывавшийся к людям, завоевавшим его доверие, как легко начинал считать врагом того, кто однажды вызвал его неудовольствие, оттаял и к концу беседы уже назвал себя искренним другом того, кого перед тем звал не иначе, как «якобинец». Он пригласил Лагарпа на бал, а Мария Федоровна выразила желание танцевать с тем, кто возвратил ей ее сыновей, чем поставила его в неловкое положение, так как у него не было с собой перчаток. Павел выручил своего нового друга, одолжив ему свои – эту пару перчаток Лагарп благоговейно хранил всю жизнь в воспоминание о дне, в который столь чудесно переродился его давний недоброжелатель. Оба они сохранили самые лучшие воспоминания о единственном свидании, сделавших их друзьями. Павел Петрович позже признавался Александру, что не может без умиления вспомнить о 27 апреля 1794 года.

Но может быть, самое сильное впечатление поступок Лагарпа произвел на самого Александра, который с новым рвением возобновил занятия с учителем и часто приводил с собой Елизавету Алексеевну.

Теперь Лагарпу оставалось только ждать своей отставки. Во время чтения одной из лекций великим князьям, Салтыков внезапно вызвал к себе швейцарца и объявил волю императрицы: поскольку Александр Павлович вступил в брак, а Константин Павлович определен в военную службу (в Гатчину, к отцу), то занятия с ними должны окончиться и выдача жалованья Лагарпу прекращается с текущего года. Несмотря на то, что Лагарп давно готовился к этому вызову, он не сумел скрыть своих чувств перед воспитанниками. Когда он возвратился в класс, Александр сразу заметил следы волнения у него на лице и спросил об их причине. Лагарп отвечал уклончиво. Тогда Александр воскликнул:

²⁶ Тиберий Клавдий Нерон (42 до н. э. – 37 н. э.), римский император, известный нелюдимым и подозрительным характером и холодной жестокостью.

– Не думайте, чтоб я не замечал, что уже давно замышляют против вас что-то недоброе! Нас хотят разлучить, потому что знают всю мою привязанность, все мое доверие к вам! – И в порыве любви к учителю бросился ему на шею. Лагарп едва мог оторвать его от себя, беспрестанно напоминая, какой нежелательный толк может дать этой сцене какой-нибудь непрошенный свидетель.

Все же занятия с Александром продолжались до самого отъезда Лагарпа из Петербурга. Когда вопрос об увольнении был решен окончательно, Александр написал наставнику, что тот поймет, какое он испытывает огорчение, «оставаясь один при этом дворе, который я ненавижу, и предназначенный к положению, одна мысль о коем заставляет меня содрогаться. Единственно остающаяся мне надежда – думать, что через несколько лет, как вы мне сами сказали, я вас увижу опять. Прощайте, дорогой друг, будьте уверены, что до последней минуты жизни пребуду весь ваш и что никогда не забуду того, чем вам обязан, и всего, что вы для меня сделали».

Отъезд был назначен на 9 мая. В этот день Александр прислал Лагарпу портреты – свой и жены, усыпанные алмазами, и новое письмо:

«Прощайте, любезный друг. Чего мне стоит сказать вам это слово! Помните, что вы оставляете здесь человека, который вам предан, который не в состоянии выразить вам свою привязанность, который обязан вам всем, кроме жизни. Примите от жены, от брата и от меня знаки нашей общей признательности. Будьте счастливы, любезный друг, это желание человека, любящего вас, уважающего и почитающего выше всего. Я едва вижу, что пишу. Прощайте в последний раз, лучший мой друг, не забывайте меня...».

Не довольствуясь этим, он сам инкогнито приехал из Таврического дворца проститься с учителем. Прощание было душераздирающим. «Мне понадобилась вся моя твердость духа, чтобы вырваться из его объятий, покуда он обливал меня слезами», – вспоминал Лагарп. Он вручил воспитаннику письменное наставление и инструкции, в основном касающиеся книг, которые он рекомендовал читать великому князю.

Летом Лагарп был уже в Швейцарии и поселился в окрестностях Женевы.

Результат разговора Лагарпа с Павлом Петровичем сказался в том, что Александр стал чаще видеться с отцом – если до разговора он ездил в Гатчину раз в неделю, в пятницу вечером, чтобы присутствовать на субботнем вахтпараде, то теперь он проводил там большую часть времени.

Гатчина находилась в сорока верстах от столицы и в двадцати – от Царского Села. В 1770 году гатчинское имение было подарено Екатериной II графу Григорию Григорьевичу Орлову. В то время оно состояло из небольшого господского дома и нескольких чухонских деревушек. Кругом расстилалась болотистая местность с речкой Парицей и двумя озерцами – Белым и Черным; столбовая порховская дорога между ними, с постоянными дворами и кабаками, была единственным оживленным местом в этой богом забытой глуши, известной лишь завзятым охотникам.

С переходом Гатчины в руки Орлова все изменилось; Гатчина приобрела известность. Близ Белого (или Большого) озера, по плану архитектора Ринальди, Орлов возвел великолепный барский дом с башнями и разбил правильный парк, упиравшийся в столбовую дорогу. На этом строительство прекратилось: граф не хотел портить столь удобные для охоты места.

В 1783 году, после смерти любимца, императрица купила Гатчину для Павла Петровича. С этих пор бывшее орловское имение сделалось любимым местопребыванием цесаревича. За те тринадцать лет, которые наследнику пришлось провести здесь, имение стало образцовым и напоминало уже небольшой городок или, вернее, это был свой, особый мирок, созданный

Павлом в противовес матери, как идеал новой, уже не екатерининской, а павловской России. А тем, так сказать, первоэлементом, из которого гатчинский демиург намеревался сотворить свою вселенную, была гатчинская гвардия.

Павловское войско создавалось постепенно. Его ядро составили две команды по 30 человек, набранные из флотских батальонов (цесаревич имел чин генерал-адмирала) для несения караульной службы – одна на Каменном острове, другая в Павловске. Затем эти две команды были пополнены солдатами из других полков, а также вербовкой; офицеры в этих частях были в основном из отставных. В 1796 году в гатчинской гвардии числилось уже 6 батальонов пехоты, егерская рота, 4 кавалерийских полка (жандармский, драгунский, гусарский и казачий), пешие и конные артиллеристы при 12 орудиях – всего 2399 человек; в их число входили 19 штаб – и 109 обер-офицеров. Кроме того, на гатчинских прудах плавала небольшая флотилия.

Главкомандующим и главным инструктором этих войск был барон Штейнвер, пруссак из военной школы Фридриха II. Цесаревич говорил о нем: «Этот будет у меня таков, каков был Лефорт у Петра Первого».

Впрочем сам Павел изображал из себя вовсе не полтавского героя, а покойного прусского короля. Гатчинские войска, вплоть до мелочей, были организованы на прусский манер. Из подражания отцу, цесаревич возрождал те самые уставы и мундиры «неудоб носимые», которые, будучи введены при Петре III, по словам екатерининского манифеста 1762 года, «не токмо храбрости воинской не умножали, но паче растравляли сердца болезненные всех верноподданных его войск». Форму гатчинских офицеров составлял тесный мундир, просаленный парик, огромная шляпа, сапоги выше колен, перчатки, закрывавшие локти и короткая трость. Вообще современники единодушно сходились на том, что при въезде в Гатчину нельзя было отделаться от чувства, что попадаешь в какой-то прусский городок. Путешественника встречали трехцветные, черно-красно-белые, шлагбаумы и окрики часовых, в которых, кроме языка, ничто не выдавало русских солдат. На разводах господствовал тот же мелочный порядок, что и в Потсдаме. Малейшая неисправность вызывала безудержный гнев наследника. Кое в чем Павел Петрович перещеголял даже самодурства Фридриха II, которые вошли в пословицу. Так, во время Семилетней войны, король распорядился содрать тесьму со шляп у солдат и офицеров одного полка, проявившего трусость на поле боя. Его гатчинский подражатель однажды велел, за неточное исполнение команды, сорвать петлицы с рукавов солдат одного из батальонов и в назидание другим провести их в казармы через кухню. Офицеров за ничто сажали под стражу, лишали чинов, разжаловали в рядовые, откуда потом лишь малая часть снова возвращалась в офицерский корпус. Каждый день приносил известие о новых самодурствах цесаревича, над которыми потешалась столичная гвардия.

Екатерина не препятствовала созданию гатчинских войск. Ей, привыкшей к подвигам румянцевских и суворовских чудо-богатырей, маниакальное увлечение сына прусской шагистикой казалось смешным. Она презирала гатчинцев. Во время последней турецкой войны Павел Петрович хотел продемонстрировать боевые качества своих войск и неоднократно просил мать позволить им, под его руководством, принять участие в боевых действиях. Императрица неизменно отказывала ему в этих просьбах. Однажды, выведенный из себя, цесаревич вскричал:

– Что же скажет обо мне Европа?

– Европа скажет, – спокойно отвечала Екатерина, – что вы послушный сын.

Летом, проживая в Царском Селе, она почти ежедневно слышала ружейную и орудийную стрельбу, раздававшуюся со стороны Гатчины. Государыня не мешала сыну играть в солдатики и только, вздыхая, жаловалась, что он «расстучал ей голову своей пальбой».

Презрение императрицы к гатчинцам разделяла вся русская армия. Иначе и быть не могло, так как гатчинские офицеры были сплошь грубые, почти необразованные люди, выгнан-

ные из армейских и гвардейских полков за дурное поведение, пьянство или трусость, «сор нашей армии», по словам современника. Под воздействием гатчинской дисциплины эти люди легко превращались в бездушные машины и не моргнув глазом сносили от цесаревича брань, а иногда и побои, с завистью взирая из своих гатчинских болот на блестящую екатерининскую гвардию. Даже любимец Павла Ф.В. Ростопчин говорил, что наследник окружен людьми, наиболее честный из которых заслуживает колесования без суда!

За гатчинцами замечалась еще одна характерная черта – они не были *любителями порохового дыма*. Впоследствии только один из них, генерал Капцевич, заслужил известность храброго офицера. Тем не менее у этой армии были свои герои – люди особого рода, орлы вахтпарадов и рыцари фронта.

В 1684 году новгородец Иван Степанович Аракчеев был пожалован государями Иоанном и Петром Алексеевичами за службу отца его в войне против Польши поместьями в Новгородском уезде. Сын его, Степан, умер в чине армейского капитана; внук, Андрей, был убит в турецком походе Миниха, а правнук, Андрей же, служил в гвардии Преображенском полку и после указа о вольности дворянства вышел в отставку с чином поручика. Он поселился в своем небольшом поместье в Вышневолоцком уезде тогдашнего Тверского наместничества. Имение насчитывало двадцать душ – это было все, что при разделах пришлось на его долю из пожалованного его предку наследия.

Женившись на местной дворянке Елизавете Андреевне, отставной поручик отдыхал в родительской деревеньке если не на лаврах, то на пуховиках, в хозяйство не вмешивался и проводил время, глядя из окна на бедный двор своей усадьбы и посасывая любимую трубочку. Осенью 1769 года у Андрея Андреевича родился сын Алексей. (Дня его рождения родители не запомнили, поэтому позже, в просьбе об определении в корпус, поместили пятым октября – днем его именин.) Затем семейство пополнилось еще двумя чадами – Петром и Андреем. Первенца своего Андрей Андреевич любил отменно и даже пытался выучить его грамоте, но труд этот показался ему обременительным, и он переложил его на деревенского дьячка.

Елизавета Андреевна была по-своему замечательной женщиной – необыкновенно аккуратной и педантично-чистоплотной, чем заслужила в округе прозвище «*голландка*». Благодаря ее стараниям в семье не знали нужды; хотя денег было мало, да в них и не возникало особой потребности – копить на приданое было незачем (девок, слава Богу, не было), а домашнее хозяйство давало натурой все необходимое. Имея сердце доброе, детей и домочадцев Елизавета Андреевна тем не менее содержала в строгости. (Один глава семейства, по воспоминаниям Алексея Андреевича, не подчинялся общему деловому настроению домашнего быта – «обращаться в постоянной деятельности».) Зато когда в день св. Андрея Первозванного в дом отставного поручика съезжались соседние помещики, угощение у именинника было не хуже, чем у богатеев, имевших за *полсотни душ*, и в доме все было *прилично* (это любимое слово Елизаветы Андреевны перешло потом и к ее старшему сыну).

Мать учила малолетнего Алешу молитвам, водила в церковь, не пропуская ни одной обедни, внушала бережливое отношение к вещам. Из домашнего воспитания мальчик вынес обрядовую набожность, привычку к постоянному, пусть и бесцельному, труду и неутомимое стремление к порядку. Его дальнейшая жизнь не дала заглухнуть этим качествам.

За небольшую плату – три четверти ржи в год – дьячок выучил Алексея чтению, письму и четырем действиям арифметики. Настала пора подумать о будущем. Один родственник Аракчеевых в Москве обещал посодействовать определению Алексея в гражданскую службу. Но каллиграфические успехи сына смущали отца:

– Какой он будет канцелярский чиновник: когда пишет – точно бредут мухи!

Чтобы поправить дело, он придумал средство, не требующее дополнительных трат: из хранящихся у него бумаг отобрал те, которые были написаны более-менее хорошим почерком, и заставил сына переписывать их. Затея имела некоторый успех.

Зато в арифметике Алеша вскоре превзошел своего учителя. Он задавал сам себе такие большие числа для умножения, что дьячок и выговорить не умел; не выговаривал этих чисел и сам Алексей, что не мешало ему тешиться их умножением и получать несказанное удовольствие, когда проверка делением подтверждала правильность вычислений. Эта забава сделалась его любимым времяпровождением.

В одиннадцать лет с ним произошло событие, круто изменившее всю его жизнь. К соседнему помещику Корсакову приехали из шляхетского корпуса в отпуск два его сына – Никифор и Андрей. Аракчеев-старший поехал в гости к Корсаковым и взял с собой Алексея. Сидя за общим столом и слушая рассказы кадетов, мальчик с ужасом осознал, как ничтожны его собственные познания. Он не мог наслушаться их рассказов о лагере, учениях, стрельбе из пушек, но особенно поразили его красные мундиры братьев, с черными бархатными лацканами. «Мне казались они какими-то особенными высшими существами», – вспоминал об этой встрече Алексей Андреевич. За весь вечер он не проронил ни слова, но в нем зародилось необоримое желание учиться в шляхетском корпусе.

Возвратясь домой, он думал о кадетах дни и ночи, пребывая, «как в лихорадке». Наконец он бросился в ноги отцу и заявил, что умрет, если его не отдадут в шляхетский корпус. Андрей Андреевич, вспомнив молодость, согласился повезти сына в Петербург. Объявили об этом решении Елизавете Андреевне. «С Богом! – ответила она. – Коли на то Божья воля, ступай в кадеты». Впрочем, своей домашней властью она устроила так, что Алексей еще два года прожил в родительском доме. Однако впечатления от встречи с Корсаковыми в Алексее не ослабевали и после зимних святок 1783 года Андрей Андреевич собрался в дорогу – на долгих, с сыном и слугой.

Во время остановки на одной из станций отставной солдат Архангелогородского пехотного полка Мохов написал просьбу о вступлении юноши в корпус. С этой тщательно хранившейся бумагой отец и сын приехали в столицу. Здесь они полгода ежедневно ходили к командиру Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса генералу Петру Ивановичу Мелиссино, – чтобы безмолвно попасться ему на глаза и не дать забыть о себе. Но все старания были напрасны. Деньги таяли, последние недели все трое ели раз в день. Наконец издержали последнюю копейку. От полнейшей безысходности Андрей Андреевич пошел с поклоном на двор к митрополиту Гавриилу и получил от него по своей крайней бедности милостыню – рубль серебром. Выйдя из покоев владыки на улицу, отец поднес рубль к глазам, сжал в кулаке и горько заплакал; вместе с ним зарыдал и Алексей. На владыкин рубль прожили втроем еще десять дней.

На одиннадцатый день, заняв свое место в приемной Мелиссино и дождавшись его выхода, Алексей Андреевич со слезами отчаяния бросился к нему:

– Ваше превосходительство, примите меня в кадеты... Нам придется умереть с голоду... Мы ждать более не можем... Вечно буду вам благодарен и буду за вас Богу молиться.

Тронутый его видом, Мелиссино вернулся в кабинет и вынес собственноручную записку для подачи в корпусную канцелярию. В этот счастливый день 19 июля 1783 года отец и сын с утра ничего не ели. Завернув из корпуса в ближайшую церковь, они благодарили Бога одними земными поклонами – поставить свечу было не на что. К счастью, у какого-то родственника им удалось раздобыть немного денег на обратную дорогу отцу.

Этот жестокий урок бедности и голода Аракчеев не забыл. Впоследствии, став всемогущим, тщательно следил, чтобы на поступающие к нему прошения немедленно клалась резолюция – отказа или исполнения.

Не имея ни связей, ни положения, ни денег, молодой кадет полагался только на двух помощников – свое усердие и милость начальства. Вскоре он стал числиться среди первых учеников. Ему удалось значительно улучшить свое деревенское образование. Он свободно читал по-французски (говорил значительно хуже), знал разговорный немецкий. В аттестации сказано, что Аракчеев «особенно отличился успехами в военно-математических науках, а к наукам словесным не имел особой склонности». Сказались-таки детские забавы с цифирями!

Из сильно развитого у него чувства благодарности, Аракчеев не жалел сил, чтобы угодить Мелиссино. Его репутация отличного кадета способствовала тому, что в 1787 году, когда он был выпущен из корпуса с чином поручика, Петр Иванович оставил его при корпусе на должности репетитора с обязанностью учить кадетов арифметике, геометрии, артиллерийскому делу и фронту; помимо этого, ему почему-то поручили заведовать корпусной библиотекой. На строевых занятиях с кадетами Аракчеев впервые начал выказывать то «нестерпимое зверство», которое так сильно прославило его впоследствии. В русском человеке жестокость весьма часто соседствует с набожностью и любовью к порядку.

С этого времени дела Аракчеева пошли в гору. Он сблизился с главным наставником великих князей Н.И. Салтыковым, который поручил ему воспитание сына; Мелиссино оказывал ему покровительство, назначив своим адъютантом. Андрей Андреевич, прибывший в ту пору с Елизаветой Андреевной в гости к сыну, долго хмурился, глядя на окружавшую его «роскошь» – кожаные кресла и стол, покрытый зеленым сукном, – а потом спросил:

– Послушай, Алексей, скажи мне прямо, без утайки, как должен сын отвечать отцу: не вернешь ли ты, или не берешь ли взятки?

Подобные грешки за Аракчеевым не водились. Не получая денег из деревни, он жил на те средства, которые получал от репетиторства в корпусе и занятий с сыном Салтыкова; ему случалось подолгу ходить в одном и том же заношенном мундире.

В 1792 году Павел Петрович пожелал улучшить организацию артиллерийского дела в своих войсках и искал для этого сведущего артиллерийского офицера. Поскольку охотников до гатчинской службы было немного, он обратился за помощью к Мелиссино, и тот ответил наследнику, что такой человек у него есть.

4 сентября Аракчеев представился в Гатчине наследнику. Он легко усвоил сложные требования гатчинской службы, казавшиеся многим невыносимыми. На первый вахтпарад он явился безотказным автоматом, как будто век прослужил в Гатчине.

Шагистика, господствовавшая в гатчинских войсках, объяснялась тем, что Павел принял за образец устаревшее линейное трехшереножное построение прусской армии, с главным упором на залповый неприцельный огонь (полагались на устрашающий противника гром, а не меткость выстрелов). При таком способе ведения боя от солдат и офицеров требовалась виртуозная выучка, чтобы маневрировать, не нарушая строя. Усилиями Румянцева и Суворова боевое искусство русской пехоты шагнуло в то время далеко вперед – к построению колоннами, штыковому удару и прицельной егерской стрельбе, благодаря чему «образцовая» гатчинская пехота представляла собой живой экспонат из прусского военного музея. Однако у гатчинцев была одна несомненная заслуга перед русской армией, а именно – в организации артиллерийского дела. В конце XVIII столетия ведущими русскими полководцами было официально признано, что артиллерия не может играть решающей роли в победе. Это было тем более опасно, что в далекой Франции при осаде Тулона уже блестяще заявил о себе один молодой артиллерийский поручик по фамилии Бонапарт²⁷. Именно в Гатчине была опробована та система организации артиллерийского дела – создание самостоятельных артиллерийских подразделений и

²⁷ Тулон, занятый англичанами, был взят революционными войсками именно благодаря превосходно скорректированной Наполеоном артиллерийской стрельбе. Позже во всех своих сражениях Наполеон отводил артиллерии главное место в поражении противника.

новых орудий, повышение подвижности полевых орудий, широкое применение стрельбы картечью, превосходное обучение артиллерийских команд, – без которой русская артиллерия не смогла бы совершить свои славные подвиги в 1812 году.

Этот поворот в артиллерийской подготовке гатчинских войск начался с прибытия в Гатчину Аракчеева. Павел Петрович сразу заметил в нем «служаку» – Аракчеев не сходил с плаца или поля по двенадцати часов. Посетив вскоре его артиллерийскую команду, цесаревич подвел итог нововведениям одним словом: «Дельно». На ближайших артиллерийских учениях аракчеевская мортира послала точно в цель два ядра из трех. Алексей Андреевич сразу был произведен в артиллерийские капитаны и получил право обедать с наследником.

Для него началась новая жизнь.

На современников Аракчеев производил неприятное впечатление. Действительно, даже по наружности он походил на большую обезьяну в мундире. Он был высок, худощав и при этом сутуловат; на его длинной тонкой жилистой шее можно было изучать анатомию. На большой, безобразной голове выделялись мясистые ломти ушей и нависший над впалыми серыми глазами лоб. Щеки у него были впалые, нос широкий, с вздутыми ноздрями, рот большой. Его лицо представляло странную смесь ума и злости.

Прекрасно понимая, что роль светского человека при дворе наследника ему не по плечу, Аракчеев предпочел ей роль делового человека. Он поддерживал только служебные разговоры, за что язвительный Ростопчин немедленно окрестил его «гатчинским капралом». При дворе он стоял особняком ото всех, всегда и всюду преследуя лишь одну цель – как угодить Павлу. Ни разу он не обратился к цесаревичу ни с одной просьбой и, получая небольшое жалованье, тщательно уклонялся от всяких пособий и подарков. Павел тем более был благодарен ему, что средства, отпускаемые на содержание гатчинского двора императрицей, были весьма невелики.

Вспоминая годы гатчинской службы, Аракчеев говорил: «В Гатчине служба была тяжелой, но приятная, потому что усердие всегда было замечено, а знание дела и исправность отличены». К 1796 году он был пожалован чином полковника и назначен инспектором пехоты, начальником артиллерии, гатчинским губернатором и управляющим военным департаментом павловских войск. В это время о его жестокости уже ходили легенды: говорили, что он немилосердно хлещет по щекам не только солдат, но и офицеров, вырывает усы гренадерам; передавали даже, будто одному солдату он в припадке бешенства откусил не то нос, не то ухо.

Павел Петрович и жаловал любимца и журил крепко. Раз, после одной чрезвычайно бурной служебной взбучки, Аракчеев со слезами вбежал в церковь, думая, что лишь милость Божия может помочь ему остаться на службе. Стоя на коленях и горячо молясь, он вдруг услышал за спиной звон шпор. В страхе он обернулся – так и есть: Павел!

– О чем ты плачешь? – спросил его цесаревич.

– Мне больно лишиться милости Вашего Императорского Высочества.

– Да ты вовсе не лишился ее, – сказал Павел Петрович, кладя руку ему на плечо. – Молись Богу и служи верно: ты знаешь, за Богом молитва, а за царем служба не пропадают!

– У меня только и есть, что Бог да вы! – со слезами выдавил из себя Аракчеев.

Когда они вышли из церкви, цесаревич остановился, внимательно посмотрел на Аракчеева и сказал:

– Ступай домой, со временем я сделаю из тебя человека.

Взрослая жизнь встретила Александра как-то двусмысленно, двулично. Отец и бабка предъявляли на него свои права, навязывали ему выбор между Эрмитажем и Гатчиной, то есть требовали от него то, что противоречило всему его предыдущему воспитанию – определить свои отношения с действительностью. Командуя одним из гатчинских батальонов, вели-

кий князь ежедневно с шести утра изучал жесткие, бесцеремонные казарменные нравы; возвращаясь вечером в столицу, он тайком, стыдясь, сбрасывал забрызганную грязью гатчинскую форму, над которой в Зимнем потешались, как могли, и в модном светском костюме являлся в Эрмитаж, где вокруг императрицы собиралось самое изысканное общество. Здесь говорили о последних политических новостях, блистали остроумием, смотрели лучшие французские пьесы, и самые неряшливые и скандальные дела облекали в пристойную форму, не оскорблявшую приличий и не задевавшую ничьих ушей. Этот внезапный переход из одного мира в другой ни на минуту не затруднял его: от казарменного непечатного лексикона он с легкостью перешел к изящным французским каламбурам.

В гатчинском дворце тоже было свое остроумие и свое злословие. Павел Петрович открыто осуждал правление матери, называя его узурпацией, и при всяком удобном случае пенял Александру его свободомыслием. Получив очередные новости из Франции, он обращался к сыновьям с удовлетворением человека, чьи предсказания полностью оправдались:

– Вы видите, мои дети, что с людьми следует обращаться, как с собаками.

И, случалось, что тем же вечером Екатерина рассуждала с Александром о правах человека, читала ему французскую конституцию, комментируя отдельные статьи, и разъясняла причины революции.

В гатчинских занятиях внуков императрица видела смешную карикатуру на воинскую службу и иногда, забыв о приличиях, в присутствии Платона Зубова и других вельмож, просила их спародировать фронтовые манеры отца. Александр делал это действительно забавно. Но бабка не замечала, что старший внук с отвращением глядит на ее фаворита, который около полуночи, зевая, вставал вслед за императрицей из-за карточного стола и с рассеянным видом направлялся в ее спальню, а утром как ни в чем ни бывало появлялся в приемной заспанный, в распахнутом халате, с растрепанными волосами...

Александр, по словам В.О. Ключевского, видел вокруг себя много грязи – изящную грязь бабушкиного салона и неопрятную грязь отцовской казармы. Но хотя он и писал Лагарпу, что весь преобразился, встает рано и целое утро работает по оставленному наставником плану, тем не менее у него не было привычки упорно трудиться, возиться в здоровой житейской грязи, пачкаться в которой сам Господь судил человеку: «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Первая же помеха надолго отрывала его от занятий.

Екатерина не сумела ни занять его работой, ни разнообразить его времяпровождение; свои гатчинские обязанности Александр исполнял с рвением молодого человека, которому впервые поручено ответственное дело. Он еще по привычке подлащивался к стареющей бабке; отца же боялся смертельно и потому до изнурения утомлял себя службой. «Нынешнее лето я действительно могу сказать, что служил», – с гордостью писал он Лагарпу осенью 1796 года. На самом деле вся служба сводилась к пунктуальному исполнению различных мелочей – от этого неумения видеть вещи *en grand*²⁸, наряду с пристрастием к парадомании²⁹ – этой специфической болезни государей, – Александр не мог избавиться всю последующую жизнь.

Гатчинские учения повредили и здоровью великого князя. В шестнадцать лет он уже был близорук, как и его мать; а в 1794 году к этому прибавилась глухота в левом ухе. По собственным словам Александра это произошло оттого, что на одном из артиллерийских учений он стоял слишком близко к батарее.

Молодости свойственен корпоративный дух, она охотно делит людей на своих и чужих. В принадлежности к отцовской гвардии отверженных было даже нечто привлекательное для

²⁸ В целом (фр.).

²⁹ Великий князь Константин Павлович, которого никак нельзя упрекнуть в отсутствии любви к шагистике, писал в 1817 году: "Ныне завелась такая во фронте танцевальная наука, что и толку не дашь... Я более двадцати лет служу и могу правду сказать: даже во время покойного государя (Павла I. – С. Ц.) был из первых офицеров, а ныне так премудрено, что и не найдешься".

Александра. Похоже, что в глубине души он считал себя офицером гатчинской, а не русской армии и часто самодовольно повторял, желая похвалить что-либо:

– Это по-нашему, по-гатчински.

Отвращение и страх, внушаемое людям из «приличного общества» отверженными, есть одно из сильнейших наслаждений для последних. Однажды, возвращаясь с плаца, Александр кивнул в сторону Царского Села:

– Нам делают честь, нас боятся.

Конечно, это была юношеская бравада; Екатерина не испытывала ни малейшего беспокойства от соседства с гвардией сына и великолепно спала под охраной всего роты гренадер.

Наконец, у него был третий лик – будничный, домашний. Но и здесь Александр раздваивался между ролью примерного семьянина и мелкими любовными интрижками. Ростопчин, не испытывавший снисхождения ни к кому, кроме себя, писал: «Ему вбили в голову, что его красота обеспечивает ему победу над всеми женщинами... Он найдет достаточно негодниц, которые заставят его забыть свои обязанности». Негодниц действительно нашлось предостаточно.

Порой он с тоской ощущал себя многоликим никем, вечно изменчивым Протеем³⁰, чью сущность составляет внешняя кажимость, а иногда быть никем представлялось ему благодатным уделом по сравнению с утомительной обязанностью все время представлять кого-то. Он мог бы думать, что является самим собой в своих сентиментально-республиканских мечтах, если бы эти мечтания, так редко прорывавшиеся наружу, не представлялись ему самому нелепой случайностью. Нагруженный тяжелым балластом никому не нужных самоновейших политических идей и величавых античных образов, пустился он в путь по холодным, неприветливым волнам российской жизни. Устав от бесцельного плаванья и изнуряющей качки, он грезил о тихой гавани, где бы он мог укрыться от житейских бурь.

Александр – В.П. Кочубею³¹, 10 мая 1796 года:

«Да, милый друг, повторю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравится исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Пассек, князь Барятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом.

Вот, дорогой друг, важная тайна, которую я уже давно хотел передать вам... Я обсудил этот вопрос со всех сторон. Надобно вам сказать, что первая мысль о нем родилась у меня еще прежде, чем я с вами познакомился, и что я не замедлил прийти к решению, на котором остановился.

В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления; это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его

³⁰ Древнегреческий бог, постоянно менявший свои обличья.

³¹ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), князь, русский государственный деятель и дипломат. Друг детства Александра. В конце 1790-х гг. занимал пост посланника в Константинополе.

дурно... Мой план состоит в том, чтобы, по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы».

Интимные письма к Кочубею и Лагарпу не могли заменить живого задушевного друга, потребность в котором остро ощущалась Александром после отъезда учителя. Ему нужно было вновь почувствовать себя другом свободы, поборником истины и блага человечества. Одиночество может дать все, кроме чужого восхищения. Итак, был нужен другой.

В ту пору в Петербурге проживал на положении полупленника молодой князь Адам Чарторийский, принадлежавший к древнему роду, издавна занимавшему первостепенное место в Речи Посполитой. Его отец, Адам-Казимир, играл видную роль в политической жизни Польши: он занимал должность губернатора Подолии и, благодаря женитьбе на Изабелле Флеминг, наследнице обширных владений, обладал колоссальным богатством. Его даже выдвигали кандидатом на польский престол, но он сам снял свою кандидатуру в пользу Станислава Понятовского³². Княгиня Изабелла, женщина ослепительной красоты и безнравственности, принимала деятельное участие в судьбах Польши, за что получила прозвище «матка отчизны». Ее патриотизм, однако, не помешал ей сойтись с русским послом князем Н.В. Репниным, который и стал отцом князя Адама.

Чарторийские вынашивали планы коренных государственных преобразований Речи Посполитой, надеясь на поддержку России, Австрии и Англии. Разделы Польши разбились их мечты о реформах. Это время крушения надежд совпало с молодостью князя Адама (он родился в 1770 году) и сделало из него горячего сторонника политического возрождения родины.

Заботами родителей юноша получил чисто польское и чисто республиканское образование, то есть говорил по-французски лучше, чем на родном языке, был знаком с европейской литературой и без умолку рассуждал о конституции, подразумевая под ней древнюю шляхетскую вольность, ограниченную сильной исполнительной властью. Отправленный отцом в продолжительное путешествие за границу, он возвратился в Польшу перед войной, приведшей ко второму разделу. Как участник военных действий, он вынужден был бежать в Англию, где познакомился с классическими конституционными учреждениями этой страны. Весть о восстании Костюшко вновь призвала его на родину, но по дороге домой он был арестован в Брюсселе австрийскими властями.

При третьем, окончательном разделе Польши имения Чарторийских были конфискованы русским правительством. Когда князь Адам-Казимир начал переговоры об условиях снятия секвестра, Екатерина II потребовала прислать в Петербург двух сыновей князя – Адама и Константина. Императрица обещала определить их в русскую службу, но Адам-Казимир отлично понял, что от него требуют заложников его верности России. Он не посмел действовать отцовской властью и предоставил сыновьям самим решать их судьбу. Адам и Константин ни минуты ни поколебались и в начале мая 1794 года приехали в Петербург. Пребывание при дворе Екатерины причиняло князю Адаму жестокие душевные страдания – в каждом русском он был склонен видеть виновника несчастий своей родины. Однако неожиданно для него печальная

³² Понятовский Станислав-Август (1732–1798), последний польский король (1764–1795), ставленник России и Пруссии. После третьего раздела Польши жил в России.

доля заложника сменилась заманчивым положением интимного поверенного душевных тайн великого князя Александра.

Это случилось весной 1796 года. В апреле, перед вскрытием Ладожского озера, когда лед, принесенный оттуда Невой, обыкновенно навевает в Петербург резкий холод, выпало несколько ярких солнечных дней, в течение которых набережные усеялись гуляющими дамами в изящных утренних туалетах и элегантно одетыми мужчинами. Александр также часто выходил на прогулки – один или с женой, что еще больше привлекало общество в эту часть столицы. При встречах с братьями Чарторийскими он начал останавливать их и вступать с ними в учтивую беседу.

Постепенно знакомство скреплялось все больше. Весной двор перебрался в Таврический дворец, где императрица по вечерам принимала избранное общество. Однажды, гуляя с князем Адамом, Александр неожиданно пригласил его как-нибудь пройтись вместе по дворцовому саду. Они условились о дне и часе.

Весна уже вступила в полную силу, сад и газоны были покрыты зеленью и цветами. Когда князь Адам явился на свидание, Александр взял его под руку и повел по садовым тропинкам, чтобы услышать мнение гостя об искусстве садовника-англичанина, устроившего дорожки сада так, что, идя по ним, нельзя было увидеть, где он кончается.

Прогулка растянулась на три часа, в течение которых они увлеченно беседовали. Вернее, говорил один великий князь, с жаром открывая перед гостем свою душу. Из его речей князь Адам узнал, что их с братом благородное поведение возбудило в Александре доверие и сочувствие к ним, и он почувствовал потребность объяснить им свой «действительный образ мыслей», так как ему невыносимо думать, что они считают его не тем, что он есть на самом деле. «Он сказал мне тогда, – вспоминал Чарторийский, – что совершенно не разделяет воззрений и принципов правительства и двора, что он далеко не оправдывает политики и поведения своей бабки и порицает ее принципы; что его симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы; что он оплакивает ее падение; что, в его глазах, Костюшко был великим человеком по своим доблестным качествам и по тому делу, которое он защищал и которое было также делом человечности и справедливости. Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он не проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям; что он чрезвычайно интересуется французской революцией; что не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему. Он с большим уважением говорил о своем воспитателе Лагарпе, как о человеке высоко добродетельном, истинно мудром, со строгими принципами и решительным характером. Именно Лагарпу он был обязан всем тем, что было в нем хорошего, всем, что он знал, и в особенности – теми принципами правды и справедливости, которые он счастлив носить в своем сердце и которые были внушены ему Лагарпом».

Несколько раз во время прогулки они встречали Елизавету Алексеевну. «Великий князь сказал мне, что его жена была поверенной его мыслей, что она знала и разделяла его чувства, но что, кроме нее, я был первым и единственным лицом, после отъезда его воспитателя, с кем он осмелился говорить об этом; что чувства эти он не мог доверить никому без исключения, так как в России никто еще не был способен разделить или даже понять их...»

Чарторийский и Александр расстались с выражениями самой искренней дружбы и обещали друг другу видеться как можно чаще.

Князь Адам уходил пораженный, не понимая, что это было – сон или явь? «Я был во власти легко понятного обаяния; было столько чистоты, столько невинности, решимости, казавшейся непоколебимой, самоотверженности и возвышенности души в словах и поведении этого молодого князя, что он казался мне каким-то высшим существом, посланным на землю Провидением для счастья человечества и моей родины». Он был во власти мыслей, от которых

захватывало дух: здесь, в сердце вражеской страны, пользуясь дружбой с наследником содействовать освобождению Польши – какая невероятная, многообещающая перспектива!

После этой встречи не проходило дня, чтобы Чарторийский не бывал у великого князя. Императрица благосклонно взирала на это сближение внука со знатным заложником. Следуя старым традиционным представлениям о блестящей польской аристократии, она считала полезным привлечь на сторону Александра влиятельную семью.

Дружба молодых людей приобретала черты тайного франкмасонского союза, которого не чуждалась и Елизавета Алексеевна. По утрам гуляли пешком. Александр любил ходить, обозревая сельские виды, и тогда с особенным пылом отдавался любимым разговорам. Он делился с князем Адамом своей заветной мечтой – увидеть установление повсюду на земле республиканского правления и заявлял между прочим, что наследственная передача престола есть несправедливое и бессмысленное установление, что передача верховной власти должна зависеть не от случайностей рождения, а от голосования народа, который в состоянии выбрать себе наиболее способного правителя.

Чарторийский, слишком хорошо знавший историю своей родины, возражал, что именно отсутствие у польский королей права наследственной передачи трона погубило Польшу и что именно неограниченная самодержавная власть отдала все преимущества в борьбе Речи Посполитой с Россией – России. Но и зло можно заставить служить добру. Неограниченная воля просвещенного монарха открывает в России возможности таких широких либеральных реформ, которые невозможны ни в одной республиканской стране, где правительство должно считаться с мнением необразованной толпы.

Споры приобретали еще более жаркий характер, когда к гуляющим присоединился великий князь Константин. Он полностью разделял мнение отца о либерализме и республиках и приводил своим консерватизмом брата в такое бешенство, что однажды они подрались и, сжав друг друга далеко не в братских объятиях, покатались на землю.

Устав от политики, переходили к «красотам природы». Александр не мог пройти без восторга мимо полевого цветка или крестьянской избы, вид молодой бабы в нарядном платье вызывал в нем приятное получувственное, полуэстетическое волнение. Со вздохом он беспрестанно возвращался к своей мечте – сельские занятия, полевые работы, простая, спокойная, уединенная жизнь на какой-нибудь ферме, в уютном далеком уголке...

И вдруг, без всякого перехода, заговаривал о войсках, учениях, вахтпарадах и над полями разносилось одобрительное:

– Это по-нашему, по-гатчински!

«Блестящий век Екатерины» близился к концу. Империя все больше напоминала картину, написанную небрежными и размашистыми мазками, рассчитанную на дальнего зрителя. Вблизи глаз беспристрастного наблюдателя видел хаос, неурядицы и безнаказанные злоупотребления.

Осенью 1791 года по Петербургу разнеслась молва, что придворный банкир Сутерланд совершенно запутался в финансовых делах, вследствие того, что удерживал казенные деньги, поступавшие к нему для заграничных переводов. Императрица назначила следствие, но банкир покончил с собой, не дожидаясь его окончания.

Следствие обнаружило, что Сутерланд раздавал казенные средства взаймы: князь Потемкин, князь Вяземский, граф Безбородко, граф Остерман и многие другие вельможи получили таким образом до двух с половиной миллионов рублей. Львиная доля добычи – восемьсот тысяч рублей – досталась светлейшему.

Императрица извинила Потемкина «многими надобностями по службе и нередкими издержками» и приняла его долг «на счет государственного казначейства». Владелица «маленького хозяйства» – Российской империи, – платившая по пятьсот рублей за пять огурцов для любимца и выделявшая пятнадцать тысяч рублей в год на угли для щипцов придворного парикмахера, не могла сердиться на милого друга за такой пустяк, тем более, что она сама побуждала Потемкина жить на широкую ногу, чтобы пустить пыль в глаза иностранным послам.

Подобное отношение к казенным средствам было всеобщим. Бригадир граф П.А. Толстой, заведующий Выборгским комиссариатом, рассказывал, что при пожаре Выборгского замка с опасностью для жизни спас крупную сумму и на другой день представил ее «главнокомандующему», с которым был на дружеской ноге. Вместо благодарности за мужественный поступок бригадир услышал от начальника следующие слова:

– Ну что бы тебе стоило отложить себе миллиончик! Сошел бы за сгоревший, а награду получил бы все ту же.

Сановники, занимавшие самые ответственные посты, не стеснялись получать субсидии от иностранных дворов. Павел Петрович был убежден, что многие «сотрудники» матери подкуплены Венским двором и называл их имена вслух в беседе с герцогом Тосканским:

– Это князь Потемкин, секретарь императрицы граф Безбородко, Бакунин, графы Семен и Александр Воронцовы и Морков, который теперь посланником в Голландии. Я вам называю их, потому что буду очень рад, если узнают, что мне известно, кто они такие, и лишь только я буду иметь власть, я их высеку, разжалую и выгоню.

«Да посрамит небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства», – писала Екатерина в молодости. Сама она не только искренно желала блага России, но и была единственным государем после Петра I, кто понимал, в каком направлении следует двигаться. Но время и вязкое сопротивление, оказываемое колесам государственной телеги российской действительностью, гасили в ней былую энергию. Она с грустью сознавала это и в 1789 году говорила Храповицкому: «Старее ли я стала, что не могу найти ресурсов, или другая причина нынешним затруднениям?» В последние годы брожение умов, ею же вызванное, испугало ее саму и толкнуло на действия, недостойных ни ее ума, ни сана, вроде поступков с Новиковым и Радищевым. Оттолкнув от себя здоровые силы общества и убедившись в несбыточности своих преобразовательных планов, она утешала себя тем, что ее преемник будет следовать ее начинаниям и докончит «недостроенную храмину».

В 1794 году она сделала решительный шаг, объявив императорскому Совету, что намерена «устранить сына своего Павла от престола» по причине его «нрава и неспособности», в пользу великого князя Александра. Но к ее удивлению цесаревич нашел защитников в Совете. Граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин возразил, что после вступления на трон нрав наследника может измениться, а граф Безбородко обратил ее внимание на худые последствия, которые может повлечь это решение, так как страна, по его словам, привыкла считать Павла Петровича наследником. Совет нашел их доводы разумными. Раздосадованная Екатерина приостановила дело.

Последнее радостное событие в ее жизни – рождение великого князя Николая Павловича – ненадолго отвлекло ее от государственных забот. Младенец вызвал в ней восторг – императрица любила здоровых детей, а этот был просто великан.

Екатерина II – Гримму, 25 июня 1796 года, из Царского Села:

«Объявляю страсотерпцу, что сегодня в три часа утра мамаша родила крупнейшего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою первый раз вижу

такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Ему же через десять дней:

«Рыцарь Николай уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно просит есть. Я полагаю, что никогда осмидневный ребенок не пользовался таким угощением; это неслыханное дело. У нянек просто руки опускаются от удивления; если так будет продолжаться, то я полагаю, что придется по прошествии шести недель отнять его от груди. Он смотрит на всех во все глаза³³, голову держит прямо и поворачивает не хуже моего».

Затем она взялась за вопрос о престолонаследии с другой стороны. Пользуясь тем, что Павел Петрович уехал в Павловск, оставив жену в Царском Селе, она предложила Марии Федоровне подписать бумагу, содержащую требование к цесаревичу отречься от престола. Великая княгиня с возмущением отказалась.

Дело вновь зашло в тупик, но вскоре последовало событие, которое заставило императрицу лично переговорить с Александром.

13 августа 1796 года в Петербург прибыл под именем графа Гаги молодой шведский король Густав IV. Его сопровождал дядя-регент герцог Зюдерманландский и многочисленная свита. Целью визита было устройство брака Густава IV со старшей великой княжной Александрой Павловной.

В ожидании приезда жениха императрица приказала великим княжнам и фрейлинам усовершенствоваться во французской кадрили, которая была в моде при стокгольмском дворе. Чтобы не ударить в грязь лицом перед королем, считавшимся самым блестящим женихом Европы, весь двор целыми днями занимался только этим.

Гость был принят императрицей с изысканной любезностью. Темно-синие шведские костюмы, напоминавшие древне-испанские камзолы, красиво смотрелись на балах. Великие княжны танцевали только со шведами. Пожалуй, никогда при петербургском дворе не оказывалось столько внимания иностранцам.

Король был принят великой княжной Александрой Павловной, как будущий жених. Все формальности поручили уладить графу Моркову.

11 сентября должно было состояться обручение. В этот день в большой придворной церкви Зимнего дворца собралось все высшее петербургское общество во главе с императрицей и митрополитом Гавриилом, который должен был совершить обряд обручения. Ждали жениха, но он все не появлялся. Прошел час, другой, третий... Недоумение публики все возрастало. Наконец, на исходе четвертого часа ожидания, Зубов подошел к императрице и прошептал, что шведский король отказался от своего намерения жениться на великой княжне.

Виной всему было легкомыслие Моркова. Он довольствовался устными обещаниями короля и его дяди и не позаботился перенести условия брачного договора на бумагу и скрепить их подписями обеих сторон. Поэтому, когда выяснилось, что великой княжне не разрешено переменить православие на веру жениха, Густав IV, рьяный лютеранин, отказался иметь жену-еретичку.

После слов Зубова с Екатериной сделался первый легкий припадок паралича. Однако она нашла в себе силы попросить извинения у митрополита Гавриила и всех присутствующих и приказала всем разойтись. Все же удар был слишком силен. На другой день она призналась, что ночь с 27 на 28 июня 1762 года (перед свержением Петра III) была ничто по сравнению с нынешней.

³³ Об этих глазах Николая I Герцен позже напишет: "Глаза без всякого милосердия, зимние глаза".

Петербург погрузился в угрюмое молчание. Шведами демонстративно манкировали. Все были изумлены тем, что произошло. Русские, привыкшие при Екатерине считать себя первыми людьми в Европе, не могли себе представить, что «маленький королек» осмелился так неуважительно поступить с самодержавной государыней всея России. Ждали немедленного объявления войны, но никаких демаршей не последовало. Выдержав приличную паузу, шведы тихо уехали.

Александр вместе со всеми был возмущен оскорблением, нанесенным его сестре. Довольная тем, что внук разделяет ее негодование, Екатерина решила использовать момент для ускорения передачи ему власти.

16 сентября, оправившись от потрясения, но уже не покидая спальни, она вызвала Александра к себе и впервые откровенно высказала внуку свои соображения о необходимости государственного переворота. Подробности беседы остались неизвестны. Единственным документом, позволяющим судить о реакции великого князя на предложение занять престол, является его письмо к бабке от 24 сентября:

«Ваше Императорское Величество! Я никогда не буду в состоянии достойно выразить свою благодарность за то доверие, которым Ваше Величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, с которой изволили дать собственноручные пояснения к остальным бумагам³⁴. Я надеюсь, что Ваше Величество, судя по усердию моему заслужить неоцененное благоволение ваше, убедитесь, что я вполне чувствую все значение оказанной милости. Действительно, даже своей кровью я не в состоянии отплатить за все то, что Вы соблаговолили уже и еще желаете сделать для меня. Эти бумаги с полной очевидностью подтверждают все соображения, которые Вашему Величеству благоугодно было сообщить мне и которые, если мне позволено будет высказать это, как нельзя более справедливы. Еще раз повергая к стопам Вашего Императорского Величества чувства моей живейшей благодарности, осмеливаюсь быть с глубочайшим благоговением и самой неизменной преданностью

Вашего Императорского Величества всенижайший, всепокорнейший
подданный и внук
Александр».

Это письмо – образец придворной дипломатии – написано девятнадцатилетним молодым человеком. Что можно понять из него? То, что Александр одобряет все те соображения, которые ему представила бабка, но при этом письмо не содержит и намека на его *личное* отношение к ее доводам. Екатерина вольна была понимать слова внука, как ей вздумается, и она поняла их так, как ей хотелось. После беседы с Александром она удовлетворенно сказала своему окружению:

– Я оставляю России дар бесценный – Россия будет счастлива под Александром.

Однако существует и другой документ – письмо Александра Аракчееву, помеченное 23 сентября, то есть днем, предшествующим отправке письма к Екатерине. В нем великий князь называет отца «Его Императорское Величество», а не «Высочество», и это, конечно, не описка. Возможно, подозрительный Павел заранее привел к присяге своего старшего сына. Один современник передает также, что слышал от Александра следующие слова:

– Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости. Мы с женой спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, и про нас больше не услышат.

³⁴ По-видимому, Екатерина не ограничилась разговором и послала Александру своеобразный отчет о положении дел в империи, в котором был дан неблагоприятный политический прогноз в случае, если престол перейдет к Павлу Петровичу.

Как бы то ни было, Екатерина, уверенная в согласии внука, готовилась принародно объявить свое решение. Осенью в Петербурге распространились слухи, что 24 ноября, в день тезоименитства императрицы (называли также и 1 января нового года), последуют важные перемены. Говорили о якобы заготовленном манифесте, подписанном важнейшими лицами империи: Зубовым, Безбородко, митрополитом Гавриилом, Румянцевым, Суворовым и др. Нельзя сказать, что Павлу очень сочувствовали, лишь некоторые из россиян, по словам очевидца, желали видеть его на престоле, «не ведая сами ради чего».

Очевидно, если бы императрица дожила до следующего года, верноподданные увидели бы Александра на российском престоле на пять лет раньше, чем это произошло в действительности. Но судьба в этот раз избавила его от необходимости выбора между государственной пользой и сыновним чувством.

Утром 5 ноября, несмотря на холод и туман, Александр вышел на привычную прогулку по набережной. Здесь он встретил князя Константина Чарторийского и, беседуя с ним, довел его до дома. Князь Адам, живший вместе с братом, увидев в окно великого князя, спустился вниз и присоединился к разговору.

Вдруг Александра окликнул запыхавшийся придворный курьер, сбившийся с ног в его поисках. Он сообщил, что граф Н.И. Салтыков просит его как можно скорее явиться во дворец. Великий князь в недоумении последовал за курьером.

В Зимнем Александр узнал, что с императрицей случился апоплексический удар. У нее уже давно опухли ноги, но она не выполняла ни одного предписания врачей, которым не верила, и употребляла народные средства, рекомендуемые ее служанками. Унижение, испытанное ею в истории с женитьбой Густава IV, стало последним ударом, который она уже не перенесла. Она проснулась, как всегда, в шесть утра, и пошла в уборную. Через довольно длительный промежуток времени дежурный камердинер, обеспокоенный тем, что государыня долго не выходит, рискнул приоткрыть дверь и в ужасе отпрянул: императрица без чувств лежала на полу, грудь ее хрипела, «как останавливающаяся машина». Ее перенесли на кровать, прислуга принялась хлопотала вокруг нее. При появлении в комнате верного Захара, придворного истопника, Екатерина приоткрыла глаза, поднесла руку к сердцу, выражая на лице мучительную боль, и впала в беспамятство – теперь уже навсегда.

Узнав о несчастье, Александр первым делом подумал об отце. Вызвав Ростопчина, он попросил его немедленно ехать в Гатчину, прибавив, что хотя граф Николай Зубов и послан туда братом, но Ростопчин лучше сумеет от него, Александра, имени рассказать о внезапной болезни императрицы.

Павел Петрович проводил этот день обычным образом: утром катался на санях, потом вышел на плац и прошел с дежурным батальоном в манеж, где произвел учение и принял вахт-парад; в первом часу отправился на гатчинскую мельницу к обеденному столу и возвратился во дворец без четверти четыре.

В это время приехал граф Николай Зубов. Когда цесаревичу доложили о срочном курьере из Петербурга, он в испуге сказал жене:

– Дорогая, мы пропали!

Наследник подумал, что Зубов приехал арестовать его и отвезти в замок Лоде – о таком исходе противостояния Павла Петровича и Екатерины давно поговаривали при дворе. Когда же он узнал об истинной причине визита брата фаворита, он пришел в такое волнение, что его любимец, граф Кутайсов, уже собирался позвать врачей, чтобы они пустили ему кровь.

Буквально через несколько минут в комнату вошел Ростопчин. Цесаревич встретил его радостным возгласом:

– А, это вы, мой дорогой Ростопчин! – и стал расспрашивать в подробностях о прошедшем.

Затем, как повествует камер-фурьерский журнал, «без малейшего упущения времени их императорские высочества соизволили из Гатчины отсутствовать в карете в Санкт-Петербург, ровно в четыре часа пополудни». Павел спешил напомнить всем о своем существовании – всего четверть часа понадобилось ему на сборы!

На пути в столицу цесаревич поминутно встречал курьеров, спешивших к нему с важным известием; он оставлял их при себе, и они составили предлинную свиту его кареты. По словам Ростопчина, в Петербурге не осталось ни одной души, кто бы не отправил нарочного в Гатчину, надеясь этим заслужить милость наследника. Даже придворный повар с рыбным подрядчиком, скинувшись, наняли курьера и послали его к Павлу.

Проехав Чесменский дворец, Павел остановил карету и вышел на воздух. Только теперь он в полной мере осознал значение случившегося и стоял, задумавшись, быть может, опасаясь ехать дальше. Был тихий, светлый вечер, луна скользила за облаками. Стояла глубокая тишина. Ростопчин, вышедший из кареты вслед за Павлом, подошел к нему и увидел, что цесаревич смотрит на луну и по щекам его текут слезы. Под впечатлением важности момента Ростопчин забылся и, схватив наследника за руку, произнес по-французски:

– Ах, Ваше Высочество, какая минута для вас!

Павел обернулся и крепко пожал ему руку:

– Надеюсь, мой дорогой, надеюсь, – сказал он также на французском языке. – Я прожил сорок два года. Господь меня укреплял. Может быть, Он придал мне силу и разум, нужные чтобы вынести положение, которое Он мне предназначил. Всецело полагаюсь на его доброту.

В девятом часу вечера Павел Петрович приехал в Зимний дворец, битком набитый людьми. Все со страхом смотрели на Павла, имея, говоря словами современника, только одно на уме: что теперь настанет пора, когда и подышать свободно не удастся.

Великие князья Александр и Константин встретили отца в мундирах своих гатчинских батальонов. Они обратились к нему уже как к государю, а не наследнику.

Павел с женой тотчас прошел к умирающей матери. Камер-фурьерский журнал, описывая это свидание, впадает в несвойственный ему лиризм: «Очи высочайших особ видели наипоразительнейшее зрелище. Его императорское высочество свою мать нашел в страдании болезни, лишённую всяких чувств. Кого сие не тронет? Сыновняя горячность и чувствительность не возмогла вынести сей болезненной скорби, возродила чувства темные сетования; их высочества пали перед лицом ея, лобызали руки! Трогательно сие поражило чувства у всех окружающих».

Поговорив с врачами, наследник уединился с Александром в кабинете и вызвал к себе Аракчеева, только что приехавшего из Гатчины. Когда гатчинский губернатор явился, Павел стал отдавать ему приказы по армии. Аракчеев был поражен размахом преобразовательных планов.

– Но Ваше Величество, – осмелился возразить он, – каких же сумм потребует подобное увеличение и содержание одной только гвардии?

– Успокойся, – ответил Павел, – не забывай, что теперь у нас будет не тридцать тысяч, а семьдесят миллионов.

Отдав все распоряжения, которые считал необходимым сделать, новый государь сказал:

– Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде.

И подозвав Александра, соединил их руки:

– Будьте друзьями и помогайте мне.

Великий князь, увидев, что мундир Аракчеева забрызган грязью от быстрой езды, обратился к нему:

– Ты, верно, второпях не взял чистого белья, так я дам тебе.

Он повел его к себе и выдал собственную рубашку. В этой рубашке Аракчеев, согласно его желанию, спустя тридцать восемь лет и был похоронен.

В 1826 году Аракчеев рассказывал в Киеве И.В. Мартосом, что в эту ночь Павел отдал ему еще одно, тайное, поручение, а именно – следить за Александром, как за бабушкиным баловнем, и доносить о каждом его шаге. Алексей Андреевич уверял Мартоса, что просил государя избрать для этой цели кого-нибудь другого, так как он, Аракчеев, не может позволить себе быть орудием несогласия между отцом и сыном. Выслушав его, Павел махнул рукой. Тем это поручение, по его словам, и окончилось. Этому рассказу можно верить – Аракчеев, при его собачьей преданности, конечно, не мог клеветать на Павла.

Видимо, в эту ночь на 6 ноября все бумаги об отстранении Павла от престола перешли при помощи Безбородко и Платона Зубова в руки наследника. Во всяком случае, камер-фурьерский журнал свидетельствует, что еще до смерти императрицы Павел приказал опечатать все ее бумаги и «сам начав собирать оные прежде всех».

Екатерина боролась со смертью еще тридцать шесть часов, ее страдания не прекращались ни на минуту. Вечером 6 ноября, без четверти десять она умерла, не приходя в сознание. Ей было от роду 67 лет, 6 месяцев и 15 дней.

Бог не судил ей увидеть предательство ее любимого внука, который, узнав о смерти бабки, довольно заявил, что теперь, слава Богу, ему не придется впредь «слушаться старой бабы».

Когда-то давно, еще в пору малолетства Александра, императрица распорядилась построить между Павловском и Царским Селом дачу для великого князя. Внук принял живейшее участие в планировке сада, в тенистых аллеях которого намеревался наслаждаться беседами с Лагарпом.

По мысли Александра сад должен был служить как бы живой иллюстрацией к сказке о царевиче Хлоре.

На крутом берегу реки вырос дом, рядом с ним находился шатер с золоченым верхом. От дома уходила прямая аллея, усаженная цветами. Она переходила в дорогу, ведущую через мост, украшенный трофеями, – по полю, на котором возвышался расписанный павильон; за павильоном стояла хижина, а напротив – каменная глыба с надписью: «Храни златые камни» – символ «незыблемой основы благосостояния России при Екатерине II», то есть ее *Наказа*³⁵. Рядом с хижинкой находился храм Цереры, за ним – водный ключ, посвященный Марии Федоровне, и пещера нимфы Эгерии – легендарной возлюбленной и мудрой советчицы римского царя Нумы Помпилия. Здесь вновь начиналась длинная аллея, которая упиралась в высокий холм, где стоял «храм Розы без шипов», с круглым куполом, поддерживаемым семью колоннами. Посреди храма был воздвигнут алтарь с урной «розы без шипов». Плафон был расписан фресками, изображавшими Петра Великого, смотрящего с небес на блаженство России, которая, в окружении символов богатства, наук и промышленности, опиралась на щит с изображением Фелицы. Чуть далее помещался орел, ломавший когтями рога месяца, трофеи и два ангела с крестом. У подножия храма блестело на солнце озерцо, по которому плавала миниатюрная флотилия.

Подрастая, Александр стал все реже посещать этот прелестный уголок, носивший название Александровой дачи. Затем для него наступил период полного забвения, олицетворявший чувства великого князя к бабке. Постепенно великолепный сад заглох, штукатурка и обли-

³⁵ "Наказ" Комиссии уложения (1767) – свод политических идей Екатерины, содержал просветительские принципы преобразования практически всех сторон тогдашней русской жизни.

цовка храмов осыпалась, озерцо высохло, павильоны заросли кустарником. К концу правления Александра время почти разрушило постройки и только где-то в глуши еще долго сохранялись печальные руины «храма Розы без шипов».

Часть вторая

ОТЦОВСКАЯ КАЗАРМА

Характер века – saute!³⁶

Спиноза

I

Взгляну – и каждый подданный трепещет.

Шекспир «Король Лир», акт IV, сцена 6 (пер. М. Кузьмина)

Как только врачи объявили о смерти императрицы, Павел, не теряя ни минуты, отдал приказ о приведении двора к присяге. Церемония началась в полночь в придворной церкви. Сначала генерал-прокурор граф Самойлов зачитал манифест о кончине императрицы Екатерины II и вступлении на престол императора Павла Петровича; наследником престола объявлялся цесаревич Александр. Затем приступили к присяге. Первой на верность государю и супругу присягнула Мария Федоровна. Поцеловав крест и Евангелие, она прошла на свое императорское место, обняла Павла и поцеловала в губы и глаза. Вслед за ней, по старшинству, присягали дети государя, – они целовали отцу руку, – потом митрополит Гавриил и духовенство, за ними – сановники и прочие. Все закончилось глубокой ночью панихидой у тела покойной императрицы.

Под утро, по распоряжению государя, Александр в сопровождении Аракчеева и двух офицеров, расставил у дворца новые полосатые будки и часовых в гатчинских мундирах. Преобразование России в Гатчину началось.

По единодушному свидетельству очевидцев, никогда еще не было столь быстрой перемены во всем. Все изменилось «быстрее, чем в один день»: костюмы, прически, манеры, занятия. Первой пала французская, то есть, по мнению Павла, «революционная», мода. Выйдя наутро на прогулку, петербуржцы не узнали сами себя. Воротники и галстуки, прежде такие пышные, что закрывали подбородок, уменьшились и укоротились, обнажив тонкие шеи и выдающиеся вперед челюсти, которых раньше не было видно. Волосы вместо модной прически на французский лад (их завивали и закалывали сзади) стали зачесывать прямо и гладко, с двумя туго завитыми локонами над ушами, на прусский манер, связывая сзади, у самого корня, в пучок; обильно напوماженные и напудренные, они напоминали «наштукатуренную стену». Щеголи в изящных расстегнутых камзолах преобразились в скучных добропорядочных юношей в наглухо застегнутых костюмах прусского покроя, времен Фридриха II.

Немногие смельчаки, продолжавшие гулять в крамольных круглых шляпах и широких двубортных кафтанах, возвратились домой оборванными: полиция беспощадно раздирала запрещенные платья и срывала с голов шляпы. Даже английский посланник лорд Уитворт предусмотрительно перекроил свою круглую шляпу, опасаясь служебного рвения полицейских.

Император, выехавший с Александром в девятом часу из дворца для осмотра города, с удовлетворением взирал на онемечившихся подданных. При встрече с государем каждый экипаж должен был остановиться: кучер, фореитор и лакей обязаны были снять шапки, а владелец – выйти и сделать глубокий поклон царю, внимательно наблюдавшему, достаточно ли почтительно он выполнен (Павлу казалось, что им пренебрегают, как и в бытность его наслед-

³⁶ Осторожно (лат.).

ником). Поэтому встреч с ним старались всеми средствами избегать – сворачивали в прилегающие улицы, прятались в подворотни. Еще более неприятной была встреча с обер-полицмейстером Архаровым, который следил за исполнением государевых указов. Если экипаж по русскому обычаю ехал слишком быстро, что было строжайше запрещено, Архаров останавливал его, избивал палкой кучера и надолго забирал карету или сани в личное пользование, а удрученный седок шел дальше пешком.

В одиннадцатом часу Павел принял первый вахтпарад, который с тех пор приобрел значение государственного дела и на несколько десятилетий сделался ежедневным занятием русских государей. Отныне на вахтпараде происходили самые важные события, здесь раздавались чины и награды, здесь подвергались опалам. В зависимости от хода вахтпарада Павел на весь остаток дня становился довольным или раздражительным, снисходительным и расточавшим милости, или строгим и даже ужасным.

В тот же день перед войсками был зачитан приказ о назначении Александра полковником Семеновского полка, а Аракчеева – комендантом Санкт-Петербурга и командующим Преображенского полка. 8 ноября Аракчеев был произведен из полковников в генерал-майоры и занял покой князя Платона Зубова. Павел сдержал данное ему слово, что сделает из него человека.

«Гатчинский капрал» сразу приступил к усмирению высокомерия екатерининских орлов. На ближайшем разводе гвардейцы услышали его гнусавый голос с первым обращенным к ним приветствием:

– Что же вы, ракалии, не маршируете? Вперед, марш!

Отношение Аракчеева к армии отлично характеризует следующий случай: при смотре Екатеринославского гренадерского полка, он назвал его славные знамена, не склонившиеся ни перед одним врагом, – «екатерининскими юбками»! Что должны были думать суворовские и румянцевские ветераны, слыша эти слова от человека, ни разу не бывавшего под выстрелами?

10 ноября гатчинские войска торжественно вступили в столицу. Для обоих великих князей это был беспокойный день: они должны были идти во главе гатчинцев и промаршировать перед императором. Их волновало то, как их встретят петербуржцы, плохо расположенные к этому войску, а главное – сумеют ли они угодить отцу. Однако все прошло благополучно. Публика была приятно поражена силой и ростом великанов-кавалергардов и отличным содержанием лошадей гатчинской кавалерии; Павел остался доволен внешним видом и линией строя своих гвардейцев. Выстроив их на дворцовой площади, он сказал:

– Благодарю вас, мои друзья, за верную службу и, в награду за онаю, вы поступаете в гвардию, а господа офицеры чин в чин.

Гатчинцев развели по домам петербуржцев, которые от страха приняли их так хорошо, что вечером этого дня во многих городских канавах можно было видеть мертвецки пьяных гренадер в остроконечных касках прусского образца.

Что касается гвардии, то она была потрясена. «С какою радостью великие князья увиделись со своими сослуживцами, – вспоминал гвардеец Е.Ф. Комаровский, – и с какою печалью мы должны были считать их своими товарищами. Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только без всякого воспитания, но многие из них развратного поведения; некоторые даже ходили по кабакам, так что гвардейские наши солдаты гнушались быть у них под командою».

Гатчинские казарменные порядки проникали повсюду. Пышный двор Екатерины в одни сутки превратился в огромную кордегарию. Казалось, писал А.С. Шишков, настал «иной век, иная жизнь, иное бытие». Гатчинцы заплонили Зимний, словно завоеватели; повсюду загремели шпоры, ботфорты, тесаки; люди, которых прежде никто не знал, теперь разгуливали хозяевами, распорядились, угрожали. Придворные в спешном порядке разучивали новый церемониал – сколько раз и каким образом каждый чин должны кланяться их величествам. Например, при целовании руки нужно было, сделав глубокий поклон, стать на одно колено и в этом поло-

жении приложиться долгим и, главное, отчетливым поцелуем к руке императора, который при этом целовал подошедшего в щеку; затем надлежало подойти с таким же коленопреклонением к императрице и потом удалиться, пятась задом и стараясь не наступить на ноги тем, кто толпились за спиной в ожидании своей очереди. Обер-церемонимейстер обращался с вельможами, как с рекрутами, которые еще не научились, с какой ноги следует начинать маршировать. Нововведения вызвали общий переполох, пока все не разучили хорошенько эти сложные маневры.

В дворцовой приемной царил невероятная суэта. Те, кого вызывали к императору, большей частью выходили от него с сияющими лицами, с красной или голубой лентой через плечо. В одну минуту делались неслыханные карьеры. Почти все прежние министры получили отставку. Трое оставшихся в живых участников переворота 1762 года чувствовали себя очень неуютно: гофмаршал князь Барятинский умирал от страха; генерал-губернатор Белоруссии Пассек бежал в ночь смерти Екатерины; один «граф Алехан» – Алексей Орлов – ходил твердой поступью и старался иметь спокойный вид.

Впрочем, несмотря на прежние воинственные заявления Павла, прежних кумиров не свергали, их просто отодвигали в сторону, прятали за ширму. Хотя Платону Зубову и пришлось очистить Зимний дворец, но для него за сто тысяч рублей был куплен дом Мятлева; деньги были уплачены кабинетом его величества. Павел с женой, посетив новосела, сказал ему: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Когда подали шампанское, царь поднял бокал: «Сколько здесь капель, столько желаю тебе всего доброго!» Зубов кинулся ему в ноги, но был поднят милостивой рукой. За самоваром государь обратился к Марии Федоровне: «Разлей чай, ведь у него нет хозяйки». Однако долго чаевничать с новым императором бывшему фавориту не пришлось. Для расследования совершенных им злоупотреблений Павел создал специальную комиссию, и Зубов, не дожидаясь результатов ее работы, подал в отставку; позже он уехал за границу.

Вообще каждый новый день происходили события, одно удивительнее другого.

19 ноября тело Петра III было вынута из гробницы в Александро-Невской лавре и положено в великолепный катафалк. Затем Павел *короновал* своего беспечного родителя³⁷. 2 декабря останки покойного императора были поставлены в Зимнем рядом с телом покойной императрицы для прощания; 18-го они обрели вечный мир друг возле друга.

16 ноября Павел посетил в сопровождении Александра Мраморный дворец, где в нижнем этаже содержался пленный Костюшко, еще не оправившийся от раны. Мраморный дворец был выстроен Екатериной для Григория Орлова и ко времени пребывания там знаменитого вождя польского восстания на его фронтоне еще красовалась надпись: «Здание благодарности».

Павел начал беседу с того, что выразил сожаление участи героя, которой, по его словам, он давно сочувствовал, но не мог ничего сделать; теперь же он хочет вознаградить его за перенесенные лишения.

– Вы свободны! Я сам желал принести вам эту утешительную весть, – сказал император и, вынув свою шпагу, протянул ее Костюшко: – Такому храброму воину неприлично быть без шпаги. Вот, возьмите мою!

Растроганный Костюшко взволнованно ответил:

– Призываю Бога в свидетели, что пожалованной мне шпаги русского царя я никогда не обнажу против русских³⁸.

Царь предложил ему чин офицера русской армии, но Костюшко с благодарностью отклонил эту милость и попросил позволить ему удалиться в Америку. Павел не только дал свое согласие отпустить пленника, но и пожаловал ему огромное состояние в тысячу душ, которое, однако, по просьбе Костюшко, было заменено деньгами. Ему было выдано из кабинета его

³⁷ Петр III не спешил с коронацией, несмотря на уговоры своего союзника Фридриха II, что облегчило Екатерине низложение мужа.

³⁸ Костюшко сдержал свое слово, и ни в 1806, ни в 1812 году не присоединился к полякам, сражавшимся против России в наполеоновских войсках.

величества шестьдесят тысяч рублей, не считая тысяча шестьсот сорока одного рубля тридцати копеек «за купленные для генерал-поручика Костюшки разные вещи, одежду и карету».

Александр, наблюдавший за этой сценой, так расчувствовался, что при прощании со слезами на глазах несколько раз обнял Костюшко.

Царь лично посетил также другого пленного польского вождя, Игнатия Потоцкого и сказал:

– Вы долго подвергались преследованиям, но в последнее царствование все честные люди подвергались подобной участи, и я первый. Мои министры решительно противились вашему освобождению, я один держался противного мнения. Господа министры желают водить меня за нос, но, к несчастью, у меня его нет! – Сказав это, Павел улыбнулся и продолжил: – Обещайте мне оставаться спокойным! Рассудок должен указать вам на эту необходимость. Новые попытки могут только навлечь на вас новые несчастья. Я всегда был против раздела Польши, признавая это несправедливым и неполитичным делом, но теперь это совершившийся факт. Для восстановления Польши необходимы содействие и согласие со стороны трех держав на возвращение отобранных частей. Но представляется ли вероятным, чтобы Австрия и в особенности прусский король отдали свои доли? Не могу же я один отдать принадлежащую мне часть и ослабить себя в то самое время, когда они усилились? Это невозможно. Еще менее мне одному возможно объявить им войну, чтобы принудить их восстановить Польшу. Империя моя нуждается в мире. Итак, вы видите, что вам следует подчиниться обстоятельствам и оставаться спокойным.

Тронутый откровенными словами Павла, Потоцкий чистосердечно дал требуемое обещание.

8 декабря все пленные поляки были отпущены и покинули Петербург.

После отъезда Костюшко Мраморный дворец занял отрекшийся польский король Станислав-Август, живший до этого в Гродно. Во время его переезда в Петербург произошло одно в общем-то незначительное событие, имевшее, однако, далеко идущие последствия. В Риге Станиславу-Августу была приготовлена торжественная встреча: на улицах расставлена почетная стража из именитых горожан, в одном из лучших домов приготовлен парадный обед. Но все почести достались не польскому королю, опоздавшему к назначенному дню, а Платону Зубову, ехавшему через Ригу за границу.

Как выяснилось, виной всему было высокомерие лифляндских баронов, не желавших чествовать развенчанного поляка. Царь, узнав об этом, пришел в сильнейший гнев. Барону Петру Александровичу фон дер Палену, распорядившемуся этой встречей, был послан грозный рескрипт: «Господин генерал-лейтенант Пален, с удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Зубова через Ригу. Из сего и я делаю сродное о свойстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмерно будет». Вслед за тем последовал указ о «выключении» Палена из службы. Пален, желавший преподать царю урок независимости немецкого дворянства, был глубоко оскорблен и унижен этой крутой мерой. Своим указом Павел приобрел смертельного врага и создал своего будущего убийцу.

Не были забыты и русские политические заключенные. Радищев был возвращен из ссылки с разрешением жить в деревне; Новикова освободили из Шлиссельбургской крепости.

Но вместе с тем, по словам современника, «корабль не грузился, а выгружался способными людьми». Суворов и многие другие заслуженные генералы попали в опалу. Офицеры находили воинскую службу под началом Аракчеева «преисполненной отчаяния»; на вахтпарад шли, как на Лобное место. Молодежь предпочитала канцелярию плачу. В предупреждение «такого самовольства дворян» Павел запретил им начинать службу иначе, как в военном звании (исключение было сделано только для коллегии иностранных дел).

Павел принял за подвиг «исцеления» России чересчур поспешно, всецело полагаясь на единственное средство – свою неограниченную власть. «Одно понятие: самодержавие, одно

желание: самодержавие неограниченное – были двигателями всех действий Павла, – писал барон М.А. Корф. – В его царствование Россия обратилась почти в Турцию». Уже давно самодержавие в России не проявлялось в такой грубой и вместе с тем простой и даже наивной форме. Как-то при Павле упомянули о законе. Царь ударил себя в грудь:

– Здесь ваш закон!

Павел чрезвычайно спешил с коронацией, чтобы не повторить ошибки отца. Против всех русских обычаев она была назначена на 5 апреля – царя не остановила даже весенняя распутица.

10 марта весь чиновный Петербург потянулся в первопрестольную. Стояли сильные холода, но вельможи состязались в том, кто быстрее доедет, и, укутанные в несколько шуб, немилосердно пихали кулаками и палками кучеров.

Александр выехал вслед за отцом на другой день. Он впервые пускался в столь далекое путешествие. Привыкнув к правильной геометрии северной столицы, он был поражен видом Москвы: она показалась ему скорее беспорядочной грудой посадов, чем городом. Различные ее части были отделены друг от друга не только садами, парками и огородами, но и обширными полями, – вспаханными или пребывающими в запустении (он с удивлением узнал, что визиты на другой конец города занимают здесь больше часа). Рядом с деревянными лачугами стояли пышные каменные дворцы Голицыных, Долгоруких и других опальных вельмож, искавших здесь отдохновения от испытанных при дворе разочарований. Возле Кремля купеческие ряды и лавки придавали Красной площади вид восточного базара.

28 марта, в Вербное воскресенье, состоялся торжественный въезд государя в Москву. Улицы были еще покрыты снегом и мороз был такой, что многих офицеров из свиты Павла, снимали с лошадей совершенно окоченевшими. Несмотря на это, верховые, скакавшие впереди, приказывали толпившимся людям снимать шапки и перчатки.

Павел ехал верхом один, чуть поодаль следовали Александр и Константин. Весь путь царь держал шляпу в руке и приветствовал ею толпу, которой чрезвычайно нравилось это. Впрочем, лица людей выражали скорее любопытство, чем радость. Гораздо больше оживления вызывало приветливое лицо и обаятельная внешность наследника.

Коронация состоялась в день Светлого Христова Воскресения. В Успенском соборе священнодействовали митрополиты Платон и Гавриил. И здесь не обошлось без новшеств. Вместе с Павлом была коронована и императрица Мария Федоровна, чего никогда не бывало прежде, а после обряда Павел зачитал акт, в котором впервые именовал себя «главою церкви».

Коронационные торжества продолжались несколько дней и сопровождалась раздачей чинов, орденов, казенных земель и крестьян. 82 тысячи свободных душ разом перешли в крепостное состояние. Основную часть пожалований получил теперь уже не граф, а князь Безбородко, вознагражденный таким образом за содействие в передаче Павлу бумаг о престолонаследии, – на его долю пришлось 30 тысяч десятин земли с 16 тысячами крестьян. Аракчеев был произведен в Александровские кавалеры и пожалован бароном.

Всем публичным церемониям предшествовали репетиции, во время которых Павел, как деятельный импресарио, сам занимался постановкой сцен. На людях он начинал идти размеренным шагом, словно герой античной трагедии, и старался придать величия своей маленькой фигурке; но едва он попадал в свои апартаменты, как тотчас приобретал свои обычные манеры и походку, выдавая этим усталость от напряжения казаться величественным и внушительным. Вообще праздники из-за строгой регламентации были совсем не веселы, а утомительны, и все радовались их окончанию.

Из Москвы царь в сопровождении великих князей отправился в путешествие по России, посетив Смоленск, Оршу, Могилев, Минск, Вильно, Митаву, Ригу и Нарву. Во время поездки он был большей частью доволен и весел. Лишь один случай разгневал его. В одной месте смоленской губернии, Павел заметил крестьян, чинивших по приказу помещика Храповицкого дорогу для проезда государя. Отправляясь в путешествие, царь отдал приказ, запрещающий восстанавливать специально ради него дороги, и теперь, прибыв на ближайшую станцию, стал громко возмущаться вопиющим ослушанием его распоряжения.

– Как вы думаете, Храповицкого надо наказать в пример другим? – спросил Павел свиту. Все подавленно молчали. Тогда царь обратился к Александру:

– Ваше высочество, напишите указ, чтобы Храповицкого *расстрелять*, – пусть народ знает, что вы дышите одним со мной воздухом.

Наследник, как громом пораженный, удалился в соседнюю комнату. Он совершенно растерялся и не знал, что делать – приказание было неслыханное. В это время он увидел, как к крыльцу подъехала карета отставшего князя Безбородко. Александр выбежал к нему и взволнованно стал упрашивать пойти успокоить отца. Выслушав наследника, князь кивнул: «Будьте благонадежны», – и вместе с ним направился к Павлу.

Царь, смутно сознавая, что сделал что-то не то, радостно обратился к Безбородко:

– Ну вот, Александр Андреевич, как вы думаете, хорошо ли я сделал, что приказал Храповицкого расстрелять?

– Достоительно и достохвально, государь, – как ни в чем не бывало ответил князь.

Александр и все остальные в изумлении уставились на него. Павел, облегченно вздохнув, сказал им:

– Вот видите, что говорит умный человек. А вы чего все испугались?

Но Безбородко, крикнув, продолжил:

– Только, государь, Храповицкого надо казнить по суду, чтобы все знали, что ослушника повеления государя карает закон. Следовательно, нужно послать указ Смоленской уголовной палате, чтобы она немедленно приехала в полном составе на место и вынесла свое определение.

Павел, подумав, согласился с этим и послал в Смоленск фельдъегеря. Члены уголовной палаты, предупрежденные Безбородко, что им следует быть чрезвычайно осторожными в своем решении (дабы не создать скандального и нежелательного прецедента), оправдали Храповицкого тем, что дороги были подмочены дождями и потому затеянные им дорожные работы не нарушали государева указа.

2 июня Павел и великие князья возвратились в Петербург.

II

Скажи, где цель и где моя награда
За тяжкий труд, что всю расхитил юность,
Опустошил мне сердце и коснетъ
В невежестве оставил пылкий дух?
Ведь этот лагерь – шум и брань солдат,
Сигнал горниста, ржание коней,
Размеренный порядок на ученьях,
Треск ружей, сабель звон, слова команды –
Что это все для жаждущего сердца?
Бездушное ничтожество! Но есть
Иное счастье, радости иные!

Шиллер «Пикколомини», действие I, явление IV (пер. Н. Славятинского)

В первые годы нового царствования Александр пользовался всеми официальными почестями, полагающимися ему, как наследнику, и полным доверием отца. Павел отпускал на содержание его двора 500 тысяч рублей (двор Елизаветы Алексеевны обходился еще в 150 тысяч). Помимо сана цесаревича Александр получил от отца должность военного губернатора Санкт-Петербурга, был назначен шефом лейб-гвардии Семеновского полка и исполнял обязанности инспектора по кавалерии и пехоте Санкт-Петербургской и Финляндской дивизий; с 1 января 1798 года он еще и председательствовал в военном департаменте, – «за труды его в благодарность», как сказано в высочайшем рескрипте, а в конце 1799 года был назначен сенатором и должен был присутствовать на заседаниях Императорского Совета.

Эти занятия и обязанности поглощали почти все его время. Ежедневно в семь часов утра (рабочий день Павла начинался в шесть, и весь чиновный Петербург должен был подстраиваться под этот распорядок) цесаревич подавал императору рапорт. При этом следовало отдавать отчет о мельчайших подробностях несения караульной службы прошедшей ночью. За малейшую ошибку в рапорте, незнание или, тем более, укрывание каких-то упущений по службе следовал такой разнос, что придворные часто видели, как великий князь покидал кабинет государя весь бледный, с трясущимися руками. Благорасположение и строгость Павла, смена его настроений были непредсказуемы, их нельзя было избежать, от них невозможно было укрыться; оставалось смириться и трепетать. Отца Александр боялся смертельно – до той степени ужаса, который уже граничит с любовью к карающей руке. Вместо того, чтобы оказывать покровительство другим, цесаревич вынужден был сам искать его у тех, кто имел влияние на царя, ибо Павел, этот грозный самодержец, на удивление легко поддавался влиянию более сильных или просто ловких натур.

К первым относился граф Федор Васильевич Ростопчин, потомок древней дворянской фамилии, ведущей происхождение от Чингиз-хана. Остроумный, порывистый до опрометчивости, получивший прекрасное европейское образование, но оставшийся в душе русским человеком, он заслужил полное доверие Павла тем, что находился в оппозиции екатерининскому двору, хотя эта оппозиция была вызвана не столько идейными соображениями, сколько строптивым характером Федора Васильевича, не привыкшего надолго жертвовать своей независимостью кому бы то ни было. Павел произвел его в генерал-адъютанты и поручил заведовать военным департаментом, а позже – иностранными делами.

Ко вторым принадлежал Иван Павлович Кутайсов. Это был безродный турчонок, попавший в русский плен при взятии Кутаиса. Красивый мальчик был отправлен вместе с прочими трофеями и пленниками в Петербург, где он обратил на себя внимание Екатерины, которая подарила его Павлу Петровичу. Турчонка крестили и дали фамилию его родного города. Цесаревич отослал его за границу учиться цирюльному и фельдшерскому искусствам, и затем оставил при себе в качестве камердинера. Очень смуглый, немного толстый, но чрезвычайно живой и расторопный Кутайсов пошел в гору с чисто восточной сноровкой. В начале царствования Павла его обязанности еще ограничивались тем, чтобы приносить царю чашку бульона во время воинских занятий. В своем утреннем лакейском наряде он напоминал Фигаро, однако уже тогда вельможи и генералы рабски-подобострастно кланялись ему и, если посчастливилось, с ласковой улыбкой пожимали ему руки. Менее чем через год он сделался обер-штальмейстером и графом, а затем чем дальше, тем больше удивлял общество, появляясь в нем в орденах – св. Анны, св. Александра Невского и, наконец, – св. Андрея Первозванного. Кажется, возвышая его, Павел желал показать некоторым кичливым титулованным особам, что чины и значение человека зависят от одной его, императора, милости.

Кутайсов вступил в борьбу за влияние на государя с фрейлиной Нелидовой, платонической возлюбленной Павла, и Марией Федоровной – и победил обеих с помощью Ростопчина. Тонкими намеками они дали понять царю, что он состоит под женской опекой, что эти две женщины управляют страной от его имени. Место Нелидовой заняла Лопухина, дочь бывшего

московского полицмейстера, о которой государю было сказано, что она совсем не честолюбива. Разрыву Павла с женой способствовало то, что в 1798 году, после трудных родов великого князя Михаила, врачи решительно заявили императрице, что продолжение супружеской жизни опасно для ее здоровья и самой жизни. С этих пор Павел спал в отдельной комнате и безжалостно покидал литературные вечера, которыми Мария Федоровна надеялась укрепить семейную жизнь, в самом их начале. Все должностные лица, связанные с партией императрицы, потеряли места и были высланы в Москву.

С этой поры несчастная подозрительность Павла усилилась сверх всякой меры. Стоило ему заподозрить, что поклон какого-нибудь придворного недостаточно почтителен, как он тут же усматривал в этом интриги, заговор и обрушивал на голову виновного самые суровые кары. (В отличие от других вспыльчивых людей, Павел после вспышки гнева не смягчался, а, напротив, считал назначенное наказание недостаточным и часто усиливал его: заменял приказ удалиться от двора распоряжением никогда больше здесь не появляться, ссылку в деревню – на ссылку в Сибирь и т. д.) Царю снова стало казаться, что его сыновья, и в первую очередь Александр, недостаточно преданы ему.

При таких обстоятельствах точное и неукоснительное исполнение наследником своих многочисленных служебных обязанностей сделалось в глазах Павла показателем его лояльности. В первую очередь это касалось военной службы. Неопытный и слабовольный Александр, к тому же близорукий и глуховатый, не мог, конечно, в одиночку справиться со сложными требованиями новых уставов; ему был необходим знающий, дельный помощник. И он легко нашел его. Таким советником и оберегателем Александра стал Аракчеев. По настоятельной просьбе наследника он с готовностью муштровал «хорошенько» вверенные Александру войска и не оставлял его своими советами. Вся их переписка этих лет свидетельствует об этом.

Александр – А.А. Аракчееву:

«Я получил бездну дел, из которых те, на которые я не знаю, какие делать решения, к тебе посылаю, почитая лучше спросить хорошего совета, нежели наделать вздору». – «Прости мне, друг мой, что я тебя беспокою, но я молод, и мне нужны весьма еще советы, итак я надеюсь, что ты ими меня не оставишь». – «Смотри, ради Бога, за семеновскими».

Малейшее нездоровье Аракчеева вызывало со стороны Александра бурные, хотя и не совсем бескорыстные излияния: «Друг мой, Алексей Андреевич, искренне сожалею, что ты нездоров, а особливо, что ты кровью харкал. Ради Бога, побереги себя, если не для себя, то, по крайней мере, для меня. Мне отменно приятно видеть твои расположения ко мне. Я думаю, что ты не сомневаешься в моем и знаешь, сколько я тебя люблю чистосердечно»; при каждой разлуке цесаревич «с отменным нетерпением» ожидал встречи: «Мне всегда грустно без тебя».

Все же и помощь многоопытного служаки не всегда спасала его от отцовского гнева. В одном письме 1797 года Александр доверительно сообщил Аракчееву, что думает об отставке. В другом письме он откровенно признается ему в своих мучениях: «Завтра у нас маневры. Бог, знает, как пойдет. Я сомневаюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. В проклятой фальшивой тревоге помял опять ту ногу, которая была уже помята в Москве и только что могу на лошади сидеть, а ходить способу нет; итак, я с постели на лошадь, а с лошади на постель».

Так начиналась и крепла эта странная дружба. В 1820 году Александр имел полное право написать Аракчееву: «Двадцать пять лет могли тебе доказать искреннюю мою привязанность к тебе, и что я не переменчив». Следует помнить, что великий князь сошелся с гатчинским капралом в период его жесточайших неистовств во фронте. Представление о них может дать история с подполковником Леном. Последний одно время состоял обер-квартирмейстером при Суворове и за блистательный подвиг был награжден георгиевским крестом. 29 января 1798 года во время строевых упражнении Аракчеев обругал его в таких оскорбительных выраже-

ниях, какие редко слышали от него даже солдаты. Лен, промолчав, остался в строю до конца занятий, но, придя домой, взял пару заряженных пистолетов и направился к дому Аракчеева. Не застав обидчика, он возвратился к себе на квартиру, где написал ему записку и застрелился. История эта наделала много шума. 2 февраля последовал высочайший указ об отставке Аракчеева от службы, однако с повышением в чине.

Аракчеев уехал в свое поместье Грузино. Здесь, в мае, он получил от Александра, который путешествовал в это время по России вместе с государем, ласковое письмо со словами утешения и ободрения:

«Любезный Алексей Андреевич! Подъезжая к Вышнему Волочку, душевно бы желал тебя увидеть и сказать тебе изустно, что я такой же тебе верный друг, как и прежде. Признаюсь, однакоже, что я виноват перед тобой и что давно к тебе не писал; но, ей-Богу, от того произошло, что я не имел минуты до сего времени и я надеюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы мог усумниться обо мне. Если ты сие сделал, то по чести согрешил и крайне меня обидел, но я надеюсь, что сего не было. Прощай, друг мой! Не забудь меня и пиши ко мне, чем ты меня крайне одолжишь. Так же поболее смотри за своим здоровьем, которое, я надеюсь, поправится; по крайней мере желаю оно от всего сердца и остаюсь навек твой верный друг».

Опала Аракчеева продолжалась недолго – вероятно, именно благодаря заступничеству «верного друга». Вскоре Павел смягчился, и 29 июля Александр смог сообщить Аракчееву о высочайшем вызове из Грузино в Петербург: «Друг мой, Алексей Андреевич! Я имею поручение от государя тебе написать, что он имеет нужду до тебя и чтобы ты приехал к нему. Я отменно радуюсь сему случаю, который мне причинит веселие тебя видеть, чего уже давно я желаю. Исполнив волю государя, не остается мне другого, как пожелать тебе от искреннего сердца здоровья и хорошего пути».

22 декабря Аракчеев вступил в прежнюю должность генерал-квартирмейстера; 4 января 1799 года он был назначен командиром гвардии артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии, а 5 мая пожалован графом. Его новый герб украсился собственноручной надписью Павла: «Без лести предан».

Но в том же 1799 году служебная карьера Аракчеева прервалась вторично. На этот раз повод к неудовольствию государя подал он сам.

В арсенале хранилась старая колесница для перевозки артиллерийского штандарта, обитая бархатом, с золотыми кистями и галуном. Однажды какой-то солдат незаметно от караула пролез в арсенал и отрезал галун и кисти. Аракчеев по званию инспектора всей артиллерии обязан был доложить об этом случае государю, но он попал в затруднительное положение. Дело было в том, что командиром того батальона, который нес в ту ночь караул, был его собственный брат. Выгораживая брата, Аракчеев, может быть, впервые поступился требованиями службы и доложил, что караул был от полка генерал-лейтенанта Вильде. Павел немедленно отправил ни в чем не повинного Вильде в отставку. Тот обратился за помощью к Кутайсову. Граф-цирюльник и граф-капрал не переносили друг друга; Аракчееву никогда не хватало духа сказать Кутайсову «вы», как тому – ответить ему на «ты». Кутайсов с радостью сообщил царю о проступке Аракчеева. Через несколько дней после этого происшествия в Гатчине был бал. Как только Павел увидел в зале приехавшего Аракчеева, он приказал Кутайсову передать ему приказание немедленно ехать домой. На следующий день Аракчеева ждала новая отставка, а генерала Вильде – возвращение на службу.

На вахтпараде 1 октября по этому случаю царил всеобщая радость. Александр подошел к генерал-майору П.А. Тучкову и довольно громко сказал:

- А слышал ты об Аракчееве и знаешь, кто вместо него назначен?
- Знаю, ваше высочество, Амбразанцев.

– Каков он?

– Он пожилой человек, может быть, не так знает фронтовую часть, но, говорят, добрый и честный человек.

– Ну, слава Богу! – воскликнул Александр. – Эти назначения настоящая лотерея, могли бы попасть опять на такого мерзавца, как Аракчеев.

Наверное, он бы чрезвычайно удивился, если кто-нибудь назвал его поведение предательским. Для него это был привычный с детства способ существования, и он не знал другого. Через две недели после разговора с Тучковым на плацу Александр написал опальному графу: «Я надеюсь, друг мой, что мне нужды нет при сем несчастном случае возобновить уверения о моей непрестанной дружбе; ты имел довольно опытов об оной и я уверен, что ты об ней и не сомневаешься. Поверь, что она никогда не переменится».

Напрасно было бы доискиваться, в каком случае Александр был искрещен: называя Аракчеева мерзавцем или уверяя его в своей дружбе. Надеваемые им личины уже давно стали подлинным его лицом, и те люди, которые знали Александра лишь по одной-двум маскам, никогда не могли понять, как с ними уживаются еще дюжина других.

Приблизительно тогда же цену его привязанности узнала и Елизавета Алексеевна. До сих пор их брак оставался бесплодным. Но 18 мая 1799 года Елизавета Алексеевна родила великую княжну Марию. Девочка оказалась слабой и прожила всего чуть больше года. 27 июля 1800 года она умерла в Царском Селе и была похоронена в Александро-Невской лавре.

Вместо того, чтобы поддержать жену в это трудное время, Александр совершенно удалился от нее. Причиной его охлаждения была не его собственная неприязнь, а гнев Павла на Баденского принца после обнародования его соглашения с Французской республикой. Баденские принцы в одну минуту лишились шефства в русских полках; переписка Елизаветы Алексеевны перлюстрировалась. Александр совершенно забросил жену, как всегда забрасывал вещи, идеи и людей, наскучивших ему или причинявших ненужные хлопоты.

Поглощенный своими обязанностями при дворе, на службе, Александр располагал собой только вечером, после обеда. Это время, несмотря на утомление, он проводил по-прежнему с молодым князем Чарторийским. Разговаривали о будущем России. Сбросив мундир, наследник становился горячим и искренним другом свободы. Деспотизм отца производил на него «сильное и тяжелое впечатление»; предстоящая ему самому коронация вызывала в нем отвращение и протест. «Его искренность, прямота, способность увлекаться прекрасными иллюзиями придавали ему обаятельность, перед которой было невозможно устоять», – вспоминал князь Адам, который и тридцать лет спустя сохранил уверенность, что «убеждения его были искренними, а не напускными».

Однажды (это было в 1797 году) Александр буквально заставил Чарторийского написать от его имени нечто вроде проекта манифеста – в предвидении того времени, когда власть перейдет к нему. Разъясняя в нем блага свободы и справедливости, Александр делал вывод о несовместимости с ними государственного порядка Российской империи и объявлял о своем решительном намерении сложить с себя власть, чтобы нация могла выбрать себе более достойного правителя. Иначе говоря, он желал издали наслаждаться плодами своего доброго дела.

Одновременно он делился этими же мыслями и с Лагарпом.

Александр – Лагарпу, 27 сентября 1797 года:

«Военные почти все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло совершилось. Наконец, чтоб сказать одним словом – благосостояние

государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь; прибавьте к этому строгость, лишённую малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей зависит от фаворитизма; заслуги здесь не при чем. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я сам обязан подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на исполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпровождение; я сделался теперь самым несчастным человеком.

Вам уже давно известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину. В настоящее время я не предвижу ни малейшей возможности к приведению их в исполнение, а затем и несчастное положение моего отечества заставляет меня придать своим мыслям иное направление. Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законодательной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль.

Я поделился ею с людьми просвещенными, с своей стороны много думавшими об этом. Всего-навсего нас только четверо, а именно: Новосильцов, граф Строганов, молодой князь Чарторийский, мой адъютант³⁹, выдающийся молодой человек, и я».

Как явствует из последних слов, тайный интимный кружок Александра и князя Чарторийского расширился. Произошло это стараниями князя Адама. Он был вхож в дом старого графа Александра Сергеевича Строганова и как бы вошел в его семью. Строганов питал слабость к европейцам и европеизму, а князь Адам был первым и обладал вторым. Большую часть жизни старый граф провел в Париже, бывал в обществе Гримма, Гольбаха, д'Аламбера, посещал литературные салоны известных дам эпохи Людовика XV. Как воспоминание о тех незабвенных временах, в нем до старости сохранилось вольномыслие, речь его была пересыпана анекдотами и остротами полувековой давности. Строганов являл собой весьма характерную для XVIII века смесь энциклопедиста и русского барина. Усвоив французский язык, французские мысли и приобретя французский ум, он сохранил русский нрав, горячий, но отходчивый, и русские привычки. У него было большое состояние, еще больше долгов, вместительный дом с изящной обстановкой, прекрасная картинная галерея, к которой он сам составил каталог, и множество челяди, в том числе немало лакеев-французов. Хозяйство велось по-барски беспорядочно и расточительно, его дом и стол были открыты для всех; граф знал, что слуги его обкрадывают и первый смеялся над этим. В то же время этот либерал был прирожденным придворным куртизаном, то есть хороший прием при дворе был ему необходим – не из-за честолюбия и расчета, а просто потому, что для него были непереносимы холодный вид и нахмуренные брови государя. Это качество обеспечило ему безбурное существование при трех столь непохожих друг на друга царствованиях: Екатерины, Павла и Александра.

³⁹ Павел назначил князя Адама Чарторийского адъютантом Александра, а его брата князя Константина – адъютантом великого князя Константина Павловича. Их обязанности сводились к тому, чтобы следовать за великими князьями во время парадов и стоять позади них, когда Павел на дворцовой площади обходил строй.

В доме Александра Сергеевича Чарторийский близко сошелся с его сыном графом Павлом Александровичем и с Николаем Николаевичем Новосильцовым, воспитанником и любимцем семьи, приходившемся Строгановым дальним родственником. Последний также уже успел оказать благодетелям важную услугу.

Старый граф желал воспитать сына во французском духе, для чего пригласил ему в гувернеры Жильбера Ромма, либерально-просвещенную личность с темным прошлым и, как оказалось, чересчур известным революционным будущим. Новый гувернер, поклонник Руссо, вознамерился сделать из своего воспитанника Эмиля. Отправившись с согласия старого графа в Париж с Павлом Александровичем, он по пути заставлял его идти пешком и выполнять все нравственно-гигиенические требования, предписанные Руссо молодым людям. В Париж они прибыли в самый разгар революции. Ромм немедленно предоставил своему ученику возможность принять участие в собраниях революционных клубов; вскоре они остановили свои симпатии на клубе якобинцев и некоторое время усердно посещали их собрания и заседания Национального собрания, о чем Ромм откровенно и наивно сообщал старому графу, почитателю свободомыслия и конституции. В 1790 году Ромм основал собственный клуб «Друзей закона», куда записал, конечно, и своего воспитанника. В это время Павел Александрович сошелся со знаменитой Теруан де Мерикур, без долгих раздумий и особых усилий поменявшей свое положение первой куртизанки Парижа на роль хозяйки революционного салона. Влюбленный Строганов разгуливал по улицам города в красном фригийском колпаке и готов был сделаться совершенным демагогом. Слухи о непотребном поведении молодого человека дошли наконец до Петербурга и «буря разразилась», как с прискорбием сообщил Ромму отец красного графа. Екатерина II приказал вернуть Павла Александровича под родительский кров. Спасать заблудшего Эмиля был послан Новосильцов, который в начале 1791 года благополучно доставил Павла Александровича в Петербург. Некоторое время молодой Строганов жил в деревне у матери (графиня Екатерина Петровна давно разошлась с мужем), затем императрица назначила остывшего якобинца камер-юнкером, а Павел сделал его действительным камергером. Тогда же Павел Александрович женился на умной и образованной княжне Софье Владимировне Голицыной. С годами он «прозрел» и остепенился, но революционное прошлое, конечно, оставило в нем свои следы: Павел Александрович продолжал сочувствовать свободе во всех проявлениях.

Услуга, оказанная Новосильцовым семье Строгановых, сделала его советчиком и почти распорядителем в доме. Николай Николаевич гордился своим независимым характером и тем, что поступает сообразно с раз навсегда принятыми взглядами. При Екатерине II он проявил свою независимость тем, что, участвуя во взятии Варшавы Суворовым, с негодованием отверг пожалованный ему императрицей орден св. Владимира, так как считал себя заслужившим Георгия; друзья едва уговорили его не отсылать награду обратно. Новосильцов согласился носить орден лишь после того, как к нему был добавлен бант, означавший, что орден получен за военные заслуги.

Николай Николаевич был умен, проницателен, усидчив в работе; последнему качеству, правда, мешала любовь к чувственным наслаждениям, однако, несмотря на частые позывы плоти и страстей, Новосильцов много читал, изучал состояние русской и европейской промышленности и приобретал знания в области политической экономии и законодательства. Ко всему этому добавлялось еще поверхностное философствование, чтобы показать, что он свободен от всяких предрассудков.

Дружба Новосильцова с Павлом Александровичем, по словам Чарторийского, носила отпечаток «справедливости, искренности, европейской просвещенности». Они часто расспрашивали князя Адама о цесаревиче и он осторожно передал им часть слышанных от него признаний. Вскоре после воцарения Павла Чарторийский рассказал о своих друзьях Александру, уверив его, что их убеждения совпадают с его убеждениями, что наследник может всецело

положиться на их чувства и скромность, что они были бы счастливы видеть его частным образом, дабы предложить свои услуги на будущее.

Сближение молодых людей, начавшееся в Петербурге, завершилось на коронационных торжествах в Москве. Они условились собираться в условленные дни и часы в каком-нибудь укромном месте.

Новосильцову поручили сделать вступительный доклад о целях и задачах будущих совещаний. Он перевел отрывок из одного французского сочинения, где даются советы некоему молодому князю, готовящемуся вступить на престол и желающему узнать, как лучше осчастливить свое государство. Александр прослушал записку с «вниманием и удовольствием»; Николай Николаевич писал изящным русским языком, стиль его был ясен и казался слушателям гармоничным. Наследник похвалил Новосильцова и уговаривал его окончить это произведение и отдать ему, чтобы он мог лучше обдумать содержащиеся в нем мысли и когда-нибудь осуществить их на практике. С этого дня Александр проникся к Строганову и Новосильцову тем же доверием, каким дарил князя Адама.

В июне 1798 года к четверке присоединился Виктор Павлович Кочубей, племянник князя Безбородко, друг юности Александра. Это сближение соответствовало и желанию Павла, который, отозвав Виктора Павловича из Константинополя, где он состоял на должности посланника, определил его к наследнику, «чтобы он был у великого князя то, что у меня князь Безбородко».

Помимо этого интимного кружка было еще двое молодых людей, которых Александр принимал у себя в качестве друзей, – князь Александр Николаевич Голицын и князь Петр Михайлович Волконский.

Голицын состоял при наследнике камер-юнкером. Его прозвали «маленький Голицын» – за небольшой рост. Он сумел понравиться Александру: его беседа была всегда забавна, он знал все городские сплетни и хорошо пародировал речь и манеры каждого, о ком говорил. (В отсутствии великого князя Голицын часто представлял Павла и так удачно, что «все начинали дрожать перед ним».) При Екатерине молодой камер-юнкер был страстным поклонником императрицы и не стесняясь говорил, что был бы счастлив, несмотря на ее годы, попасть в число ее любовников. В те годы он вообще был убежденным эпикурейцем, «позволявшим себе с расчетом и обдуманно всевозможные наслаждения, даже с весьма необычайными вариациями». Этим качеством во многом объясняется его последующий мистицизм.

Волконского сблизили с Александром служебные отношения: князь Петр Михайлович был адъютантом наследника в Семеновском гвардейском полку. Не обладая выдающимися способностями, он был очень точен и аккуратен в исполнении служебных обязанностей, что чрезвычайно ценилось Павлом и было совершенно необходимо Александру. Волконский неизменно пребывал в ровном расположении духа; его суждения были всегда благоразумны и он смело высказывал их даже тогда, когда они шли вразрез с мнением наследника. Охотно оказывая услуги другим, он в то же время не терпел, чтобы ему в них отказывали. Дружба с Александром обеспечила ему блестящую служебную карьеру.

Интимный кружок наследника просуществовал недолго. Ухудшение отношения Павла к старшему сыну сказалось и на его друзьях. Первым неудовольствие царя вызвал Новосильцов, остававшийся верным своему принципу независимости. На совещании молодых друзей наследника было решено отослать его в Англию – подальше от беды. Новосильцев был хорошо принят русским посланником в Лондоне графом Семеном Романовичем Воронцовым и возвратился в Россию только после кончины Павла Петровича.

За Новосильцовым пришла очередь Чарторийского. Республиканские взгляды адъютанта наследника пришлись не по вкусу царю и в 1798 году князь Адам получил назначение ехать на Сардинию в должности русского посланника при местном дворе. При расставании с другом Александр выразил искреннее сожаление, но Чарторийский заметил некоторую перемену,

произошедшую в великом князе и в его отношении к нему: «Он ближе узнал уже действительную жизнь, и она начала производить на него свое действие».

III

Ничто столь не чуждо государю, ничто не вызывает большей неприязни у окружающих, чем грубость и то, что называют своенравием.

Джованни Понтано «Государь»

Политику Павла, внешнюю и внутреннюю, часто называли непредсказуемой и произвольной. Действительно, на первый взгляд может показаться, что она целиком зависела от его минутной прихоти. Но прихоти Павла имели в своей основе старомодное чувство рыцарской чести, чуть ли не в средневековом его значении. Он желал быть монархом, чьи действия определяют не «интересы», не «польза», тем более не «воля народа», а исключительно высшие понятия чести и справедливости.

Именно эти соображения толкнули его на новую причуду – стать гроссмейстером ордена св. Иоанна Иерусалимского, или так называемого Мальтийского ордена. Впрочем некоторые придворные подозревали, что сюда примешалось и овладевшее Павлом страстное желание фигурировать перед Лопухиной в ореоле рыцарского героизма. (Он в самом деле смешивал свои любовные похождения с делами политики, – например, клал к ногам Лопухиной трофеи, добытые суворовскими войсками.) Как бы то ни было православный царь не увидел никакого затруднения в том, чтобы стать во главе самого католического из орденов.

Полномочный министр Мальтийского ордена при русском дворе граф де Литта и его брат, папский нунций, с радостью пошли навстречу желанию Павла. Орден переживал не лучшие времена. Его командорства в различных странах Европы были закрыты или конфискованы, сама Мальта находилась под угрозой захвата ее Францией или Англией. По воле Павла все изменилось: были восстановлены не только командорства ордена в Польше, но и появились новые – в самой России.

Зная слабость царя к различного рода церемониям, Литта специально для него составил по старинным обрядам ордена церемониал торжественного капитула, на котором должно было состояться посвящение новых рыцарей. 29 ноября 1798 года в Зимнем дворце капитул мальтийских рыцарей провозгласил царя своим новым гроссмейстером. Павел, Александр, Константин и все новые кавалеры ордена, в ознаменование присяги, воздели шляпы и обнажили шпаги, а знаменосцы расчехлили и подняли орденские знамена. В тот же день был обнародован манифест, в котором объявлялось о «новом заведении ордена св. Иоанна Иерусалимского в пользу благородного дворянства Империи Всероссийской», чтобы открыть для дворян «новый способ к поощрению честолюбия на распространение подвигов их, отечеству полезных и нам угодных». Обществу грозила серьезная опасность увидеть Аракчеева в трубадурах.

С этих пор Павел неоднократно появлялся на торжественных выходах в гроссмейстерской мантии, с крестом первого гроссмейстера ордена де ла Валетта на шее, который ему поспешили прислать из Рима. Он требовал, чтобы все относились к орденским обрядам с величайшей серьезностью и, воображая себя новым Баярдом, заставлял ставить в придворном театре пьесы из времен рыцарства. Придворные, посвященные в рыцари, должны были носить старинный орденский наряд: длинную мантию из черного бархата, с вышитыми на ней крестами. Этот театральный маскарад вызывал улыбки у всех, кроме Павла.

Единственным результатом заседаний гроссмейстерского капитула был брак графа Литты, освобожденного папой от обета безбрачия, с племянницей покойного Потемкина, графиней Скавронской, еще очень красивой женщиной, принесшей мужу богатое состояние и чин обер-камергера. А единственным политическим результатом мальтийских придворных забав

стал разрыв с Англией, захватившей Мальту и таким образом лишившей царственного грессмейстера его новых владений.

Одновременно с этим Павел рассорился и с Австрией, которая, вернув себе с помощью русских войск Италию, вовсе не горела желанием восстанавливать французский трон. Следствием этого нерыцарского поведения союзников стала радикальная перемена всей внешней политики России. Правда, царь так не считал. В разговоре с датским послом он сказал, что «политика его вот уже три года остается неизменной и связана со справедливостью там, где его величество полагает ее найти; долгое время он был того мнения, что справедливость находится на стороне противников Франции, правительство которой угрожало всем державам; теперь же в этой стране в скором времени водворится король, если не по имени, то по крайней мере, по существу, что изменит положение дела...» Не довольствуясь этим, Павел велел напечатать в русских газетах вызов всем тем монархам, которые не желают действовать с ним заодно, чтобы поединком разрешить несогласия. Секундантами царя должны были выступить граф Кутайсов, теперь и обер-шталмейстер мальтийского ордена, и барон фон Пален, восстановленный к тому времени на службе и назначенный губернатором Петербурга.

Следует отдать должное проницательности Павла: от него не укрылась подлинная сущность государственного переворота 18 брюмера 1799 года во Франции⁴⁰. Царь с симпатией взирал на молодого первого консула, чьи честолюбивые намерения оставались пока тайной для многих французозов.

Возмездием Англии за Мальту стало эмбарго, наложенное Павлом на английские суда и товары во всех российских портах. Одновременно царь приказал Ростопчину, фактически возглавлявшему коллегия иностранных дел, изложить свои мысли о политическом состоянии Европы. Ростопчин представил мемориал, не подозревая, по его словам, что этот документ не только произведет важные перемены в политике, но и послужит основанием новой политической системы. Павел продержал у себя этот документ два дня и возвратил автору с резолюцией: «Апробую ваш план во всем, желаю, чтобы вы приступили к исполнению оногo: дай Бог, чтоб по сему было!»

Главная мысль ростопчинского мемориала заключалась в тесном союзе с Францией (то есть с Наполеоном) для раздела Турции, что должно было уничтожить влияние Англии в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Предполагалось привлечь к разделу Австрию и Пруссию, соблазнив первую Боснией, Сербией и Валахией, а вторую – некоторыми северогерманскими землями, против присоединения которых остальные союзники не будут возражать в награду за участие в антианглийской коалиции. Россия, писал Ростопчин, может рассчитывать на Румынию, Болгарию и Молдавию, «а по времени греки и сами подойдут под скипетр российский». Эта мысль понравилась Павлу, и он приписал на полях: «А можно и подвесь!».

Об Англии Ростопчин отзывался крайне неодобрительно, говоря, что она «своей завистью, пронырством и богатством, была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции». В этом месте царь одобрил приписал: «Мастерски писано!», а там, где мемориал распространялся о том, что Англия вооружила против Франции «все державы», сокрушенно черкнул: «И нас грешных». Согласившись с мнением автора, что союз с Францией позволит соединить престолы Петра Великого и святого Константина, Павел тем не менее заключил: «А меня все-таки бранить станут».

Наполеон и сам искал союзника в борьбе против Англии и в свою очередь прозорливо угадал переменчивый нрав Павла. Демонстрируя свои добрые отношения к России, он приказал отпустить без всяких условий всех русских пленных, захваченных французскими вой-

⁴⁰ 18 брюмера (9 ноября) 1799 года Наполеон разогнал депутатов Законодательного корпуса и объявил об упразднении режима Директории. Власть перешла к Исполнительной консульской комиссии, состоявшей из трех консулов; Наполеон принял официальное звание первого консула.

сками в итальянско-швейцарскую кампанию 1799–1800 гг. В состоявшейся по этому поводу беседе с русским послом графом Спренгтпортемом первый консул особенно напирал на то, что *географическое положение* России и Франции обязывает обе страны жить в тесной дружбе. Помимо этого Наполеон послал Павлу собственноручное письмо, в котором заверял царя, что если тот пошлет к нему свое доверенное лицо с необходимыми полномочиями, то через двадцать четыре часа на материке и на морях водворится мир.

Поступок Наполеона с русскими пленными очаровал Павла. Он ответил письмом от 18 декабря 1799 года, отправленным вместе с полномочным послом Колычевым. В нем царь проявил верх великодушия и снисходительности. «Я не говорю и не хочу говорить ни о правах человека, ни об основных началах, установленных в каждой стране, – писал он. – Постараемся возвратить миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается».

Впрочем вслух Павел говорил иное. Однажды, разложив на своем столе карту Европы, он согнул ее надвое со словами:

– Только так мы можем быть друзьями.

Союз с Наполеоном был заключен. Цели, преследуемые им, гораздо более соответствовали интересам Франции, нежели России. Похвалив проницательность Павла относительно монархических намерений Наполеона, приходится признать, что сближение с первым консулом было политической близорукостью, крупной внешнеполитической ошибкой царя. Действуя заодно с ним против Англии, Павел косвенным образом способствовал укреплению власти Наполеона и росту влияния Франции в Европе, то есть в какой-то мере оказался ответственным и за Аустерлиц и за пожар Москвы.

Царь готовил Англии еще один сюрприз – он намеревался отобрать у нее Индию. Этот замысел вынашивался в строжайшем секрете, помимо самого Павла в него были посвящены всего несколько военных чиновников. В рескрипте атаману войска Донского генералу от кавалерии Орлову (январь 1801 года) приказывалось как можно быстрее выступить в поход; до Индии идти вам всего месяц, писал царь, зато «все богатство Индии будет нам за сию экспедицию наградой». В случае нужды Павел обещал послать вслед казакам пехоту, «но лучше кабы вы то одни сделали». При рескрипте прилагались карты маршрута до Хивы: «далее уже ваше дело достать сведения до заведений английских» (спустя несколько дней генеральный штаб все-таки обнаружил у себя карты Индии, которые и были посланы Орлову при втором рескрипте). Кроме того, прибавил Павел, «мимоходом утвердите Бухару, чтобы китайцам не досталась».

Это распоряжение Павла обычно относят к разряду исторических анекдотов. Но в то время планы военной экспедиции в английскую Индию посещали головы многих государственных деятелей и кондотьеров. Достаточно сказать, что египетский поход Наполеона был лишь подготовительным этапом для проникновения в Индию; первый консул готов был поддержать и это начинание царя, но Павел твердо решил пожать лавры единолично. Примерно тогда же французскому правительству было представлено на рассмотрение два проекта изгнания англичан из Индии. Автор одного из них для успешного исхода дела считал достаточным восьми судов с трехтысячным десантом. Конечно, этот проект выглядел авантюрой, но авантюрой не безнадежной. Военные силы англичан в Бенгалии состояли всего-навсего из двух тысяч солдат и тридцати тысяч сипаев – туземцев, обученных европейским приемам ведения войны, – чья верность британской короне была весьма сомнительна. Поэтому, посылая в Индию сорок донских полков (22 507 человек при 24 орудиях), Павел отнюдь не рисковал стать посмешищем всего света. Другое дело, что организация индийской экспедиции заставляла вспомнить времена Александра Македонского. Не имея ни военных магазинов в тылу, ни достаточных запасов, обреченное на долгий зимний путь по безлюдным степям, казачье войско таяло на глазах. Уже после переправы через Волгу, Орлов 27 февраля донес в Петербург, что «одних привели

в усталь, а других и вовсе лишились...» Вспомнив при этом о далеко не райском тропическом климате Индии, легко представить себе, что ждало несчастных донцов дальше!

Заговорщики, убившие Павла, а также те, кто так или иначе поддержал цареубийство, много писали об «исступленном безумии» и «кровожадности» царя. Согласно этой точке зрения никакого заговора в сущности и не было, просто горстка патриотов приняла необходимые меры, чтобы обезопасить общество от больного человека.

Между тем нет никаких данных, позволяющих считать Павла душевнобольным. Достоверно известно лишь то, что он страдал гастритом, сопровождавшимся сильными болями; эта болезнь была следствием чрезвычайной торопливости Павла в приеме пищи: за столом он спешил так же, как в своей государственной деятельности и глотал куски пищи, почти не жуя.

Допустимо говорить о горячей, вспыльчивой натуре Павла, его взвинченных нервах и дурном характере, окончательно испорченном окружавшей его с детства обстановкой. Даже близко знавшие его люди единогласно свидетельствовали о его несдержанности, раздражительности, внезапных припадках гнева, подозрительности, нетерпеливой требовательности, чрезмерной поспешности в принятии решений, страстных и подчас жестоких порывах. Но в то же время они отмечали, что в спокойном, ровном расположении духа Павел был «неспособен действовать бесчувственно или неблагородно». В обычной обстановке он вовсе не был мрачным, суровым человеком, мизантропом и сумасбродом. Гвардейский офицер Саблуков утверждал, что в основе его характера «лежало истинное великодушие и благородство, и, несмотря на то, что он был очень ревнив к власти, он презирал тех, кто раболепно подчинялся его воле, в ущерб правде и справедливости, и, наоборот, уважал людей, которые бесстрашно противились вспышкам его гнева, чтобы защитить невинного... Он был совершенным джентльменом, который знал, как надо обращаться с истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали к родовой или служебной аристократии; он знал в совершенстве языки: славянский, немецкий, французский, был хорошо знаком с историей, географией и математикой». Павел обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами, проявлял изрядную литературную начитанность, был склонен к шутке и веселью, тщательно оберегал достоинство своего сана, был строг в соблюдении государственной экономии и щедр при выдаче пенсий и наград, неутомимо преследовал лихоимство и неправосудие, ценил правду и ненавидел ложь и обман. К этому можно прибавить, что он был силен, ловок и великолепно держался в седле.

Многие его государственные распоряжения говорят о том, что Павел безошибочно видел зло и всеми мерами старался его искоренить. Наиболее ярко эта его черта проявилась в военных реформах. В екатерининской армии процветали произвол командиров, казнокрадство, жестокое обращение с нижними чинами, притеснения обывателей, несоблюдение строевых уставов (при Потемкине высшие офицеры растащили для личных, неармейских нужд целый рекрутский набор – 50 тысяч человек, то есть восьмую часть армии!). Борясь с этими злоупотреблениями, Павел учредил в армии институт инспекторов, урегулировал уставом телесные наказания, восстановил пошатнувшуюся дисциплину. Конечно, новая прусская форма была неудобна и даже вредила здоровью солдат (вспомним суворовское: «штиблеты: гной ногам»), но ее введение пресекло мотовство офицеров. При Екатерине офицер считал себя обязанным иметь шестерку или на худой конец четверку лошадей, новомодную карету, несколько мундиров, каждый стоимостью в 120 рублей, множество жилетов, шелковых чулок, шляп и проч., толпу слуг, егеря и гусара, облитого золотом или серебром. Новый павловский мундир стоил 22 рубля; шубы и дорогие муфты были запрещены, вместо этого зимние мундиры подбивались мехом, а под них надевались теплые фуфайки. (Кстати сказать, что во время царствования Александра I на гатчинскую форму продолжали нападать по привычке; мундиры, в которых

ходили победители Наполеона, были не менее нелепы: хотя Александр обрезал полы мундиров по пояс, зато поднял воротники по самые уши – и все не знали, как похвалить новую форму!) Кое-что из армейских нововведений Павла дожило до наших дней, например, одиночное обучение солдат.

В гражданской сфере деятельность Павла имела свои положительные результаты. Под воздействием царя Сенат разобрал 11 тысяч нерешенных дел, скопившихся за предыдущее царствование, чиновники подтянулись, секретари стали подписывать бумаги без взятки, все почувствовали, что они находятся не у себя в вотчине, а «на службе». Для укрепления финансов на площади перед Зимним дворцом было сожжено ассигнаций на сумму пять миллионов рублей, а пуды золотой и серебряной посуды переплавлены в звонкую монету; чтобы понизить цены на хлеб, была организована торговля из государственных запасов зерна. При Павле была налажена торговля с США, учреждено первое высшее медицинское училище; этот «кровожадный» государь не казнил ни одного человека.

Все это, конечно, мало походит на поступки повредившегося в уме человека. К несчастью, Павел не знал другого способа проведения своих решений в жизнь, кроме неограниченного самовластия. Желая сам быть своим первым и единственным министром, Павел вмешивался в мельчайшие подробности управления, привнося в работу и без того расшатанного государственного механизма свою вспыльчивость и свое нетерпение. Чиновники, привыкшие получать от царя личные распоряжения обо всем, боялись шагу ступить самостоятельно, а получив какой-нибудь приказ, со всем российским канцелярским рвением бросались бездумно исполнять его и из опасения не угодить требовательности государя проявляли такую строгость, что вызывали насмешки или ропот общества. Да и сам Павел, преследуемый мыслью о том, что он вступил на престол слишком поздно, что ему не успеть исправить все злоупотребления, проявлял ненужную торопливость. Давая больному лекарство, он не дожидался, когда оно окажет свое действие, а грозными окриками и пинками побуждал его скорее подняться с постели. В результате воздействие дисциплины на государственный механизм, которое при других условиях могло бы стать благотворным, было только внешним, внутри во всех государственных учреждениях господствовал хаос. А там где хаос, у людей возникает вполне понятное стремление вернуться к прежнему, пускай дурному, но привычному строю жизни.

Единоличное вмешательство Павла во все дела и желание привести их в соответствие с личными пристрастиями и вкусами приводили к появлению скандальных указов царя, вроде следующих. 8 февраля 1800 года умершему генералу Врангелю, в пример другим покойникам, был объявлен строжайший выговор. 18 апреля того же года последовал указ сенату: «Так как чрез вывозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные не были, без изъятия, в государство наше, *равномерно и музыку*». 12 мая было отдано, наверное, самое жестокое распоряжение царя: за упущения по службе штабс-капитана Кирпичникова лишить чинов и дворянства и записать навечно в рядовые с «прогнанием шпицрутенами тысячу раз».

Справедливости ради следует сказать, что панический страх перед Павлом испытывали только дворяне; простолюдины же глядели на строгость царя с одобрением, видя в ней некое возмездие благородному сословию. П.И. Полетика вспоминал, что как-то раз, увидев показавшегося на Невском Павла спрятался за оградой Исаакиевского собора. Когда царь ехал мимо, церковный сторож, не стесняясь присутствием «барина», довольно громко произнес:

– Вот наш Пугач едет!

– Как ты смеешь так отзываться о своем государе? – прикрикнул на него Полетика.

– А что, барин, – равнодушно и без всякого смущения отозвался мужик, – ты видно и сам так думаешь, раз прячешься от него.

«Отвечать было нечего»,— пишет Полетика. Дождавшись, когда Павел скрылся из глаз, он покинул свое укрытие и отправился дальше, радуясь избавлению от «опасной встречи».

Если подобным образом вели себя частные лица, то что же сказать о государственных служащих, особенно об офицерах, ежедневно рисковавших попасть под арест или заслужить еще более строгое наказание? Однажды Павел производил смотр конногвардейского полка, находившегося под начальством великого князя Константина. При въезде в манеж обыкновенно подавалась команда повернуть направо, но на этот раз царь неожиданно скомандовал повернуть налево. Первый и второй эскадроны, следовавшие за Павлом, расслышали команду и свернули в нужном направлении, но командир третьего эскадрона, который был еще на площади перед въездом в манеж, по привычке повернул направо. Тотчас раздался яростный крик царя:

– Непослушание? Снять его с лошади, оборвать его, дать ему сто палок!

Бедного офицера, по фамилии Милюков, стащили с седла и увели.

К счастью, эта история имела благополучный исход. За Милюкова вступился великий князь Константин. Никто лучше него не мог уловить перемены в настроении Павла. Улучив минуту, когда отец появился в мраморной зале Зимнего дворца со всеми признаками хорошего настроения, великий князь сделал несколько шагов к нему и опустился на колени.

– Государь и родитель! Дозвольте принести просьбу!

При слове «государь» Павел остановился и принял величественную осанку.

– Что, сударь, вам угодно?

– Государь и родитель! Вы обещали мне награду за итальянскую кампанию⁴¹, этой награды я еще не получил.

– Что вы желаете, ваше высочество?

– Государь и родитель, удостойте принять вновь на службу того офицера, который навлек на себя гнев вашего величества на смотру конногвардейского полка.

– Нельзя, сударь! Он был бит палками⁴².

– Виноват, государь, этого приказа вашего я не исполнил.

– Благодарю, ваше высочество,— улыбнулся Павел. – Милюков принимается на службу и повышается двумя чинами.

Конечно, не каждый даже невинный проступок заканчивался так счастливо. При Павле были сосланы в деревни и в места более отдаленные около 700 офицеров, еще более двух тысяч получили отставку. История с полком, который царь с плаца завернул в Сибирь, увы, тоже вполне достоверна.

В 1800 году общество уже было настроено против Павла. Однажды караульный офицер в Зимнем дворце допустил оплошность. Царь приказал Константину Чарторийскому передать виновному свой обычный в таких случаях комплимент, сказав, что он скотина. Выслушав князя, офицер презрительно ответил, что эта брань ему совершенно безразлична, так как исходит от человека, лишённого здравого смысла.

Заслужить гнев царя можно было не только погнавшись ему на глаза, но и находясь от него на безопасном расстоянии. Последнее случилось с Лагарпом, жившем в далекой Швейцарии.

Во время альпийского похода Суворова швейцарские газеты называли русского полководца безжалостным варваром, фанфароном и шарлатаном, а русского царя величали «надменным Петровичем». Швейцария называлась тогда Гельветической республикой, выступав-

⁴¹ Константин Павлович участвовал в суворовской кампании в Италии и переходе через Альпы.

⁴² То есть потерял достоинство дворянина.

шей союзницей Франции, власть бернских правителей была свергнута, а на смену им пришла директория, созданная на манер французской, которую возглавил Лагарп – самый известный, заслуженный и революционный гражданин Швейцарии.

В этот краткий, к счастью для Швейцарии, период революционных бурь с Лагарпом произошла метаморфоза, обычная для всех сентиментальных теоретиков свободы и справедливости, оказавшихся у кормила власти, – он стал действовать исключительно при помощи насилия. Лагарп издавал прокламации, обращенные к «гражданам», с призывом убивать бернских правителей; на его политических противников посыпались ссылки и изгнания; печать оказалась под жесточайшей революционной цензурой; были закрыты даже театры, признанные неуместной роскошью во время гражданской войны; вся страна была обращена в военный лагерь. Лагарп оправдывался тем, что хотя «все эти меры были суровы, быть может, даже ужасны, но они достойны наших предков, вполне соответствуют республике, брошенной в омут опасностей, от которых можно спастись только крайними мерами».

Но в руках революционеров крайние меры никогда не бывают собственно «крайними» – всегда найдется «опасность», требующая еще большей жестокости. Когда республике, то есть пяти членам директории и небольшому количеству «комиссаров», стало совсем туго, Лагарп, этот поборник независимой Швейцарии, не остановился перед вводом в страну французских войск, то есть фактически согласился на ее оккупацию. Подобно якобинцам, он отменил пытку и учредил гласный суд, но ввел режим такого жесточайшего террора, на который, конечно, никогда бы не решилась прежняя власть.

Павел лишил Лагарпа пенсии, назначенной ему покойной императрицей, и всех российских чинов и орденов, «по неистовому и развратному поведению» пенсионера. Не довольствуясь этим, он приказал генералу Римскому-Корсакову, находившемуся в 1799 году со своим корпусом в Швейцарии, схватить Лагарпа и прислать с фельдъегерем в Петербург для отправки в Сибирь. Французский генерал Массена, разгромивший Корсакова при Цюрихе, спас директора от гнева царя.

Правда, несмотря на грозный приказ против Лагарпа-правителя, Павел продолжал питать добрые чувства к Лагарпу-человеку и при случае осведомился у Александра, не получал ли он писем от своего воспитателя. Цесаревич ответил, что вследствие высочайшего запрещения переписываться с Лагарпом, он известил об этом своего адресата и с тех пор не имеет с ним никаких сношений.

– Все равно, Лагарп порядочный человек, – заметил Павел. – Я никогда не забуду того, что он мне сказал перед своим отъездом.

Лагарп в свою очередь продолжал считать Павла человеком, необыкновенно добрым в душе, «несчастливым и неопцененным государем» и совершенно искренне не мог понять, как могло случиться, что у царя оказалось так много врагов! Он написал и отослал в Петербург письмо, в котором напоминал Павлу об их дружбе, указывал на то, что в возглавляемой им республике уважается религия и права государей вплоть до того, что даже сама она *устроена монархически*, и просил возобновить выплату пенсии.

Письмо Лагарпа уже не застало Павла в живых.

IV

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд.

Державин «На вседостойное восшествие на престол императора Александра Первого...»

Если верить сообщению некоторых мемуаристов, жизнь Павла постоянно подвергалась опасности. Один из них (Коцебу) пишет, что всюду, где бы не появлялся царь, за ним следили

десятки глаз, жаждущих его смерти. Он же передает историю о каком-то юноше, задумавшем заколоть Павла, но при встрече с царем оробевшем и опрометью бросившемся домой, как будто за ним гнались фурии. Кажется, были попытки отравить царя. Таким образом подозрительность Павла имела серьезные основания, а общество было недовольно именно его подозрительностью. Получался замкнутый круг, выйти из которого можно было только разорвав его.

Заговор против Павла созрел среди его ближайшего окружения. Первоначально заговорщиков было двое: вице-канцлер граф Никита Петрович Панин и адмирал Осип Михайлович де Рибас.

Панин приходился племянником графу Н.И. Панину, наставнику Павла Петровича, и в детстве был товарищем игр великого князя. От дяди он усвоил свободный образ мыслей и ненависть к деспотизму, а близость к императорской семье рано развила в нем самоуверенность и апломб. Высокого роста, холодный и величественный, прекрасно знавший французский язык Никита Петрович слыл за человека очень талантливого, энергичного и умного, но сухого, высокомерного и мало сходившегося с людьми. Екатерина назначила его посланником в Берлин, но Павел при вступлении на престол отозвал друга детства назад и сделал вице-канцлером и членом коллегии иностранных дел. Панин, отбиривший когда-то у царя игрушки, желал сохранить прежний тон и позволял себе фамильярность и даже резкость в разговоре с Павлом. Так, однажды он буквально преследовал царя, убежавшего от него по галереям Зимнего дворца, чтобы избавиться от необходимости выслушивать какой-то длинный доклад, который Панин непременно хотел ему дочитать. Остановившись у картины, изображавшей Генриха IV и его знаменитого министра финансов Сюлли, Павел воскликнул:

– Как счастлив был король Генрих: он имел такого друга и министра, как Сюлли, который помогал ему управлять государством, а не докучал ненужными докладами!

– Будь ты Генрих IV, найдутся и Сюлли, – невозмутимо парировал Панин.

Вице-канцлер не питал к царю личной вражды. Составляя против него заговор, он действовал из соображений идеалистических, желая «спасти государство» отстранением Павла от престола и передачей власти в руки наследника великого князя Александра, который, как он надеялся, установит в России конституционный образ правления.

Де Рибас, разделявший планы Панина, скоро умер, и вице-канцлер стал подыскивать другого сообщника. Его чутье безошибочно указало ему на барона фон дер Палена, как на наиболее подходящую фигуру. Однажды, когда царь высказал желание улучшить деятельность петербургской полиции, Панин предложил назначить губернатором столицы Палена. Он представил личные и деловые качества отставного генерал-лейтенанта в таком выгодном свете, что царь, по своему обычаю, не только вернул его на службу, но повысил в чине и пожаловал Андреевскую ленту. В должности петербургского губернатора Пален в короткое время сумел завоевать полное доверие Павла; в 1800 году царь назначил его еще и первоприсутствующим в коллегии иностранных дел и сделал главным директором почт.

Теперь, имея в руках высшую военную власть в столице и контролируя деятельность полиции, заговорщики решили действовать. Прежде всего следовало добиться согласия великого князя Александра на государственный переворот.

В переговорах с великим князем заговорщики проявили поистине дьявольскую ловкость. Пален рассказывал: «Я зондировал его на этот счет, сперва слегка, намеками, кинув лишь несколько слов об опасном характере его отца. Александр слушал, вздыхал и не отвечал ни слова». Но расчет оказался верен – великий князь ничего не сказал отцу об услышанных намеках и не пресек крамольные разговоры в самом начале. Тем самым заговорщики как бы получили моральное право на дальнейшие шаги.

Убедившись в относительной безопасности, они открыто высказали Александру свои мысли. Дело было представлено так, что «пламенное желание всего народа и его благосостояние требуют настоятельно, чтобы он был возведен на престол рядом со своим отцом в каче-

стве соправителя, и что сенат, как представитель всего народа, сумеет склонить к этому императора без всякого со стороны великого князя участия в этом деле». Александр возмутился этим замыслом и ответил, что «вполне сознает опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца». Однако содержание разговора вновь осталось тайной от Павла.

Пален сделался смелее. Имея по роду службы почти ежедневные сношения с Александром, который являлся военным губернатором Петербурга, он все чаще заговаривал с ним о необходимости переворота, пугая его, что революция, вызванная всеобщим недовольством, должна вспыхнуть не сегодня-завтра, и тогда уже трудно будет предвидеть ее последствия. «Я, – вспоминал Пален, – так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представлял ему на выбор – или престол, или же темницу и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить вместе с Паниным и со мною средства для достижения развязки...»

Вообще в Палене заговор обрел настоящего вождя, хладнокровного, властного, циничного, скрытного, неразборчивого в средствах. В отличие от Панина он преследовал в заговоре только личные цели, хотя впоследствии и был не прочь подчеркнуть, что «совершил величайший подвиг гражданского мужества и заслужил признательность своих граждан», и был сторонником физического устранения Павла. Глядя на его портреты, невозможно представить, что этот крупный, широкоплечий человек, с высоким лбом и открытым, приветливым, почти добродушным лицом в течение трех лет готовил царевубийство, ежедневно уверяя жертву в своей преданности и вооружая сына против отца. Современники отзывались о нем, как об умном, проникательном человеке, усвоившем шутовское отношение к жизни, всегда жизнерадостном и беззаботном. Если верно, что между убийцей и жертвой порой возникает какая-то мистическая близость, какое-то непонятное, глубинное соответствие натур, то следует признать, что Пален как нельзя более подходил на роль убийцы Павла и что именно вышеперечисленные его качества, которые так нравились царю в людях, позволили ему осуществить задуманное.

Итак, Александр дал согласие на переворот. Как видим, против него шла тонкая игра, заговорщики по сути обманывали его, преувеличивая недовольство Павлом и пугая последствиями какой-то мифической революции. Конечно, от двадцатитрехлетнего молодого человека можно было ожидать большей проникательности, но ведь Пален возглавлял полицию и поэтому у Александра все-таки были веские причины верить ему. Но было в его поведении также нечто, что позволяет говорить о полусознательном сочувствии планам заговорщиков, обманывании самого себя относительно реальных последствий заговора; он и желал переворота и боялся его, а пуще того – своего участия в нем, участия, которое ставило столько мучительных вопросов перед его совестью. Он был бы счастлив вообще не знать о том, что готовится, ибо доверие к нему заговорщиков все-таки не могло не оскорблять его, оно заставляло его задумываться об истинных чувствах к отцу, о том, что в конце концов он, именно он окажется ответственным за все. Если тут уместны литературные параллели, то можно сказать, что Александр оказался в роли одного из героев Достоевского – Ивана Карамазова, мучимого стыдом за своего отца, презрением к его убийце, Смердякову, и отвращением к самому себе.

Впрочем, по большому счету, он был игрушкой в чужих руках. Пален сам с циничной откровенностью признавался: «Но я обязан, в интересах правды, сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово: *я не был настолько лишен смысла, чтобы внутри взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить шепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся.* Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уж совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы

скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обagrит и столицу и губернии».

Признание это проливает свет на истинные роли сторон. Вина Александра состояла главным образом в том, что он хотел быть успокоенным и дал себя успокоить.

С этого момента для него началась череда страшных дней. Чтобы не возбуждать подозрений Павла частыми свиданиями, Пален и Александр обменивались записками через Панина; после прочтения записки сразу уничтожались. Но однажды Панин сунул в руку Палена записку от великого князя перед самым утренним приемом у царя. Барон решил, что успеет прочитать и сжечь записку, однако Павел неожиданно появился из спальни, вошел вместе с Паленом в кабинет и запер дверь; Пален едва успел сунуть послание Александра в правый карман.

Царь заметил это движение; этим утром он был в духе, развеселился и полез в карман Палену, шутливо приговаривая:

– Я хочу посмотреть, что там такое, – может быть, любовное письмо!

Пален был человек не робкого десятка, смутить его было нелегко, но тут он похолодел и сказал первое, что пришло в голову:

– Ваше величество, что вы делаете? Оставьте! Ведь вы терпеть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платок весь пропитан им. Вы перепачкаете себе руки, и они надолго примут противный вам запах.

К его счастью, уловка сработала. Павел с омерзением отдернул руки.

– Фи, какое свинство! Вы правы.

Между тем какая-то очередная фамильярность Панина вывела царя из себя и он отослал вице-канцлера в его подмосковное имение. Однако и там Никита Петрович оказывал содействие заговору, сообщая Палену все, что мог узнать о настроении в столице и торопя с исполнением их плана. Барон расширил вербовку недовольных. Александр ручался за свой Семеновский полк, где в заговор были посвящены все офицеры, включая юнкеров, но Палену хотелось «заручиться помощью людей более солидных, чем вся эта ватага вертопрахов».

Его планам помогла суеверность царя. Павел охотно верил в предзнаменования. Ему, между прочим, предсказали, что если первые четыре года его царствования пройдут спокойно, то ему больше нечего будет опасаться, и остальная часть его жизни будет увенчана славой и счастьем. Он так твердо поверил этому предсказанию, что по прошествии этого срока, в ноябре 1800 года, издал указ, в котором благодарил своих подданных за проявленную ими верность. Пален решил использовать этот момент, чтобы вернуть в столицу братьев Зубовых и других своих друзей, на чью помощь он мог рассчитывать.

Рассказ Палена о том, каким образом ему удалось исполнить задуманное, тоже отлично характеризует этого человека. «Я решил воспользоваться одной из светлых минут императора, когда ему можно было говорить все, что угодно, чтобы разжалобить его насчет участи разжалованных офицеров. Я описал ему жестокое положение этих несчастных, изгнанных из своих полков и высланных из столицы, которые видели карьеру свою погубленной, а жизнь – испорченной, умирающих с горя и нужды за проступки легкие и простительные. Я знал порывистость Павла во всех делах, я надеялся заставить его сделать тотчас же то, что я представил ему под видом великодушия. Я бросился к его ногам. Он был романтического характера, имел претензию на великодушие, во всем любил крайности... Два часа спустя после нашего разговора двадцать курьеров уже скакали во все части империи, чтобы назад, в Петербург, вернуть всех сосланных и исключенных со службы. Указ, дарующий им помилование, был продиктован им самим императором».

Но что же готовил Пален этим несчастным, возвращая их в столицу? Он не оставил потомкам никаких сомнений и на этот счет. «Теперь я обеспечил себе два важных пункта: заполучить Беннигсена и Зубовых, необходимых мне, и второе – еще усилить общее ожесточение против императора. Я изучил его нетерпеливый нрав, быстрые переходы его от одного

чувства к другому, от одного намерению к другому, совершенно противоположному. Я был уверен, что первые из вернувшихся офицеров будут приняты хорошо, но что скоро они надоедят ему, а также следующие за ними. Случилось то, что я предвидел. Ежедневно сыпались в Петербург сотни этих несчастных, каждое утро подавали императору донесение с застав. Вскоре ему опротивела эта толпа прибывающих; он перестал принимать их, затем стал просто гнать и нажил себе таким образом непримиримых врагов в лице этих несчастных, снова лишенных всякой надежды и осужденных умирать у ворот Петербурга». Пришлось отослать назад всех тех, кого сразу не приняли на службу, что дало повод к новому недовольству в стране, когда в провинции вновь увидели этих людей, обнадеженных царем и теперь возвращавшихся из столицы, большей частью пешком, и оставшихся без всяких средств к жизни.

Между прочим, эти действия Палена свидетельствуют и о том, что ожесточение против Павла во многом было спровоцировано самими заговорщиками, искажавшими смысл его указов или намеренно перегибавших палку в их исполнении.

Среди тех людей, на чью помощь Пален особенно рассчитывал, был Леонтий Леонтьевич Беннигсен. Этот пожилой, длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя Командора, офицер происходил из старинного ганноверского дома. Его призвание к военной службе определилось очень рано: уже десятилетним мальчиком, состоя пажом при дворе английского короля Георга II, он усердно занимался военными науками, чертил карты, учился верховой езде. Тогда же проявились и главные черты его характера – твердость, упорство, выносливость и методичность.

Этот редкий запас качеств обеспечил ему быструю военную карьеру: прапорщик в четырнадцать лет, капитан в восемнадцать, подполковник в двадцать восемь. Состоя в последнем чине, он перешел на русскую службу, чтобы поправить пошатнувшееся состояние. В России участие в турецкой кампании и штурме Очакова утвердили за Леонтием Леонтьевичем репутацию храброго, решительного и исключительно хладнокровного человека. Широкая известность пришла к нему со времен польской войны 1794 года, когда Суворов пожаловал его за несколько успешных операций чином генерал-майора. Именно тогда о Беннигсене заговорили, как об офицере «отличных достоинств». Награды посыпались на него, как из рога изобилия: орден св. Георгия 3-й степени, золотая шпага с надписью: «За храбрость», орден св. Владимира 2-й степени и тысяча душ в Минской губернии. . . Тогда же Леонтий Леонтьевич познакомился с Валерианом Зубовым, а через него – с остальными Зубовыми и людьми, близкими к ним, в частности, бароном фон дер Паленом.

С воцарением Павла карьера Беннигсена, как и многих других екатерининских офицеров, прервалась. Хотя вначале царь пожаловал ему следующий чин – генерал-лейтенанта, но уже в сентябре 1798 года в беседе с фельдмаршалом Н.И. Салтыковым, как бы между прочим заметил, что сомневается в усердии Беннигсена, и просил передать это приватно генералу.

Делать было нечего. Леонтий Леонтьевич подал в отставку и уехал в свое имение в Минской губернии.

В начале 1801 года, оказавшись вновь в Петербурге по вызову Палена, Беннигсен возобновил давние знакомства. Еще не будучи посвящен в заговор, он гулял по Невскому, не зная, что Пален уже выбрал для него главную роль в его жизни – предводителя колонны цареубийц.

Зимой 1801 года Павел готовился переехать в недавно отстроенный Михайловский дворец.

Причиной строительства послужило одно странное происшествие, о котором говорил тогда весь Петербург. Случилось это через год после воцарения Павла. Часовому, стоявшему у

старого Летнего дворца, явился в лучезарном свете Архангел Михаил и велел идти к государю и доложить, чтобы тот немедленно начал строить на этом месте церковь.

Когда царю доложили об этом, он будто бы ответил:

– Я знаю.

Что послужило поводом для такого ответа, осталось неизвестным, но только Павел с невероятной быстротой приступил к постройке на месте бывшего Летнего дворца, возведенного Анной Иоанновной, нового замка, названного Михайловским. 26 февраля 1797 года уже состоялась торжественная закладка замка. Строительство велось по несколько измененному проекту В.И. Баженова архитектором Бренном, бессовестно разворовывавшим отпускаемые государем средства.

Говорили также о предсказании знаменитого петербургского прорицателя Авеля. Этот Апель славился тем, что незадолго до кончины императрицы Екатерины II вполне определенно предсказал это событие и был посажен за это в Шлиссельбургскую крепость. Павел выпустил его и он, живя в Александро-Невской лавре, разразился новым пророчеством – на этот раз грозя смертью самому царю, не выполнившему желание небесных сил и построившему не церковь во имя Архангела Михаила, а замок, пусть даже и с церковью. Разумеется, после этого предсказания он вновь был заточен.

Впоследствии заметили еще одно мистическое совпадение: на фронтоне дворца была выбита надпись, придуманная самим государем: «Дому твоему подобает Святыня Господня в долготу дней», и количество букв в ней совпало с числом лет, прожитых Павлом.

Строительство было закончено за четыре года. Михайловский дворец, окруженный рвами и гранитными брустверами с орудиями, сообщавшийся с внешним миром посредством подъемных мостов, начиненный потайными лестницами и подземными ходами, действительно имел вид средневекового замка, да собственно и был призван выполнять ту же роль: служить царю надежным убежищем от всех случайностей царствования.

8 ноября 1800 года, в день святого архистратига Михаила, дворец был освящен и царь впервые обедал здесь вместе с семьей. Вечером состоялся бал-маскарад, во время которого любой желающий мог войти и осмотреть дворец. Однако пышно задуманное празднество не удалось: из-за сырости, источаемой каменными стенами, в залах и галереях стоял такой туман, что несмотря на тысячи жарко пылавших свечей, люди двигались в полутьме почти наощупь. Придворные врачи заявили, что жить в новом дворце невозможно, не подвергая здоровье серьезной опасности, но Павел, не слушая их, 1 февраля переехал и поселился в нем со всей семьей.

Александр с Елизаветой Алексеевной отвели комнаты в нижнем, самом сыром этаже дворца. Печи не могли согреть и осушить воздух. Бархат, которым были обиты комнаты, плесневел, фрески на стенах и потолках линяли. Углы большой залы, несмотря на два камина, сверху донизу были покрыты льдом. Густой туман клубился по коридорам. Пришлось срочно выкладывать стены деревом, но Павел все равно был в восторге от нового жилища.

Здесь Александр пережил наибольшие страхи и тревоги.

Павел относился к старшему сыну все более и более неприязненно. Зимой он вызвал из-за границы тринадцатилетнего племянника Марии Федоровны, принца Евгения Вюртембергского, который еще тремя годами ранее был пожалован чином генерал-майора и назначен шефом драгунского полка. Царь возгорелся такой любовью к юноше, что объявил о своем намерении *усыновить* его, прибавив при этом, что он владыка в своем доме и государстве и потому возведет принца на такую высокую ступень, которая приведет всех в изумление. Видимо, закону о престолонаследии, недавно утвержденному самим же государем, угрожало вопиющее нарушение⁴³.

⁴³ При вступлении на престол Павел обнародовал новый закон о престолонаследии, обеспечивавший передачу власти

Страх и сознание своей вины перед отцом буквально сковали чувства и волю наследника. Он вел себя тише воды, ниже травы, ему с женой прислуживали только доверенные лица государя; чтобы не навлекать на себя лишних нареканий, Александр не принимал никого из иностранных послов и избегал разговоров с лицами, стоявшими у дел. Тем не менее резкие выходки Павла следовали одна за другой. Однажды царь вошел в комнату Александра и нашел у него на столе трагедию Вольтера «Брут», которая оканчивается словами:

Rome est libre: il suffit.
Rendons graces aux dieux!
[Рим свободен; довольно.
Воздайте благодарение богам! (фр.)]

Павел позвал Александра к себе и, показав ему указ Петра I о царевиче Алексее, спросил: знает ли великий князь историю этого царевича?

Пален ежедневно торопил наследника, указывая, что в заговор вовлечено слишком много лиц, и следует опасаться доноса царю, но Александр все не мог решиться. Наконец произошло событие, которое показало, что медлить дальше невозможно.

7 марта в семь часов утра Пален вошел в кабинет царя с обычным рапортом о состоянии дел в столице. Павел был озабочен, серьезен; заперев за Паленом дверь, он минуты с две молча смотрел на него и наконец сказал:

– Господин фон Пален, вы были здесь в 1762 году?

– Да, ваше величество.

– Были вы здесь?

– Да, ваше величество, но что вам угодно сказать?

– Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?

– Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом. Я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, не подозревая о том, что происходит. Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?

– Почему? – вскричал царь. – Да потому, что хотят повторить 1762 год!

Пален, по его собственному признанию, затрепетал при этих словах. Нужно было обладать железными нервами, чтобы не выдать себя в эту минуту. Но Пален, этот гениальный художник вероломства, знал наплывы истинного вдохновения.

– Да, ваше величество, хотят! – ответил он. – Я это знаю и участвую в заговоре.

Павел изумленно уставился на него.

– Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы такое мне говорите?

– Сушью правду, ваше величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую в нем ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь, – вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро вам все станет известно. Не старайтесь проводить сравнений между вами и вашим отцом. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя, а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана; он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а ныне она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома...

старшему потомку мужского пола царствующей династии. Этот закон, прекративший почти столетнюю неразбериху на российском престоле, действовал до февральской революции 1917 года.

– Надо сейчас же схватить их всех, заковать в цепи, посадить в крепость, в казематы, послать в Сибирь, на каторгу! – прервал его Павел.

– Ваше величество, – возразил Пален, – в числе заговорщиков ваша супруга, оба сына, обе невестки – как можно взять их без особого повеления вашего величества? Взять все семейство вашего величества под стражу без явных улик и доказательств – это столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россию и не иметь еще чрез то верного средства спасти особу вашу. Я прошу ваше величество вверится мне и дать мне собственноручный указ, по которому я мог бы исполнить все то, что вы теперь приказываете, но исполнить тогда, когда на это будет удобное время, то есть когда я уличу в злоумышлении кого-нибудь из вашей фамилии, а остальных заговорщиков я тогда уже схвачу без затруднений.

– Все это правда, но не надо дремать, – задумчиво ответил царь.

На этом разговор прервался. Пален получил просимый указ: в нем Павел предписывал отослать Марию Федоровну и невесток в монастырь, а великих князей Александра и Константина заточить в крепость. Как видим, Палену удалось очернить в глазах Павла почти всю его семью. Между тем ни Мария Федоровна, ни Константин Павлович, ни тем более жены великих князей ничего не знали о заговоре. Относительно Константина известно, что Пален сам же убедил Александра скрыть от него готовящийся переворот, внушив, что брат может все открыть отцу, чтобы самому занять место наследника.

С царским указом, на котором еще не просохли чернила, Пален поспешил к Александру. Великий князь пришел в ужас, но все же настоял на том, чтобы отсрочить переворот до 11 марта, когда караулы во дворце будут нести семеновцы.

Остается неизвестным, что именно знал Павел о готовящемся покушении, но несомненно, что его томили тяжелые предчувствия. За день до разговора с Паленом, во время верховой прогулки в сопровождении шталмейстера Муханова по аллеям дворцового сада, царь остановил лошадь и сказал сильно взволнованным голосом:

– Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?

Муханов поспешил успокоить его:

– Государь, это вероятно, действие оттепели.

Павел ничего не ответил, покачал головой, и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в замок. Тогда же он вызвал в столицу Аракчеева; говорили, что гатчинский капрал должен был сменить Палена в должности петербургского губернатора.

Вообще в столице господствовало какое-то всеобщее уныние. Даже погода стояла мрачная, сырая и на улицах было мало прохожих. В девять часов вечера улицы совершенно пустели, на них устанавливались рогатки, рядом вырастали часовые, которые пропускали только врачей и повитух. Разговоры в каждом доме сводились к одному: так долго продолжаться не может.

10 марта на утреннем вахтпараде великие князья Александр и Константин были посажены под домашний арест. Вечером этого дня в Михайловском дворце был концерт. В зале царила гнетущая атмосфера, все приглашенные сидели молча, Мария Федоровна то и дело с беспокойством оглядывалась на мужа, словно пытаясь понять, какие мысли его занимают. Павел смотрел перед собой сердито и расстроено и совсем не обращал внимания на пение французской актрисы г-жи Шевалье. Перед выходом к ужину, когда обе половинки дверей распахнулись, царь подошел к супруге и остановился перед ней, скрестив на груди руки, насмешливо улыбаясь и тяжело дыша, что являлось у него признаком сильного недовольства; затем он проделал тоже самое перед обоими великими князьями. В заключение царь подошел к Палену, шепнул ему что-то и поспешил к столу. Все последовали за ним, молча и со стесненной грудью. За ужином стояла гробовая тишина. После его окончания Мария Федоровна и дети хотели

поблагодарить государя, но Павел с насмешливой улыбкой встал и быстро вышел, не поклонившись. Мария Федоровна разрыдалась и вся семья разошлась взволнованная.

11 марта дела шли обычным порядком. Приняв утренний рапорт, царь поспешил на развод, а в одиннадцать часов поехал с Кутайсовым на прогулку. Вечером был накрыт стол на девятнадцать персон, среди которых находился князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Впоследствии он вспоминал, что отправляясь спать, Павел остановился перед зеркалом, которое исказило его отражение. Это рассмешило царя.

– Посмотрите,– обратился он к присутствующим,– какое смешное зеркало: я вижу себя в нем с шеей на сторону.

Эти слова были произнесены Павлом за полтора часа до смерти.

В то время, как царь ужинал, на одной из петербургских застав по приказу Палена был задержан приехавший в столицу по вызову царя Аракчеев. Больше помощи ждать было не от кого.

Маленький курносый человек прошел в свою спальню, разделся и заснул, оставшись совершенно один – в комнате, во дворце, во всем притихшем городе.

Утром 11 марта, выйдя на прогулку по Невскому проспекту, Беннигсен встретил сани с князем Платоном Zubовым. Zubов остановил его и сказал, что ему нужно поговорить с ним, для чего пригласил Леонтия Леонтьевича на ужин.

Беннигсену уже надоело шататься без дела в столице и он намеревался на следующий день уехать назад, в имение. Поэтому перед обедом он отправился к Палену просить у него, как у военного губернатора, паспорта на выезд. Выслушав его, Пален сказал:

– Да отложите свой отъезд, мы еще послужим вместе,– и добавил: – Князь Zubов вам скажет остальное.

Беннигсен заметил, что он был как-то смущен и взволнован.

Часов в десять вечера Леонтий Леонтьевич приехал к Zubову. Он застал у него братьев Николая и Валериана, сенатора Трошинского и еще двух лиц, посвященных в заговор. Князь Платон Александрович сообщил Беннигсену условленный план, сказав, что переворот назначен на полночь. Первым вопросом Беннигсена было: кто стоит во главе заговора? Когда ему назвали имя великого князя Александра, он без колебания примкнул к заговорщикам.

Ближе к полуночи все поехали к Палену. У дверей его дома их встретил полицейский офицер, который сказал, что губернатор у генерала Талызина и там ждет их. Беннигсен и Zubовы застали комнату полной офицеров; шла отчаянная пирушка, шампанское лилось рекой. Трезвым оставался один Пален, который попросил и Беннигсена не касаться вина. Гости во весь голос рассуждали о мерах, которые следует предпринять; полковник лейб-гвардии Измайловского полка Бибииков, находившийся в родстве со всей знатью, заявил между прочим, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла и что лучше отделаться сразу от всех членов императорской семьи. Было просто чудом, что ни один из слуг, беспрестанно входивших и выходивших из комнаты, не выскользнул тайком из дома и не бросился в Михайловский дворец, чтобы предупредить о заговоре и тем самым заслужить милость царя. После узнали, что накануне множество петербуржцев знали о готовящемся ночью перевороте, и все-таки никто не выдал тайны: до такой степени всем опротивело это царствование!

Наконец заговорщики условились разделиться на две колонны, примерно по шестьдесят человек в каждой. Первую колонну, которой предстояло занять главную лестницу замка со стороны Летнего сада, должны были возглавить Пален и граф Уваров; вторую, направлявшуюся тайными ходами прямо в спальню царя,– братья Zubовы и Беннигсен. Все офицеры были сильно навеселе, многие едва держались на ногах. На выходе Пален обратился к сообщникам:

– Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца.

Проводником второй колонны был адъютант Преображенского полка Аргамаков, ежедневно подававший Павлу рапорт и потому знавший все тайные ходы дворца. С фонарем в руке он повел заговорщиков сначала в Летний сад, потом по мостику – в дверь, сообщавшуюся с садом, далее по лесенке, которая привела их в маленькую кухню, смежную с прихожей перед спальней царя. Здесь, сидя и прислонившись головой к печке, безмятежно спал камер-гусар. По пути колонна Зубовых и Беннигсена сильно поредела, теперь с ними оставалось только четыре человека, которые со страху набросились на спящего гусара; один из офицеров ударил его тростью по голове, и тот спростоня поднял крик.

Заговорщики пришли в замешательство и остановились, ожидая, что их немедленно схватят. Четырех офицеров простыл и след, Платон Зубов стоял, едва живой, не в силах сделать шагу. Беннигсен схватил его за руку:

– Как, князь? Вы довели нас до этих дверей и теперь хотите отступить? Мы слишком далеко зашли. Бутылка откупорена, ее надо выпить, идем!

Видимо, вследствие обильного ужина, всех заговорщиков в эту ночь посещали гастрономические метафоры.

Пален не ошибся в Беннигсене. Его хладнокровие ободрило Зубовых; они направились в спальню царя. Но здесь их ожидало новое, еще более сильное потрясение: кровать Павла была пуста! Уже считая себя мертвецами, Зубовы и Беннигсен принялись шарить по комнате и вдруг за одной из портьер, – той, которая прикрывала дверь, ведущую в комнату императрицы, они обнаружили бледного, трясущегося Павла, стоявшего перед ними в одной ночной рубашке. (Дверь в спальню императрицы оказалась закрытой по приказу самого Павла: таким образом он своими руками устроил себе ловушку.)

Держа шпаги наголо, заговорщики объявили:

– Вы арестованы, ваше величество!

Павел молча посмотрел на Беннигсена и выдал из себя, обращаясь к Платону Зубову:

– Что вы делаете, Платон Александрович?

В эту минуту вошел один из офицеров и шепнул Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, где опасались прибытия Преображенского полка, солдаты которого были привязаны к Павлу. Князь Платон вышел, а Беннигсен силой усадил царя в кресло за письменным столом. Худая фигура «длинного Кассиуса»⁴⁴ при слабом свете потайного фонаря должна была казаться Павлу привидением, а все происходящее – ночным кошмаром.

– Ваше величество, вы мой пленник, и ваше царствование окончено, – сказал Беннигсен. – Откажитесь от короны, напишите и подпишите тотчас же акт отречения в пользу великого князя Александра.

Между тем комната стала наполняться офицерами из числа тех, кто входил во вторую колонну. Павел недоуменно смотрел на них.

– Арестован? Что это значит – арестован? – только и мог сказать он.

Один из офицеров закричал на него:

– Еще четыре года тому назад следовало бы с тобой покончить!

– Что я сделал? – слабым голосом возразил Павел.

Взяв у него бумагу с подписью об отречении, Беннигсен направился к дверям, сказав царю:

– Оставайтесь спокойным, ваше величество, – дело идет о вашей жизни!

Но, выйдя в коридор, он снял с себя шарф и отдал одному сообщнику со словами:

⁴⁴ Так называл Беннигсена Гете. Кассий – один из убийц Цезаря.

– Мы не дети, чтоб не понимать бедственных последствий, какие будет иметь наше ночное посещение Павла для России и для нас. Разве мы можем быть уверены, что Павел не последует примеру Анны Иоанновны⁴⁵?

Офицеры, оставшиеся в комнате, всячески поносили того, от кого натерпелись столько страху, но никто еще не осмеливался коснуться его. Мертвецки пьяный граф Николай Zubov (зять покойного Суворова), человек атлетического сложения, прозванный «Алексеем Орловым из рода Zubovых», подал пример другим, ударив царя в левый висок массивной золотой табакеркой. После этого ничто не могло удержать пьяную толпу, озверевшую от недавнего испуга. Царя повалили на пол и набросили ему на шею шарф Беннигсена. Однако Павлу удалось просунуть руку между шарфом и шеей. Выпучив глаза, он хрипел:

– Воздуху!.. Воздуху!..

В этот момент он заметил красный мундир одного из офицеров, который носили конногвардейцы, и, думая, что это великий князь Константин, их полковник, распоряжается его убийством, завопил:

– Пощадите, ваше высочество, пощадите из сострадания! Воздуху, воздуху!..

Это были последние его слова. Судьбе было угодно, чтобы он умер, вина в своей смерти того из сыновей, который не имел к ней никакого отношения.

Заговорщики схватили его руку, один из них вскочил на живот царю, другие принялись тянуть за концы шарфа. Даже тогда, когда они убедились, что Павел мертв, многие еще продолжали стягивать петлю, а другие, обезумев, принялись пинать труп.

В это время Беннигсен, слышавший шум и вопли, раздававшиеся из спальни царя, спокойно разгуливал по галерее со свечой в руках, рассматривая висевшие на стенах картины. «Удивительное хладнокровие! – писал М.А. Фонвизин, будущий декабрист, знавший подробности этой ночи от своего двоюродного брата А.В. Аргамакова, того самого офицера, который проводил колонну цареубийц до спальни царя. – Не скажу – зверское жестокосердие, потому что генерал Беннигсен во всю свою службу известен был как человек самый добродушный и кроткий. Когда он командовал армией, то всякий раз, как ему подносили подписать смертный приговор какому-нибудь мародеру, пойманному за грабеж, он исполнял это как тяжкий долг, с горем, с отвращением и делая себе насилие».

Вдруг возня и крики стихли, дверь в спальню отворилась и какой-то заговорщик возвестил:

– С ним покончили!

Беннигсен молча кивнул и отправился на поиски Палена.

Простившись вечером с отцом, Александр ушел к себе в спальню. Взволнованный, он, не раздеваясь, бросился на кровать; у него не было сил даже думать.

Около часу ночи в дверь постучали. Александр вздрогнул: к нему или за ним? Он крикнул, что можно войти.

Вошел граф Николай Zubov, в растрепанном костюме, с взъерошенными волосами, с разгоревшимся от вина и только что совершенного убийства лицом. Он подошел к великому князю, севшему на постели, и хрипло произнес, наполнив комнату винным перегаром:

– Все сделано.

– Что сделано? – вскричал Александр в ужасе.

⁴⁵ При вступлении на престол императрица Анна Иоанновна подписала по требованию Верховного Совета "пункты", согласно которым обязалась править совместно с верховниками. Но позже она порвала этот документ и "приняла самодержавство".

Повернув к Зубову здоровое ухо, он напряженно ждал, боясь не расслышать или неправильно понять услышанное. Зубов, смутясь, сбивчиво забормotal что-то... Ничего не понимая, Александр тянулся к нему всем телом и вдруг, заметив, что Зубов постоянно говорит ему: «Государь» и «ваше величество», отпрянул, почувствовав, словно «меч вонзился в его совесть».

В это время в комнату вошел Пален и Платон Зубов, приведший с собой великого князя Константина. Не обращая на них никакого внимания, Александр сидел на кровати и плакал. Пален и остальные поздравили его с вступлением на престол. В ответ плечи Александра затряслись еще больше.

– Не будьте ребенком, – поморщился Пален. – Ступайте царствовать и покажитесь гвардии. Благополучие миллионов людей зависит от вашей твердости.

После долгих уговоров, в пятом часу утра, Александр, с красными глазами и опухшими веками, вышел к гвардейцам. Генерал Торماسов, командир Преображенского полка громко объявил, что император Павел Петрович скончался от апоплексического удара и что на престол вступил император Александр Павлович. Речь эта не произвела никакого впечатления на солдат: они не крикнули «ура» и не спешили подойти к поставленному во дворе аналою с лежащим на нем Евангелием, чтобы принести присягу. Полковник Н.А. Саблуков обратился к стоявшему на правом фланге рядовому Григорию Иванову, примерному солдату, статному и высокому:

– Ты слышал, что случилось?

– Точно так.

– Присягнете вы теперь Александру?

– Ваше высокоблагородие, – ответил солдат, – видели ли вы императора Павла действительно мертвым?

– Нет, – честно ответил Саблуков.

– Не чудно ли было бы, – продолжал Иванов, – если бы мы присягнули Александру, пока Павел еще жив?

– Конечно, – согласился Саблуков.

Саблуков убедил Торماسова отправить во дворец депутацию солдат во главе с корнетом Филатьевым, чтобы они могли убедиться в смерти Павла. Беннигсен, вышедший навстречу Филатьеву и узнав от него о цели посещения, воскликнул по-французски, чтобы его не поняли солдаты:

– Но это невозможно, он изуродован, обезображен, его необходимо сейчас прибрать и привести в порядок!

Филатьев продолжал настаивать, что без этого солдаты отказываются присягать.

– Ах, право, если они так преданы ему, им не следует его видеть, – заметил Беннигсен, но все же распорядился пропустить во дворец два первых ряда.

Когда депутация возвратилась к полку, Саблуков спросил Григория Иванова:

– Что ж, братец, видел ты государя Павла Петровича? Действительно он умер?

– Так точно, ваше высокоблагородие, *крепко умер!*

– Присягнешь ли ты теперь Александру?

– Точно так... хотя лучше покойного ему не быть... А, впрочем, все одно: кто ни поп, тот и батька.

С семеновцами дело обошлось легче. Александр сам обратился к ним:

– Батюшка скончался апоплексическим ударом. При мне все будет, как при бабушке!

Семеновцы встретили слова Александра громовым «Ура!» и тут же присягнули.

С рассветом Александр приехал в Зимний дворец и принял присягу от придворных. В начале церемонии он выглядел мертвецом. Когда императрица Мария Федоровна⁴⁶ подошла и сказала ему, довольно язвительно: «Поздравляю вас, сын мой, теперь вы – император», – Александр без чувств упал на руки свиты.

К девяти часам утра в столице воцарилось полное спокойствие.

⁴⁶ Мария Федоровна, узнав ночью о кончине мужа, пришла в сильнейшее волнение, бегала по дворцу и упрашивала солдат провозгласить ее правительницей. Беннигсен и Пален насилу уняли ее, заперев в одной из комнат и приставив к двери двух часовых.

Часть третья РЕФОРМЫ И ВОЙНЫ

Мы никогда не стремимся страстно к тому, к чему стремимся только разумом.

Ларошфуко

I

Дней александровых прекрасное начало...

А.С. Пушкин «Послание цензору»

12 марта петербуржцы читали манифест, составленный по поручению Александра сенатором Трошинским: «Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца. Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память нам и всему отечеству вечно пребудет любезна...».

Эти слова вызвали ликование всего дворянства. «Все чувствовали какой-то нравственный восторг,— писал современник,— взгляды сделались у всех благосклоннее, поступь смелее, дыхание свободнее». Даже погода, казалось, радуется вместе с людьми: после предыдущих хмурых, ветреных дней, с утра 12-го марта выглянуло яркое, настоящее весеннее солнце, весело застучала капель...

Царство Гатчины рухнуло в один день. Косички и букли были немедленно отрезаны, узкие камзолы скинуты; все головы причесались а ля Титюс, в толпе замелькали панталоны, круглые шляпы и сапоги с отворотами, экипажи в русской упряжке, с кучерами и форейторами, вновь во весь дух мчались по улицам, обдавая зазевавшихся мокрым, грязным снегом. От прошлого уцелел лишь неизбежный вахтпарад. Выйдя к одиннадцати часам к войскам, Александр был более обыкновенного робок и сдержан; Пален держал себя как всегда; Константин Павлович суетился и шумел сверх меры.

Вообще восторг порой «выходил из пределов благопристойности». Незнакомые люди обнимались друг с другом и плакали от радости. Какой-то ополоумевший от радости поручик носился по улицам верхом, размахивая шляпой и крича:

– Умер! У-у-м-е-ер!

Появилась мода причислять себя к деятелям 11 марта: казалось, в столице не осталось ни одного человека, который бы не присутствовал в ночь убийства в спальне Павла или, по крайней мере, не участвовал в заговоре.

Однако, когда общее возбуждение пошло на убыль, стали замечать, что проявление радости от кончины Павла не обеспечивает успеха при дворе. Молодой царь вовсе не выглядел веселым и счастливым, напротив, малейший намек на прошедшие события вызывал на его лице гримасу ужаса и отвращения. Позже Александр говорил, что должен был в эти дни скрывать свои чувства от всех; нередко он запирался в отдельных покоях и предавался отчаянию, безуспешно пытаясь подавить глухие рыдания. Гибель отца он воспринимал и как свою нравственную смерть, чувствуя вместо души – большое место. Елизавета Алексеевна – единственная из всей императорской семьи, встретившая смерть Павла спокойно,— выступила первое время посредником между заговорщиками и мужем, который не мог переносить даже их вида.

17 марта в семь часов вечера в Михайловском дворце открылась церемония прощания с телом Павла. На лице покойного, несмотря на старательную гримировку, видны были черные и синие пятна; его треугольная шляпа была так надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть левый глаз и висок, зашибленные ударом табакерки. Очевидцы вполголоса передавали, что, когда к телу был допущен дипломатический корпус, французский посол, проходя, нагнулся над гробом и, задев за галстук царя, обнажил красный след вокруг шеи, сделанный шарфом.

23 марта состоялось отпевание и погребение в Петропавловском соборе. Александр стоял у гроба в черной мантии и шляпе с флером. Его удрученный вид покорила всех. Весь Петербург облетели слова молодого царя:

– Все неприятности и огорчения, какие случатся в моей жизни, я буду носить, как крест.

Первые мероприятия нового царствования оправдали надежды общества и кое в чем превзошли их. Из ссылки, тюрем и из-под ареста были освобождены тысячи людей (в том числе артиллерийский подполковник Алексей Петрович Ермолов, находившийся в костромской ссылке, и Александр Николаевич Радищев, возвратившийся из-под тайного надзора полиции из деревни; последнему был разрешен въезд в столицу, пожалован чин коллежского советника и владимирский крест); на военную и статскую службу возвратилось двенадцать тысяч человек; были уничтожены виселицы, украшавшие площади больших городов; священников освободили от телесных наказаний; полиции было предписано соблюдать законность; частным лицам дозволено было открывать типографии; в страну хлынули заграничные книги и «музыка»; возобновились заграничные вояжи; в газетах исчезли объявления о продаже крепостян и дворовых; была отменена пытка.

Петропавловская крепость впервые за многие десятилетия опустела – вдруг и надолго. Когда Александру сообщили, что на ее воротах появилась надпись, сделанная кем-то из выпущенных заключенных: «Свободна от постоя», царь заметил:

– Желательно, чтобы навсегда.

Одними из первых, о ком вспомнил Александр при воцарении, были донцы. Едва увидев генерала графа Ливена, разрабатывавшего маршрут индийского похода и пришедшего 12 марта представиться новому государю, Александр спросил:

– Где казаки?

Вдогонку Орлову был срочно отправлен фельдъегерь с приказом возвратиться в станицы. 25 марта Орлов провозгласил перед радостно загудевшими полками:

– Жалует вас, ребята, Бог и государь родительскими домами!

Вместе с тем первые распоряжения издавались бессистемно, без всякой связи друг с другом, по мере обнаружения злоупотреблений и беспорядка. Так, указ об отмене пытки был вызван одним случаем в Казани, ставшем известным Александру. После сильных пожаров в городе казанские власти схватили какого-то местного обывателя и пыткой вырвали у него сознание в поджигательстве; между тем на суде и перед казнью этот человек принародно уверял судей и любопытствующих в своей невиновности, чем вызвал сильные толки и волнения в городе. Указ Александра, вышедший по этому поводу, гласил, что не только пытка, но и «самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее», должны быть «изглажены навсегда из памяти народной».

Заручившись любовью и поддержкой общества, Александр смог постепенно удалить от себя вождей заговора 11 марта. Первым пал Пален. Честолюбивый генерал губернатор попытался сосредоточить в своих руках управление всеми внутренними и внешними делами империи: его подпись стоит под всеми официальными документами первых месяцев царствования Александра. Он принял по отношению к царю покровительственный тон, спорил с ним и навязывал свои мнения. Но он переоценил свое влияние. Александр воспользовался поддерж-

кой, оказанной ему Беклешовым⁴⁷, новым генерал-прокурором Сената, сменившем уволенного фаворита Павла, Обольянинова; кроме того, на царя оказывала давление императрица-мать, Мария Федоровна, заявившая, что ему придется выбирать между ней и Паленом. В один из июньских дней генерал-губернатор как ни в чем не бывало подъехал к Зимнему дворцу, но в дверях перед ним вырос флигель-адъютант, который передал ему распоряжение царя в двадцать четыре часа сдать все должности и ехать в свое курляндское поместье. Это был первый опыт самодержавия, пришедшейся по вкусу Александру.

Падение Палена всполошило Зубовых. В беседах с придворными они говорили, зная, что их слова дойдут до ушей того, кому они предназначались, что Екатерина поддержала и приблизила деятелей 1762 года, и именно это обеспечило ее царствованию такую спокойную уверенность и такую славу. Но император своим сомнительным и колеблющимся поведением подвергает себя самым неприятным последствиям; он обескураживает, расхолаживает своих истинных друзей, которые желают только того, чтобы преданно служить ему. При этом они добавляли, что Екатерина официально приказала им смотреть на Александра как на единственного законного монарха, служить только ему и никому другому. Зубовы предполагали в Александре почтение и привязанность к памяти бабки, которой в нем совершенно не было, несмотря на прочувствованные слова манифеста.

Речи Зубовых, основанные на опыте всей русской истории XVIII столетия, не произвели никакого впечатления на Александра, – что могли значить Зубовы без Палена? Братья разъехались из Петербурга сами, не дожидаясь приказа.

«Длинный Кассиус» каким-то образом ухитрился доказать перед царем свою непричастность к убийству. Однако Александр не желал постоянно видеть перед глазами этот живой укор его совести. Пожаловав Беннигсена чином генерала от кавалерии, он отправил его в Литовскую губернию – к войскам. Двойственное отношение к Беннигсену Александр сохранил до конца жизни.

Дольше всех вождей заговора продержался Панин. Назначенный царем на должность главы коллегии иностранных дел, он не собирался оставлять свой пост, несмотря на переданные ему слова Александра, что он, Панин, более других ненавистен ему, поскольку первый заговорил о перевороте. Никита Петрович жестоко поплатился за свое упрямство. Через год он был уволен со службы с приказом никогда не появляться не только при дворе, но и всюду, где будет находиться государь.

Однако беспощаднее всего Александр наказывал себя самого, растравляя свои нравственные мучения. Доверие к людям царь потерял давно, но события 11 марта заставили его потерять доверие к самому себе, и он ужаснулся этой потере. Одиночество на троне сделалось еще более невыносимым, чем прежде, потому что теперь он разделял его со множеством людей.

Вынужденный на пути к власти переступить через труп отца, Александр еще острее нуждался в тех людях, в общении с которыми он мог проявить светлые стороны своей натуры и попытаться убедить себя самого, что власть тяготит его, что она противна ему; он хотел услышать – не от заговорщиков, замаранных кровью, а от людей с чистыми, возвышенными побуждениями, – что он должен царствовать не для самого себя, а для блага миллионов своих подданных, что жизнь его по-прежнему имеет нравственный смысл, пускай и трагический.

⁴⁷ Когда царь пожаловался Беклешову на самоуправство Палена, генерал-прокурор презрительно пожал плечами, сказав: "Если мухи жужжат возле моего носа, я их прогоняю".

Между тем почти все его друзья отсутствовали: граф Кочубей находился в Дрездене, князь Чарторийский – в Неаполе, Новосильцов – в Лондоне, Лагарп после падения Гельветической республики перебрался на жительство в окрестности Парижа.

Рядом с царем был один Строганов, который первый и напомнил ему о прежних намерениях провести широкие либеральные преобразования. По мнению Павла Александровича, начать следовало с устройства внутреннего управления, а закончить административные реформы дарованием стране конституции. Александр согласился с этим, уточнив, что главным направлением дальнейшей работы должно быть *определение прав гражданина*. Строганов высказал мысль, что все права гражданина заключаются, собственно, в обеспечении имущества и праве каждого делать все, что не идет во вред другим гражданам. Да, конечно, сказал царь, но к этому надо прибавить еще одно: каждому должен быть открыт свободный доступ к заслугам.

Идя навстречу намерениям царя, Строганов предложил создать *негласный комитет* для разработки проектов реформ. Работа этого органа должна была оставаться в тайне от прочих государственных учреждений и лиц, чтобы не возбуждать преждевременного любопытства и ненужных, будоражащих общество толков. В члены комитета Павел Александрович предложил себя и остальных молодых друзей государя: Кочубея, Чарторийского и Новосильцова. Александр одобрил эту мысль, тут же в шутку окрестив новый орган «комитетом общественного спасения»⁴⁸. Так, стремясь водворить в обществе свободу и конституционную законность, молодые реформаторы начали с образования самого самодержавного и незаконного из всех российских государственных учреждений.

Всем членам негласного комитета было предложено возвратиться в Россию. Первым царь вызвал князя Адама, отправив ему 17 марта собственноручное письмо. «Мне нет надобности говорить вам, с каким нетерпением я вас ожидаю», – писал Александр. Чарторийский поспешил в Петербург, но из-за дальности расстояния прибыл в столицу последним. Он нашел царя бледным и утомленным после вахтпарада. Александр принял его дружески, но «с грустным и убитым видом», без проявления сердечной радости. Теперь, когда он стал государем, «у него появился оттенок какой-то сдержанности и принужденности».

– Хорошо, что вы приехали, наши ожидают вас здесь с нетерпением, – сказал Александр и прибавил со вздохом: – Если бы вы были здесь, ничего этого не случилось бы: имея вас подле себя, я не был бы увлечен таким образом.

Они проговорили, как прежде, целый день. Рассказывая о смерти отца, Александр выражал «непередаваемое горе и раскаяние». От князя Адама не укрылось, что 11 марта «как коршун, вцепилось в его совесть, парализуя в начале царствования самые лучшие, самые прекрасные его свойства...»

Вместе с тем Чарторийский заметил значительные перемены, произошедшие с его царственным другом. Александр больше не заговаривал ни об отречении, ни о манифесте, некогда написанном князем Адамом по его настоянию. В нем появился более практический взгляд на вещи, сознание трудностей, с которыми придется столкнуться при проведении реформ. «Он еще не отрешился от прежних грез, к которым постоянно обращались его взоры; но его уже захватила железная рука действительности: он отступал перед силою обстоятельств, не обнаруживая господства над ними, не отдавая еще себе отчета во всем объеме своей власти и не проявляя умения применять ее на деле». Однако в глубине души его образ мыслей оставался неизменным. «То было нечто вроде многолетней тайной страсти, которую человек не решается открыть равнодушному и неспособному понять свету, но которая неотступно держит человека в своей власти, готовая увлечь его при первой возможности... Александр временами похо-

⁴⁸ Название известного государственного органа революционной Франции периода якобинской диктатуры.

дил на человека, любящего потешаться забавами детства и лишь с сожалением оставляющего любимое развлечение для обязательных занятий текущей жизни».

Заседания негласного комитета начались после отставки Палена. Проходили они довольно странно, в обстановке какой-то ребяческой конспирации. Два-три раза в неделю члены комитета являлись к царскому обеденному столу, за которым собирались его семья и многие придворные. После кофе и короткого общего разговора Александр уходил к себе, и пока остальные гости разъезжались, четверо вершителей судеб России осторожно пробирались через коридор в небольшую туалетную комнату, сообщавшуюся с внутренними покоями царя, куда затем приходил и сам Александр. Заперев двери, молодые люди приступали к обсуждению преобразовательных планов, – каждый приносил сюда свои мысли, проекты, сообщения о текущем ходе правительственных дел и замеченных злоупотреблениях и упущениях. «В нашем комитете, – вспоминал Чарторийский, – самым пылким был Строганов, самым рассудительным – Новосильцов, наиболее осторожным и искренно желавшим принять участие в делах – Кочубей; я же, – скромно признавался князь, – был самым бескорыстным и всегда старался успокоить слишком сильное нетерпение других».

Впрочем долгое время эти собрания были простым времяпровождением, без всяких практических последствий. Покидая собрания, где было говорено много прекрасных слов, Александр снова попадал под влияние государственно-административной рутины, и не мог решиться ни на какие перемены. Туалетная комната была для членов негласного комитета чем-то вроде тайной масонской ложи, откуда, скрепя сердце, нужно было снова возвращаться к обыденной жизни.

Конечно, эти собрания не укрылись от внимания двора, где негласный комитет получил прозвище «партии молодых людей», а содружество Чарторийского, Строганова и Новосильцова – «триумvirата». Тем не менее игра в конспирацию продолжалась.

Постепенно молодые друзья царя стали роптать, что их политическая роль сводится к нулю и что заседания не имеют никакого практического результата. Заседания решено было упорядочить: вначале составить картину положения империи, чтобы компетентно судить о ее «болезни» и методах лечения (эту часть работы возложили на Новосильцова); затем начать реформу различных отраслей администрации; и наконец увенчать все труды принятием конституции. Александр лично указал на основную цель всех реформ – «обуздать деспотизм нашего правительства».

В то же время царь быстро приобретал властные привычки. Обыкновенно он выслушивал мнения других и оставлял всех в неведении относительно решения, которое собирался принять, до следующего заседания, где оно уже не подлежало обсуждению. Если кто-нибудь все-таки пытался оспорить его, Александр проявлял чрезвычайное упорство. «Вступив в спор с императором, – вспоминал Строганов, – следовало опасаться, чтобы он не заупрямился, и благоразумнее было отложить возражения до следующего случая». Но царь проявлял уступчивость лишь в вопросах внутреннего управления; в делах внешней политики Александр был непоколебим. Чарторийский в свою очередь отмечал еще одну его особенность: «Те, кто побуждал императора принять немедленно энергические меры, мало знали его. Такие настояния всегда вызывали в нем стремление отступить, поэтому они были совершенно нецелесообразны и только могли колебать его доверие».

В последнем замечании сказывается прежде всего характер самого царя, но были тут и посторонние влияния, призывавшие его к осторожности.

В августе в Петербург приехал Лагарп.

Это был уже не прежний идеалист-теоретик, а политик, причем политик неудавшийся, что отразилось на его воззрениях. Повторяя из приличия старый припев о свободе и равенстве, он с негодованием выступал против призрачной свободы народного представительства и

видел благо в разумном, просвещенном самодержавии, охраняющем страну от губительной игры раздраженных самолюбий и сумасбродных идей, рядящихся в мантию либерализма.

Александр с удовольствием возобновил эту идиллическую дружбу. Когда жена Лагарпа сказала ему, что в Париже все без ума от молодого русского царя, Александр, приятно покраснев, скромно ответил:

– Если во мне есть что-либо, заслуживающее расположения, то кому я этим обязан, как не вашему мужу? Если бы не было Лагарпа, не было бы и Александра.

Государь посещал свергнутого диктатора два раза в неделю, но поскольку из-за обилия дел никогда не мог заранее назначить день и час, то Лагарп не выходил из дома, в ожидании визита. Часто Александр заставал его еще в халате. В их отношениях царь продолжал поддерживать роль молодого воспитанника, благоговееющего перед старым наставником. Лагарп был польщен и говорил без умолку.

– Я не поздравляю вас с тем, что вы сделали властителем тридцати шести миллионов подобных себе людей, – ораторствовал он, – но я радуюсь, что судьба их отныне в руках монарха, который убежден, что права человека – не пустой призрак, и что глава народа есть его первый слуга. Вам предстоит теперь применить на деле те начала, которые вы признаете истинными. Я воздержусь давать вам советы, но есть один, мудрость которого я уразумел в несчастные восемнадцать месяцев, когда я был призван управлять страной. Он состоит в том, чтобы в течение некоторого времени не останавливать обычного хода администрации, не выбивать ее из давней колеи, а внимательно следить за ходом дел, избегая скоропостижности и насильственности реформ. Искренне желаю, чтобы человеколюбивый Александр занял видное место в летописях мира, между благодетелями рода человеческого и защитниками начал истины и добра.

Он предостерегал Александра от либеральных увлечений, убеждал дорожить своей властью, видоизменять ее постепенно, без крика и шума народных собраний, и указывал на пример Пруссии, открывшей тайну, как соединить абсолютизм с законностью и правосудием.

Касаясь 11 марта, Лагарп был настолько наивен, что имел претензию думать, будто первый открыл своему воспитаннику суть дела. Он с жаром доказывал, что виновных надо искать среди высокопоставленных особ и что их следует немедленно привлечь к суду. Александр смущенно отвечал, что это совершенно невозможно при нынешнем состоянии умов, волнуемых слухами о реформах, и ввиду сильной аристократической партии, привыкшей к дворцовым переворотам и опирающейся на гвардию.

– Тогда уничтожьте гвардию, избавьтесь от этих преторианцев! – восклицал швейцарец. – Армия более надежна, только каждые два года следует обновлять столичный гарнизон полками, призванными из внутренних губерний.

Александр и тут видел непреодолимые трудности и спешил переменить тему.

Лагарп не присутствовал на заседаниях негласного комитета, но числился как бы полуофициальным членом последнего. Помимо частых бесед с царем, он представлял ему, по своему обыкновению, обширные доклады с подробным обзором всех отраслей администрации. Вначале их читали вслух на заседаниях, но потом, ввиду их невероятной пространности, стали поочередно брать домой.

Члены негласного комитета недолюбливали самоуверенного швейцарца, видя в нем опасного соперника и большого зануду. «Он казался нам, – писал Чарторийский, – значительно ниже своей репутации и того мнения, которое составил о нем император». Лагарп, продолжавший носить форму главы директории и большую саблю на вышитом поясе, представлялся им обломком прошлого столетия, формалистом и доктринером. Они дали ему насмешливое прозвище «регламентированная организация» – по словосочетанию, часто употребленному им в одном из докладов. Чарторийский был уверен, что «император, быть может, сам себе в том не признаваясь, чувствовал, что его прежнее высокое мнение о бывшем воспитателе начинает колебаться...». Действительно, выносить назидательную болтовню стареющего «философа» ста-

новилось все труднее. Впрочем, «о личном характере Лагарпа император никогда не менял своего мнения... Император не любил насмешливых отзывов о ничтожестве писаний Лагарпа, и наоборот..., Александру было приятно, когда он мог сообщить Лагарпу, что его идеи встречены одобрительно и получают осуществление...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.